

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

И. О. Князький

**ИМПЕРАТОР
ДИОКЛЕТИАН**

И ЗАКАТ АНТИЧНОГО МИРА

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
К54

*Посвящается светлой памяти
Андрея Чеславовича КОЗАРЖЕВСКОГО*

Введение

Князький И. О.

К54 Император Диоклетиан и закат античного мира / И. О. Князький.— СПб.: Алетей, 2010. — 144 с. — (Серия «Античная библиотека. Исследования»).

ISBN 978-5-91419-310-9

Монография посвящена одной из важнейших эпох в истории Римской империи и всей античной цивилизации. Глубокие преобразования, проведенные выдающимся императором-реформатором, привели к началу нового периода в римской истории. Принципат — государственный строй, сложившийся в правление Августа, в годы царствования Диоклетиана окончательно превращается в Доминат. «Монархия в республиканских одеждах» становится неограниченной монархией.

Опираясь на широкий круг источников и исследований, автор анализирует эволюцию императорской власти, новую ее систему, государственное управление, экономическую политику Диоклетиана. Особое внимание уделено религиозной политике основателя Домината, последнему великому гонению на христиан в Римской империи.

Монография предназначена для широкого круга читателей.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

Правление императора Диоклетиана является одним из наиболее важных и переломных периодов в истории Римской империи. Отныне в ней остается мало общего с империей I—III вв. Принципат сменяется Доминатом. Подобно тому, как Август заложил основы государственного строя, существовавшего до последней четверти III в., Диоклетиан, сумев преобразовать одряхлевший Принципат и укрепить внешнюю мощь империи, создал строй, который существовал до самого падения Западной Римской империи, став также основой державного устройства Византии.

Время, предшествовавшее вступлению Диоклетиана на императорский престол, было чрезвычайно тяжелым для Римского государства. Империя утратила единство, резко ослабла военная мощь державы, мощные социальные движения сотрясали целые провинции. Вся Галлия была охвачена грандиозным восстанием, мятежный вождь Тетрик провозгласил себя императором. Пальмира, столица незначительного государства, с поразительной быстротой превратилась в центр нового царства, захватившего часть восточных провинций Римской империи. Тяжелейшие поражения принесли римлянам внешние войны, резко подорвавшие авторитет центральной власти. Они развеяли миф о непобедимости римского оружия. В 251 году в битве с готами при г. Абритте римское войско потерпело страшное поражение, в бою погиб император Деций. В 260 году персидский царь Шапур разбил римлян и захватил в плен императора Валериана. Плененный император был вынужден прислуживать царю-победителю. Впервые римляне испытали такой позор.

Войны приносили империи постоянный успех, богатую добычу, множество рабов, новые провинции в первые два века Принципата: при Августе были присоединены Египет (30 г. до н.э.), Ливия (20 г. до н.э.), завершено покорение Испании (19 г. до н.э.), римские владения достигли Дуная (29 г. до н.э.), в 15 г. до н.э. присоединены Реция и

ISBN 978-5-91419-310-9

©И. О. Князький, 2010
©Издательство «Алетей» (СПб.), 2010
©«Алетей. Историческая книга», 2010

Норик, в 9 г. до н.э. Паннония и Иллирия — Дунай стал постоянной границей Римской империи на севере вплоть до своего устья после захвата Нижней Мезии в 3-4 гг.; на время (9 г. до н.э. — 9 г.) рубежи римских владений в Германии достигали Эльбы; при Тиберии присоединена Каппадокия (17 г.), при Калигуле-Мавритания (40 г.), при Клавдии-Британия (43 г.) и Фракия (46 г.), Веспасиан усмирил Иудею. Последние большие завоевания произошли при Траяне — Дакия в 107 г. стала последней, 36-й, провинцией Римской империи, однако завоеванных в 115-177 гг. Армении и большей части Месопотамии, исключая ее северные области, римляне не удержали; Адриан уже переходил к обороне, а при Антонине Пие Империя совершила свое, пожалуй, последнее, завоевание, расширив владения в Британии за счет южной и центральной Каледонии (совр. Шотландия). С начала Маркоманской войны при Марке Аврелии (169 г.) войны империи, преимущественно оборонительные, и даже победоносные походы против Парфии того же Марка Аврелия, а затем Септимия Севера не приносят Риму значительных территориальных приобретений. Возможности экстенсивного развития Римской империи, таким образом, исчерпываются. Отсюда неблагополучие в экономике, естественно распространяющееся и на все прочие сферы жизни державы. Отсюда и «великий кризис».

Столь жестокие неудачи способствовали также и усилению социальной борьбы в империи (наиболее яркий пример — восстание багаудов в Галлии), что не могло не устроить провинциальные элиты. С 60-х годов III века они вновь активно ищут союза с правительством, спланиваются вокруг него, что становится немаловажным фактором, способствующим восстановлению, казалось, уже утраченного единства Римской империи. После того, как при Галлиене (260-268 гг.) распад империи достиг крайних пределов — Галлия провозгласила себя самостоятельной империей, царица Пальмиры Зиновия (267-373 гг.) завоевала Сирию, Египет, Палестину, римскую Месопотамию, большую часть Малой Азии — при императоре Клавдии II (268-270 гг.), римляне переходят в контрнаступление на внешних и внутренних врагов империи. В 269 г. в битве при Наиссе Клавдий II нанес сокрушительное поражение готам, за что и вошел в историю под славным именем Готского. Император Аврелиан (270-275 гг.), хотя был вынужден оставить завоеванную в начале II в. великим Траяном Дакию, отведя в 271 г. легионы и римское население к югу от Дуная, но уничтожил вновь возникшее Пальмирское царство, взял штурмом Пальмиру и пленил царицу Зиновию. Давно уже Рим не видел такого пышного триумфа. Аврелиан въехал в Рим в роскошной колеснице, украшенной драгоценными камнями. Раньше она принадлежала

мужу Зиновии Оденату (ум. в 267 г.), основателю могущества Пальмиры. На ней гордая царица мечтала победно вступить в Вечный Город... теперь она брела за ней, закованная в золотые цепи. Аврелиан сумел также покончить и с Галльской империей. Самозванный галльский император Тетрик и его сын брели вослед Зиновии, правда, без золотых цепей, той же триумфальной колонной. Император Проб (276-282 гг.) изгнал из Галлии франков, успешно воевал с маврами в Африке.

Окончательное восстановление империи произошло в годы правления Диоклетиана (284-305 гг.). Диоклетиан (изначальное имя Диокл) был уроженцем г. Диоклеи в Далмации. Традиционно считается, что он был сыном вольноотпущенника родом то ли из Иллирии, то ли из Далмации. Низкое происхождение не помешало ему сделать блестящую карьеру. Поскольку начинал он службу простым легионером, то успешное продвижение по служебной лестнице могло быть только следствием его выдающихся природных способностей. Он стал крупным администратором в Галлии при Аврелиане, когда тот покончил с Галльской империей, был наместником провинции Мезия в Нижнем Подунавье при императоре Каре (282-283 гг.). При Нумериане, после гибели Кара, он командовал императорской гвардией — был начальником дворцовых войск.

Приход Диоклетиана к власти мало чем отличался от подобных же событий эпохи «солдатских императоров», начавшейся в 235 г., когда Максимиан сверг Александра Севера и пресёк таким образом династию. Предшествовали воцарению Диоклетиана следующие события.

Сменивший убитого взбунтовавшимися солдатами Проба (282 г.) император Кар назначил соправителями-цезарями своих сыновей Карина и Нумериана. Вверив управлению Карина Иллирию, Галлию и Италию, Кар, взяв с собой Нумериана, отправился в поход на персов. Поход оказался чрезвычайно успешен, и римляне, разгромив персидские войска, взяли город Ктесифон — столицу Сасанидской Персии. Однако столь блистательно начатое правление Кара через год с небольшим (283 г.) внезапно завершилось: в лагере на берегу реки Тигра владыка Рима погиб от удара молнии. Нумериан, отличавшийся выдающимися способностями, по утверждению Евтропия (18.1), к несчастью своему, страдал глазной болезнью и потому ехал в закрытых носилках. Этим и воспользовался тесть Нумериана префект претория Апри, сам возмечтавший о престоле. Убив Нумериана, префект пытался скрыть от войска его смерть, до поры до времени уверяя всех, что цезарь не покидает паланкина из-за болезни глаз. Однако запах разлагающегося тела открыл преступление Апри.

Известие о гибели Нумериана взорвало войско, возвращавшееся из похода на Персию и достигшее уже Никомедии в Вифинии близ Мраморного моря. На сходке воинов 17 октября 284 г. Диокл, начальник дворцовых войск, поклялся, что никакого отношения к убийству Нумериана не имеет, а поскольку рядом стоял истинный убийца — Априан, то немедленно поразил его мечом¹. С этого мгновения он из Диокла превратился в Диоклетиана, точнее, в Цезаря Гая Аврелия Валерия Диоклетиана Августа, императора Рима.

Карин, правивший Западом, не сумел противостоять Диоклетиану и в большом сражении у Марги был разбит и погиб. Так Диоклетиан стал единодержавным владыкой. Теперь он мог приступить к борьбе с сепаратистскими движениями в разных провинциях империи.

В 285–286 гг. с восстанием багаудов в Галлии покончил главный соправитель Диоклетиана Максимиан. Борьба с багаудами оказалась очень нелегкой. Максимиан в начале ее, не рассчитывая на верность рейнской армии, выпросил у Диоклетиана часть легионов с Востока. Но даже среди этих легионеров многие сочувствовали мятежникам. Существует версия, что вожди багаудов Элиан и Аманд исповедовали христианство, и потому легионеры-христиане, а таких было немало в легионах и Запада, и Востока, не желали сражаться против багаудов, предводительствуемых единоверцами. Известно, что Максимиану пришлось казнить немало легионеров, заподозренных в сочувствии или пособничестве.

Багауды были разбиты армией Максимиана при Кусси (в совр. Бургундии) и отступили в свою крепость на реке Марне. Крепость эта, основанная еще в эпоху завоевания Галлии Гаем Юлием Цезарем, была сильно укреплена: окруженная с трех сторон водой, она соединялась с берегом только одним мостом. Не решившись штурмовать крепость багаудов, Максимиан принудил осажденных к сдаче голодом. Часть сдавшихся мятежников была казнена, остальных продали в рабство, причем ни сами они, ни дети их не могли быть когда-либо отпущены на свободу.

Память о багаудах сохранилась и в средневековой Франции, где многих из них чтили как христианских мучеников, а за их разрушенной крепостью утвердилось название «замка багаудов»².

Последним крупным оплотом сепаратизма оставалась Британия, где с 287 по 293 гг. правил мятежный предводитель Каравзий, которого сменил его последователь Аллект (293–296 гг.). Восстановил

римскую власть в Британии Асклепидот, префект претория соправителя Диоклетиана цезаря Констанция Хлора. В то же время сам Констанций успешно отразил вторжение в Галлию алеманнов, коих было уничтожено в решающем сражении около шестидесяти тысяч.

Вот описание этой войны у Евтропия: «Тем временем Цезарь Констанций успешно сражался в Галлии. У лингонов (галльское племя, жившее по соседству с секванами, обитателями берегов Секваны-Сены) в один и тот же день попытался он превратности судьбы. Ибо при внезапном набеге варваров столь быстро был вынужден бежать в город, что, поскольку ворота его уже были закрыты, пришлось втаскивать его на стену при помощи веревки. Но не прошло и пяти часов, как с подходом его войска он уничтожил шестьдесят тысяч алеманнов»¹.

Сам Диоклетиан в 296 г. после восьмимесячной осады Александрии подавил мятеж в Египте, убив его предводителя Ахилла. Тогда же были изгнаны из Египта кочевые племена блеммиев. По словам Евтропия, «одержав победу, он поступил сурово: весь Египет опустошил проскрипциями и убийствами. Однако через это мудро устроил и установил многое из того, что и поныне сохраняется»².

В те же годы (297–298 гг.) в Африке успешно отразил нападение мавров и подавил внутренние мятежи, овладев Пятиградьем — Пентаполисом, Максимиан.

В 288 и 289 гг. на Дунае римляне успешно отражали вторжения сарматов, карпов, бастарнов; старые враги римлян — маркоманы — были перебиты.

Крупнейшим внешнеполитическим событием эпохи Диоклетиана стала война с Персией в 296–298 гг. Начатая из-за того, что персами из Армении был изгнан царь Тиридат III, пользовавшийся поддержкой римлян, война поначалу шла неудачно, принесла Риму жестокое поражение между Каллиником и Каррами в Месопотамии (роковое место: там когда-то в 53 г. до н.э. был разбит парфянами и погиб Марк Лициний Красс, ранее прославившийся подавлением восстания Спартака). Вскоре, однако, собрав новые войска в Иллирии и Мезии и перебросив их в Малую Азию, соправитель Диоклетиана цезарь Галерий разгромил персов: весь вражеский лагерь с колоссальной добычей, жены, сестры и дети персидского царя Нарсеса (293–302 гг.), вся его богатейшая казна были захвачены римлянами. Итогом этой блестящей победы стал почетный для римлян мир с персами, на престоле в Армении был восстановлен римский ставленник Тиридат III, пять провинций северной Месопотамии отошли к Риму.

¹ Аврелий Виктор. О цезарях, XXXIX, 14.

² Ковалев С. И., Штаерман Е. М. Очерки истории Древнего Рима. М., 1956. С. 296.

¹ Евтропий. 23.

² Там же.

Успешные войны позволили полностью восстановить единство Римской империи и вновь высоко подняли ее внешнеполитический авторитет. В то же время было очевидно, что невозможно закрепить эти успехи, не преобразовав весь государственный организм державы. События III в. — великий кризис эпохи солдатских императоров (235-284 гг.) — свидетельствовали о глубоких изменениях в политической, экономической и социальной жизни империи. Изменения, которые, если не принять радикальных мер, могли быть попросту смертельны для будущего империи. Только усиление государственной власти, опирающейся на мощную армию и разветвленный бюрократический аппарат, могло предотвратить повторение событий середины III столетия. Задачу глубокого преобразования римского общества и выполнил император Диоклетиан.

Источников, повествующих о правлении Диоклетиана, сохранилось не так много, как по эпохе расцвета принципата в I—II вв., но, сравнительно с эпохой солдатских императоров (295-284 гг.), состояние источников лучше.

Крупным общим историческим трудом, дошедшим до нас целиком и описывающим диоклетиановское время, является «Церковная история» христианского писателя Евсевия Памфила (ок. 250-340 гг.). Он в основном касается событий правления Диоклетиана, связанных с последним великим гонением на христиан в начале IV века. Следует отметить, что Евсевий старается найти причины преследования христиан не столько в личной злобе Диоклетиана и Галерия, сколько в том, что политика руководителей христианского клира поставила церковь в такое положение, при котором она не могла не вызвать репрессий императорской власти. Именно на «мнимых пастырей» Евсевий возлагает вину за трагические события первых лет IV столетия. Правление Диоклетиана Евсевий характеризует как время, когда вся империя процветала, но после того, как август начал преследовать христиан, дела государства пришли в упадок, а сам Диоклетиан был вынужден отказаться от власти¹.

Объективность Евсевия в оценке гонений Диоклетиана на Церковь, возможно, объясняется его принадлежностью наряду с великими христианскими мыслителями предшествующей эпохи — Тертулианом и Оригеном — к сторонникам «идеи прогресса в земной истории»². Согласно их взглядам, создание и расширение Pax Romana — римского мира — подготавливало победу дела Христова. А Диоклетиан очень много сделал для укрепления римской державы.

Заслуживает внимания «Краткая история Рима» Евтропия, писателя второй половины IV века. Евтропий довольно подробно освещает внешнеполитические события времени правления Диоклетиана, его борьбу за восстановление и укрепление единства империи, но практически не затрагивает экономическую и религиозную политику Диоклетиана. Он подчеркивает монархическую сущность политической системы Диоклетиана¹.

Большую ценность представляет собой «Historia Nova», историка V века Зосима, отразившего в своем повествовании идеологию консервативного римского патрициата. Зосим дает довольно подробные сведения о государственном управлении времени Диоклетиана, характеризует его внешнюю и внутреннюю политику. Образ Диоклетиана нарисован Зосимом с большой симпатией. Он противопоставляет его Константину, утверждая, что Константин, отойдя от принципов Диоклетиана, ослабил империю. Время Диоклетиана Зосим оценивает как эпоху могущества и процветания. «Когда Римская империя благодаря предусмотрительности Диоклетиана повсюду по крайним границам была окружена поселениями, крепостями и укреплениями, в них жили все войска, и не могло быть, чтобы варвары перешли границы, так как всюду войска бросались навстречу врагам, чтобы их отразить»². С другой стороны, Зосим вынужден признать обременительность для народа налоговой системы Диоклетиана³. Особые симпатии Зосима к Диоклетиану объясняются его религиозными убеждениями. Зосим, убежденный сторонник язычества, идеализировал гонителя христиан, противопоставляя его христианским императорам (Константину I и Феодосию I).

Особого внимания заслуживают работы, посвященные специально времени правления Диоклетиана. Очень ценно сочинение Лактанция — «христианского Цицерона» — «О смерти гонителей». Автор, ненавистник свирепого гонителя своих единоверцев, не жалеет черной краски для оценки деятельности Диоклетиана, Максимиана и особенно Галерия. Исключение он делает только для Констанция Хлора, миролюбиво относившегося к христианам, и, что очень важно, для отца Константина I⁴. Лактанций утверждает, что Диоклетиан совершенно разорил население и вызвал к себе всеобщую ненависть, что, вне всякого сомнения, сильно преувеличено. На Диоклетиана и особенно на Галерия Лактанций возлагает вину за преследования христиан. Он

¹ Евтропий. IX, 26.

² Zosimus. II, 34.

³ Zosimus. IV, 53.

⁴ Новейший перевод: Лактанций. О смертях преследователей / Пер. В. Тюленева. СПб., 1998.

¹ Евсевий Памфил. Церковная история.

² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 126.

утверждает, что поджог императорского дворца в Никомедии был заранее продуманной провокацией Галерия¹. Использование этого источника требует большой осторожности из-за его крайней тенденциозности.

Известную ценность представляют так называемые «Латинские панегирики». Это сборник, содержащий панегирики, произнесенные галльскими ораторами в честь Диоклетиана и его соправителей². При всей своей тенденциозности — явной идеализации Диоклетиана и соправителей — сборник содержит полезный фактический материал о деятельности четырех императоров.

Ценным источником, освещающим приход Диоклетиана к власти, являются биографии императоров Кара, Карина и Нумериана, написанные Флавием Вописком Сиракузянином и входящие в сборник *Scriptores historiae Augustae*, составленный, по-видимому, в первой половине IV в.³ Образ Диоклетиана в этой биографии рисуется как образ мудрого, решительного человека, заботящегося о народе и укрепившего империю. Из недостатков Диоклетиана указывается лишь его низкое происхождение.

Биография Диоклетиана написана историком IV в. Аврелием Виктором и входит в составленный им сборник биографий императоров «О цезарях». Аврелий Виктор — последний представитель биографической историографии Римской империи. Он с большим уважением отзывается о личных качествах Диоклетиана, пишет о его «выдающемся характере» (XXXIX, 47), подчеркивает его заботу о процветании государства (XXXIX, 44). Уход Диоклетиана от власти он объясняет его предвидением грядущих бедствий (XXXIX, 47)⁴.

Говоря об эпиграфических источниках, стоит подчеркнуть особое значение знаменитого Эдикта о ценах, изданного Диоклетианом в 301 году. Хотя фрагменты этого законодательного акта были известны еще с XVIII века, до недавнего времени историки не располагали полным текстом эдикта, и лишь в 1973 году при раскопках Афроди-

сиады в Малой Азии был найден его полный текст¹. Значение эдикта для изучения экономики Римской империи исключительно. В нем дается обстоятельная картина всей хозяйственной жизни Римской империи на рубеже III—IV вв. н.э.

Что касается юридических документов эпохи Диоклетиана, то, их не всегда можно точно датировать и установить связь между ними.

Все же в *Corpus Iuris Civilis* сохранилось некоторое число рескриптов и законов, изданных Диоклетианом². По ним можно проследить его политику в области экономических и социальных отношений, администрации и армии. Кодекс Юстиниана сохранил и ряд ответов Диоклетиана на обращенные к нему вопросы по поводу разного рода тяжб, жалоб, просьб³. Самые важные из законов Диоклетиана собраны в «Сравнении Моисеевых и римских законов» (*Collatio Mosaicarum et Romanarum Legum*, XV, 3).

К источникам эпохи Диоклетиана относятся также папирус из Панополя в библиотеке Честер Бьюти в Дублине и документы, собранные в архиве Аврелия Исидора⁴.

К числу актовых источников относятся и «Проконсульские акты» о судебных процессах над христианами времен диоклетиановых гонений на Церковь. Они были впервые собраны и опубликованы монахом-бенедиктинцем Руинартом и изданы в 1689 г.⁵

Ряд сведений об эпохе Диоклетиана содержится также в Кодексе Феодосия.

Из источников постантичной эпохи, содержащих сведения о правлении Диоклетиана, стоит выделить «Хронографию» Иоанна Малалы, где описаны военные мероприятия на восточных рубежах империи⁶.

Обзор сайтов электронных и библиотек по позднеантичной и раннехристианской истории есть в отечественной литературе⁷.

¹ Бокщанин А. Г. *Источниковедение Древнего Рима*. М., 1981. С. 92; Frank T. *The review of the economy of Antic Rome*. Oxford, 1933-1940. Vol. I. P. 305-421.

² *Corpus Iuris Civilis*. Vol. I—II. Rec. P. Krueger. Berolini, 1966. *Codex Justinianus* (далее — *Cod. Just.*); *Дигесты Юстиниана*. М., 1984. (Далее — *Dig.*)

³ *Cod. Just.* III, 3, 4; *Cod. Just.* IV, 10, 3, 11; *Cod. Just.* IV, 62, 22.

⁴ См. обзор у: Джонс А. Х. М. *Гибель античного мира*. Ростов н/Д, 1997. С. 42.

⁵ Theodorici Ruinarti, monachi Benedictini. *Acta martyrum sincera et selecta*. Roma, 1689, t. 1-3.

⁶ Ioannis Malalae *Chronographia*. XII, 308.

⁷ Казаков М. М. Христианизация Римской империи в IV в. С. 54-58. Из русских сетевых ресурсов следует указать сайт «История Древнего Рима» (Центр Антикведения Санкт-Петербургского государственного университета)

¹ Лактанций. О смерти гонителей, 9.

² «Panegyrici latini». — Цит. по: Ковалев С. И., Штаерман Е. М. *Очерки истории Древнего Рима*. С. 298.

³ Цит. по: *Властелины Древнего Рима (Scriptores historiae Augustae)* / Пер. С. П. Кондратьева; под ред. А. И. Доватура. М., 1992. (Далее — *SHA*.)

⁴ Новейшее русское издание важнейших источников по истории правления Диоклетиана — книга «Римские историки IV в.» (М., 1997), где даны «Краткая история от основания Города» Евтропия в переводе А. И. Донченко, «О цезарях» Аврелия Виктора в переводе В. С. Соколова с комментариями А. И. Донченко, М. Ф. Высокому и М. Л. Хорькову.

Естественно, что один из переломных моментов римской истории освещен во всех трудах, посвященных ей. Диоклетиан никак бы не мог пожаловаться на недостаток внимания историков к его исторической деятельности.

Исключительно высокого мнения о Диоклетиане был великий Вольтер. Крайне негативно относясь к личности Константина Великого, при котором, как известно, в Римской империи восторжествовало христианство, славный просветитель не мог не восхититься его предшественником, гонителем христиан, последним защитником древних устоев античности, но, главное, человеком, пренебрегшим высшей властью и добровольно таковую оставившем. Статья о Диоклетиане в «Философском словаре» заканчивается такими словами: «Он сказал, что начал жить в день своего отречения, и когда его просили вернуться на трон, он ответил, что трон не стоит покоя его жизни и что ему больше радости доставляет ухаживать за садом, чем управлять всем миром»¹.

Из европейских историков XVIII века наиболее подробно исследовал ту эпоху Эдуард Гиббон в своей классической «Истории упадка и разрушения Римской империи»². Он считал Диоклетиана восстановителем могущества Римской империи, находя, что «царствование Диоклетиана было более славно, чем царство какого-либо из его предшественников». Английский историк высоко оценивал личные качества основателя Домината, полагая, правда, что у Диоклетиана «были скорее полезные, чем блестящие способности»³. Труд Э. Гиббона отличает великолепное знание фактического материала, исключительная подробность изложения, благодаря чему он сохраняет известное значение и до наших дней.

Интересную оценку личности преобразователя Римской империи дал великий Георг Бартольд Нибур: «Диоклетиан по всему был замечательный человек, мы можем осуждать некоторые его планы, однако сами эти попытки говорят о его способностях, и эти способности сказываются во всем, что ни делает он в течение своего царствования»⁴.

<http://rome.webzone.ru>). М. М. Казаковым в Смоленском гуманитарном университете создан специальный ресурс в Интернете «Античное христианство», в котором содержится информация о христианской литературе позднеримской эпохи, тексты ряда авторов в переводе на русский язык, исследования, публикации, библиография (<http://christianity.shu.ru>).

¹ Цит. по: Крест Карл. История времен римских императоров. Ростов н/Д, 1997. Т. II. С. 408.

² The history of the Decline and Fall of the Roman Empire / By Ed. Gibbon. London. 1776-1778, v. I-III.

³ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М., 1883. С. 443-444.

⁴ Niebuhr G. B. Die Vortrage tiber Romische Geschichte. Bonn, 1830-1831, V. 3. S. 389.

Ренан считал Диоклетиана великим реформатором, сумевшим дать империи новую жизнь. Перенос Диоклетианом «средоточия всех дел в Никомедию» Э. Ренан оценивал как понимание того, что «Восток был свободнее, живее, цивилизованнее, политичнее». Говоря же об итогах борьбы Диоклетиана и его соправителей с христианской церковью, Э. Ренан писал: «Церковь восторжествовала благодаря своим мученикам. Римская гордость уступила»¹.

Отто Гунцикер оценивал и личность императора, и плоды его державной деятельности исключительно высоко: «Диоклетиан был муж чрезвычайных духовных дарований: искусный полководец, он является еще более искусным как муж мира. Он обладал редкою государственною мудростью и силою воли, и эта сила воли подчиняла его личные наклонности и страсти целям правителя. Его административный талант и благоразумие приобрели ему имя отца золотого века, имя, с которым его собственные идеи об обязанностях государя согласуются вполне. Благоразумная расчетливость в каждом шаге, мудрый страх, как бы в каком-либо случае не зайти слишком далеко, соединялись в нем с железной энергией доводить до конца однажды принятое решение. Глубокое познание потребностей человечества, здравый взгляд на государство и его современное положение заменяли в нем прозорливость гения»².

В книге Теодора Прейсса о Диоклетиане личности основателя Домината давалась следующая характеристика: «Диоклетиан хотел, чтобы подданные во всех действиях его видели печать деятельности истинного отца народов, как он и именовал себя. Таким-то он и заявил себя в самом начале царствования, когда после победы над своим соперником в борьбе за престол он своей кротостью к врагам истинно изумил мир»³.

Особо следует выделить работы Теодора Моммзена. Он рассматривал Диоклетиана как завершителя политики Траяна на Востоке⁴ и как единоличного основателя новой государственной системы. Т. Моммзен считал, что хотя «пятидесятилетняя анархия» и подготовила почву для реформ, но тем не менее успех реформ связан только с Диоклетианом и только с ним связаны все крупнейшие изменения в римском государственном организме на рубеже III и IV вв.⁵

¹ Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. Ярославль, 1991. С. 335-336.

² Hunziker O. Diocletianus und seine Nachfolger. — Untersuchungen zur Römischen Kaiser Geschichte. Bd. II. Leipzig, 1868. S. 137-138.

³ Preuss T. Kaiser Diokletian und seine Zeit. Leipzig, 1869. S. 129-130.

⁴ Моммзен Т. История Рима. Т. 5. М., 1948. С. 399.

⁵ Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bde I—III. Leipzig, 1876-1888. S. 255.

Надо сказать, что ряд оценок Диоклетиана у величайшего немецкого историка античного Рима эмоционален. Невольно вспоминается здесь то обстоятельство, что, будучи ярким поклонником Гая Юлия Цезаря, Моммзен крайне неприязненно относился к личности основателя Принципата Августа. Чувства эти объяснимы: ярчайшая личность погибла, а посредственность успешно деятельность свою завершила. Не потому ли и привлек Теодора Моммзена Диоклетиан, бывший, безусловно, незаурядной натурой и, что особенно важно, положивший конец Принципату, созданному Августом?

Экономическую политику Диоклетиана Т. Моммзен считал малоуспешной¹.

Значительное внимание правлению Диоклетиана уделил швейцарский историк Я. Буркхардт в своей работе «*Zeitalter Constantins*». Он считал крайне неудачной систему престолонаследия, введенную Диоклетианом, справедливо полагая, что столь искусственная система не может быть долговечной². По мнению Я. Буркхардта, для верной оценки деятельности Диоклетиана необходимо учитывать религиозные суеверия того времени, которым император был очень подвержен³. Осуждая гонения Диоклетиана на христиан, Я. Буркхардт писал: «Он остался бы для нас одним из величайших римских императоров, спасителем цивилизации и государства, глубокомысленнейшим судьей потребностей своего времени, если бы он умер в 302 г.»⁴ (т. е. накануне начала своего великого гонения на христиан).

Среди исследований истории Поздней Римской империи должно выделить труд К. Штаде, посвященный Диоклетианову гонению⁵.

Из числа исторических исследований межвоенного периода выделяется капитальный труд Эрнста Штайна «История поздней Римской империи». Первый том ее охватывает эпоху от начала правления Диоклетиана до падения Западной Римской империи в 476 г.⁶

Обратим внимание на характеристику Диоклетиана, данную археологом и искусствоведом Германом Хафнером. Важнейшим следствием деятельности императора немецкий автор считает то, что утратили

индивидуальность все и вся в империи, не исключая и самих властителей.

Большое внимание деятельности Диоклетиана уделено Карлом Крестом в его «Истории римских императоров от Августа до Константина», вышедшей в Мюнхене в 1995 г. По мнению К. Креста, «Реформы тетрархии Диоклетиана, как и реформы Августа, охватывали почти все сферы государства и общества. Так как они долгое время осуществлялись одним человеком, личность и методы которого, правда, диаметрально отличались от Августа, они привели к внутренней целостности»².

В «Кембриджской древней истории» глава о правлении Диоклетиана написана профессором Уильямом Энслином. Автор главы подробно освещает все стороны деятельности Диоклетиана, отмечает абсолютистский характер его власти³, особо выделяет роль армии, которая стала главной силой в борьбе различных претендентов на власть⁴. Перу Уильяма Энслина принадлежит также биографический очерк в энциклопедии Паули-Виссова. (s. v. Valerius Diocletianus).

Большой вклад в исследование поздней Римской империи времени Диоклетиана и Константина внес Т. Д. Барнс. Его работа «Новая империя Диоклетиана и Константина» вышла в 1982 г.⁵ Т. Д. Барнс подробно исследовал особенности новой политической системы, оценивая вклад каждого из ее создателей. Симпатии автора скорее на стороне Константина Великого, обеспечившего торжество христианства. Т. Д. Барнс резко оценивает религиозную политику Диоклетиана, считая ее крайне неудачной, так же, как и эдикт о ценах⁶.

Важна книга С. Вильямса «*Diocletian and the Roman recovery*», вышедшую в Лондоне в 1985 г., содержащую богатый фактический материал и подробное описание основных событий его царствования. Диоклетиан здесь рассматривается как правитель, возродивший римское могущество⁷.

¹ *Hafner G. Prominente der Antike. 337 Porträts in Wort und Bild. Düsseldorf-Wien, 1981. Русский перевод: Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове и образе. М., 1984. С. 128.*

² *Christ Karl. Geschichte der römischen Kaiserzeit. München, 1995. Русский перевод: Крест Карл. История времен римских императоров. I—II. С. 385.*

³ *The Cambridge Ancient History. By W. Ensslin. Vol. XII. Cambridge, 1939. P. 384.*

⁴ *Ibid. P. 368.*

⁵ *Barnes T. D. The New Empire Diocletian and Constantine. Cambridge, Mass., 1982.*

⁶ *Barnes T. D. Op. cit. P. 195.*

⁷ *Williams S. Diocletian and the Roman recovery. London, 1985.*

¹ *Mommsen Th. Über das Edict Diocletians «De pretiis rerum venalium». — Gesammelte Schriften, II. Berlin, 1905. S. 72.*

² *Burckhardt J. Zeitalter Constantins. Basel, 1853. S. 422.*

³ *Ibid. S. 424.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Stade K. Der Politiker Diocletian und die letzte große Christenverfolgung. Berlin, 1926.*

⁶ *Stein E. Histoire de Bas-Empire. Vol. I (284-476). Paris, 1959, перевод и обработка J. R. Palanque. Первое, немецкое, издание тома вышло в 1928 г.*

Особое место занимают труды крупнейшего английского исследователя проблем Римской империи А. Х. М. Джонса. Его перу принадлежит фундаментальная трехтомная монография «*Later Roman Empire*», вышедшая в 1964 г.¹ Эпохе Диоклетиана уделено значительное внимание, всесторонне исследованы все направления деятельности императора-реформатора, подробнее анализируются все имеющиеся источники, основная историография. Диоклетиан рассматривается А. Х. М. Джонсом как создатель новой системы империи, переросшей в систему Византии при его преемниках.

Попытка создать подробную биографию Диоклетиана была принята еще в 1946 г. французским исследователем В. Сестоном, начавшим труд «*Dioclétien et la Tétrarchie*» — «Диоклетиан и тетрархия». Однако вышел только первый том, а затем издание прекратилось². Выводы В. Сестона оказали, по справедливому мнению Карла Криста, влияние на все современные исследования³. Согласно им, весь комплекс реформ Диоклетиана нужно понимать не как результат бюрократической страсти к планированию и не как результат систематической реставрационной политики, а в первую очередь как меры, продиктованные конкретными требованиями и задачами.

В 1952 г. в Париже вышла работа Д. Ван Берхема об армии Диоклетиана и константиновских реформах⁴, где подробно анализировались все перемены, происшедшие в вооруженных силах Римской империи в правление императоров, создавших систему Домината.

Должно отметить подробнейшую характеристику религиозной политики Диоклетиана, присутствующую в I томе «Истории христианства», вышедшей в 1993 г. в Париже под редакцией академика Жильбера Дагрона⁵.

Первым русским ученым, давшим характеристику правления Диоклетиана, был Тимофей Николаевич Грановский. Грановский оценивал Диоклетиана как выдающегося реформатора, восстановившего и укрепившего единство и мощь Римской империи⁶.

Первая в русской литературе специальная работа о Диоклетиане принадлежит М. Драгоманову: «Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого», вышедшая в Киеве в 1865 г.

¹ Jones A. H. M. *The Later Roman Empire*. Vol. I—III. Oxford, 1964. Ср. его же *The Decline of the Ancient World*. L., 1997.

² Seston W. *Dioclétien et la Tétrarchie*. Paris, 1946.

³ Крест Карл. *История времен римских императоров*. Т. II. С. 405.

⁴ Van Berchem D. *L'armée de Diocletian et la réforme constantinienne*. Paris, 1952.

⁵ *Histoire de Christianisme*. Vol. I. Paris, 1993.

⁶ Грановский Т. Н. *Лекции по истории Средневековья*. М., 1861. С. 23.

М. Драгоманов полемизирует с историками, считавшими весь период империи упадком Рима. Он писал: «Этот предмет есть часть исторической эпохи, наиболее представляемой в ложном свете. Римская республика ослепляет историков блеском своей славы до того, что они готовы не видеть ничего странного в тысячелетней жизни народа, кроме блестящего времени этой республики»¹.

Драгоманов отмечал, что «конституция Диоклетиана» в известной степени обеспечивала в Римской империи внутренний мир, «и время Диоклетиана не совсем без основания называли золотым веком»². Однако он считал, что у политической системы Диоклетиана были следующие недостатки: 1. Злоупотребления, связанные с централизованной системой администрации. 2. Содержание огромного войска. 3. Податная система³.

Близкие вопросы разбирал Э. Grimm в монографии «Исследования по истории развития римской императорской власти». Э. Grimm писал: «Дело в том, что первые три века империи далеко не представляют единого целого в конституционном смысле и что для понимания их необходимо внимательно исследовать отдельные фазы конституционного развития, пройденного императорской властью за это время. Только при этом условии возможно выяснить правильное значение реформ IV века и весь характер не только развития императорской власти, но и самой сущности ее как исторического фактора»⁴. Э. Grimm резко и справедливо критикует Т. Моммзена, утверждавшего, что создание новой политической системы в Римской империи было результатом сознательной деятельности одного или двух лиц.

Исследование Э. Grimma несправедливо игнорируется западной историографией⁵.

М. И. Ростовцев, не раз обращавшийся к эпохе Диоклетиана, наибольшее внимание ей уделил в своей «Экономической и социальной истории Римской империи»⁶.

Характеристику политического состояния поздней Римской империи дал М. И. Ростовцев в небольшой работе «Национальное и мировое государство»⁷.

¹ Драгоманов М. *Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого // Киевского университета известия*. 1865. № 2. С. 2.

² Драгоманов М. *Государственные реформы...* С. 19.

³ Там же. С. 12.

⁴ Grimm Э. *Исследования по истории развития римской императорской власти*. Т. 1. СПб., 1902. С. 11.

⁵ Егоров А. Б. *Рим на грани эпох*. Л., 1985. С. 13.

⁶ Rostovtzeff M. *Economical and social history of Roman Empire*. Oxford, 1926. P. 485. Рус. пер. с нем. изд. 1929 г.: Ростовцев М. И. *Общество и хозяйство в Римской империи*. Т. 1-2. СПб.: Наука, 2000-2001.

⁷ Ростовцев М. И. *Национальное и мировое государство*. М., 1915. С. 13.

Одним из крупнейших исследований истории гонений на христиан не только в отечественной, но и в мировой историографии является монография профессора А. П. Лебедева «Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом»¹. Особо подробно автор разбирает причины перехода Диоклетиана от толерантности в отношении христиан к крайней нетерпимости, к гонениям, обращает внимание на многочисленные противоречия и явные неточности в первоисточниках.

В русской исторической науке советской эпохи вопрос становления Домината затрагивался многими учеными. Первой и единственной в советское время крупной исторической работой, посвященной правлению Диоклетиана, является труд С. Архангельского «Указ Диоклетиана о таксах». Работа вышла в 1928 году в Нижнем Новгороде. Исследование С. Архангельского представляет большой интерес. Историк подчеркивает значение указа Диоклетиана для определения состояния римского рынка в конце III — начала IV веков нашей эры, отмечает, что указ важен и по той причине, что он проливает свет на столь важные проблемы, как «проблемы античного, в частности, римского капитализма, и проблемы кризиса античного денежного хозяйства»².

Первая попытка марксистского анализа деятельности Диоклетиана была сделана С. И. Ковалевым в работе «История античного общества», вышедшей в 1936 г. Он исходил из теории двухступенчатой «революции рабов»³ и рассматривал реформы Диоклетиана как попытку предотвратить наступление ее второго этапа⁴. В дальнейшем С. И. Ковалев «отошел» от этих взглядов. В «Истории Рима», вышедшей в 1948 г., и в «Очерках истории Древнего Рима», написанных совместно с Е. М. Штаерман, реформы Диоклетиана рассматриваются как «последнее видимое укрепление империи»⁵ и предпринята попытка анализа социально-экономических причин установления Домината.

Большой вклад в изучение этого вопроса внес советский историк В. С. Сергеев. В двухтомном труде В. С. Сергеева, посвященном рим-

ской истории, разбирается реформаторская деятельность Диоклетиана, дается четкая характеристика всех реформ¹.

Официальной идеологии начала Домината посвящена работа советского историка А. А. Каца «Идеологическая борьба в Римской империи начала IV в.», вышедшая в 1953 г. А. А. Кац указывал, что, хотя в конце III и в начале IV века в империи произошли крупные социально-экономические изменения, но политическая власть не изменила своего социального содержания, оставаясь рабовладельческой. Он подчеркивал, что в этих условиях для правящих кругов Римской империи особое значение приобретала религия, явившаяся важнейшей идеологической опорой Домината².

Ряду вопросов экономической политики Диоклетиана уделили внимание советские историки Г. Л. Курбатов и К. И. Новицкая.

В своей статье «Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV века», опубликованной в «Вестнике ЛГУ» в 1960 году, Г. Л. Курбатов отмечал, что при доминате империя превратилась в орган господства небольшой кучки крупных земельных магнатов и городских богачей. Римское государство оказалось более не в состоянии обеспечивать интересы широких слоев населения³.

Аграрной политике Диоклетиана посвящена статья К. И. Новицкой «Некоторые вопросы аграрной политики начала домината». Она указывает, что крупные земельные магнаты не были довольны империей, но были вынуждены мириться с ней ввиду массовых движений⁴. В статье также отмечается, что Диоклетиан пытался ограничить произвол земельных магнатов, оказав некоторую поддержку мелким и средним землевладельцам⁵.

В упоминавшемся уже в обзоре источников издании «Римские историки IV в.», в очерке «Последние историки великой империи» авторы (А. И. Донченко, М. Ф. Высокий, М. Л. Хорьков) подробно описывают мероприятия Диоклетиана по восстановлению единства империи и защите ее рубежей, а также военную и административную реформы начала Домината.

¹ Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. СПб., 1904.

² Архангельский С. Указ Диоклетиана о таксах. Н.Новгород, 1928. С. 367, 369.

³ Ковалев С. И. История античного общества. М.; Л. Т. 2.

⁴ Там же.

⁵ Ковалев С. И., Штаерман Е. М. Очерки истории Древнего Рима. С. 290.

¹ Сергеев В. С. Очерки истории Древнего Рима. М., 1938. С. 548.

² Кац А. А. Идеологическая борьба в Римской империи в начале III в. н. э. М., 1953. С. 11.

³ Курбатов Г. Л. Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в Восточных провинциях Римской империи IV в. // Вестник ЛГУ. 1960. Вып. I. С. 49.

⁴ Вестник древней истории. 1961. № 11. С. 47.

⁵ Там же. С. 47.

Реформам Диоклетиана и взаимоотношениям империи и христианства в годы его правления уделено значительное место в крупнейшей в современной отечественной антиковедческой литературе монографии, посвященной христианизации Римской империи в IV в., М. М. Казакова¹.

Эпоха Диоклетиана не относится к числу остродискуссионных тем в античной истории. Разумеется, при оценке отдельных сторон деятельности императора-преобразователя у историков возникали и возникают споры: Э. Гримм оспаривал утверждение Т. Моммзена о Диоклетиане — единственном создателе системы Домината; с Моммзеном не соглашался и К. Штаде, полагавший Диоклетиана только завершителем системы Принципата, но никак не основателем Домината, создание которого немецкий автор, безусловно, относил только к эпохе Константина; С. Архангельский критиковал искусственные, как он считал, модернистские оценки Эд. Мейером «Эдикта о ценах» Диоклетиана; явно упрощенной выглядит трактовка советскими историками реформ Диоклетиана как направленных в первую очередь на поддержку крупных землевладельцев (Г. Л. Курбатов, Е. М. Штаерман), но в характеристике значения проблемы в целом наблюдается устоявшаяся общность подходов. Таковая сводится, прежде всего, к определению эпохи Диоклетиана как конечного этапа античной цивилизации и начала зарождения средневековья.

Эволюция императорской власти в эпоху принципата

Реформы системы управления центральной Римской империи, проведенные в конце III — начале IV в. Диоклетианом, явились логическим завершением длительного процесса, происходившего на протяжении первых трех веков ее истории и приведшего в конечном итоге к коренным изменениям всей системы в римском государственном строе.

В течение Г-Н веков Римская империя развивается как колоссальное государственное объединение, в границах которого слились воедино все ранее существовавшие государственные объединения средиземноморского мира. Рим, таким образом, как и остальные государства античности, из «национального» государства превращается в мировую державу, бесконечно разнообразную по своему этническому составу, управляемую абсолютным монархом и защищаемую профессиональным, в основе своей наемным, дорого оплачиваемым войском¹.

Изменения, происходившие в Риме, охватили все области общественной и государственной жизни.

На протяжении трех веков политическая система Принципата, созданная Августом и сочетавшая в себе как новые монархические, так и старые республиканские формы правления, все более и более эволюционировала в сторону утверждения абсолютной монархии и постепенно порывала со всеми республиканскими традициями. К концу III века все республиканские названия являлись формальностью, с которой императоры, опирающиеся прежде всего на войско, уже давно перестали считаться.

«Секрет императорской власти» был открыт еще в гражданскую войну 68-70-х годов I в. н.э., когда впервые сделалось ясно, что достижение императорской власти отнюдь не связано с пребыванием в

¹ Казаков М. М. Христианизация Римской империи в IV в. С. 43-124.

¹ Ростовцев М. И. Национальное и мировое государство. С. 13.

Риме и поддержкой сената¹. Отныне владык Рима выдвигает армия. И только тот претендент на престол может рассчитывать на успех, на чьей стороне поддержка легионов.

При таком положении дел старые республиканские государственные институты не могли не утратить своего значения, в результате чего своеобразная диархия, то есть сочетание монархических и республиканских институтов управления государством должна была уступить место чисто монархическим формам правления.

«Диархия не могла быть прочной формой правления, и уже к концу предшествующего периода (Принципата. — *И. К.*) императорская власть приобретает заметный монархический оттенок. Продолжительные смуты, наступившие после Северов, обнаружили необходимость полной реорганизации государства, и эта реорганизация была проведена Диоклетианом, а затем в том же духе завершена Константином»².

Действительно, сосуществование двух противоположных форм государственного управления рано или поздно кончается торжеством одной из них, более жизнеспособной, тем более что при самом зарождении Принципата республиканские институты были сохранены Августом лишь для того, чтобы тщательно замаскировать монархическую сущность своего режима, и их сохранение вряд ли предполагало их политическую активность в дальнейшем.

Если проследить ход римской истории на протяжении этих трех веков, то легко можно обнаружить постоянную борьбу императоров за увеличение объема своей власти, постоянно обнаруживается их стремление отбросить мишуру республиканизма и юридически утвердить монархический характер своей власти.

С того самого времени, когда в Риме установился принципат Августа, начался и императорский культ, непременной частью которого было обожествление личности правителя империи. Уже само имя Августа («умножающий»), которое сенат пожаловал ему в 27 г. до н.э., имело значение некоей божественной силы (*pumen*), выделявшей Августа из числа простых смертных. Со времени Августа личность императора стала считаться носителем божественной мощи и силы, и, соответственно, функций божества. Теперь его деяния, воля, проявления власти расценивались как явления божественного характера, а сам принцепс выступал как носитель божественной власти³.

Божественную природу император получал после смерти, после постановления сената о его обожествлении. Соответственно, каждый его преемник, будучи преемником «божественного», был или считался сыном, внуком, правнуком прочих божественных (кровное, действительное родство здесь, как известно, значения не имело)¹.

Именно последнее обстоятельство позволило знаменитому французскому историку справедливо упрекнуть основателя Принципата в том, что «Август не исполнил долга истинного политика, оставив будущее на произвол судьбы. Без твердо установленного права престолонаследия, без точных законов об усыновлении, без всякого закона об избрании императора, без всяких конституционных ограничений, цезаризм оказался слишком тяжелым грузом на этом корабле без балласта. Самые ужасные взрывы были неизбежны. Три раза в течение одного века — при Калигуле, при Нероне и при Домициане, — самая огромная какая-либо существовавшая власть попадала в руки презренных или полоумных людей. Вот отчего совершались все те ужасные преступления, которые не уступят, пожалуй, чудовищным зверствам монгольских династий»².

Уже первые императоры неплохо осознали значение своей «божественности» и не желали быть только принцепсами — первенствующими в сенате, но государями, господами — не *princeps*, но *dominus*. Однако осознание это было далеко неоднозначно, и это в первую очередь проявляется в том, что собственно видят императоры I века в своей почти необъятной власти. Если для Августа, Веспасиана власть — это, прежде всего, служение государству, возможность управлять им, то для цезарей типа Калигулы, Нерона власть превращается в средство удовлетворения своих необузданных желаний³. К императорам такого типа в позднейшие времена можно отнести Коммода и Гелиогабала, но там они скорее исключения, ибо правители, отождествляющие себя с государством, явно превалируют. Это Антонины, исключая Коммода, Северы, ряд солдатских императоров — Деций, Аврелиан. Важнейшим же представляется то обстоятельство, что монархические тенденции все более и более подавляют республиканское наследие.

«Создание императорской власти как постоянно действующего и передаваемого по наследству института, установление его домини-

¹ Там же. С. 192.

² Ренан Эрнест. История первых веков христианства. Жизнь Иисуса. Апостолы. М., 1991. С. 555.

³ Егоров А. Б. О персональном факторе в истории Римской империи. — Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1989. С. 42.

¹ Бокщанин А. Г. Социальный кризис Римской империи в I в. н. э. М., 1954. С. 76.

² Покровский И. А. История римского права. СПб., 1918. С. 156.

³ Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. II. С. 192-193.

рования над сохранившимися республиканскими формами, начало создания внесенатского аппарата, нового типа армии, перемены в провинциальной политике, трансформация в идеологии — таковы общие направления наступления новой системы»¹.

Единственная, крайне робкая попытка республиканского реванша была спровоцирована изуверствами Гая Цезаря (Калигулы), когда после убийства его Кассием Хереей, «консулы, сенат и городские когорты заняли форум и Капитолий, в твердом намерении провозгласить всеобщую свободу. Его (будущего императора Клавдия. — *И. К.*) также приглашали через народных трибунов в курию, чтобы участвовать в совете, а он ответил, что его удерживают сила и принуждение. Однако, на следующий день, когда сенат, утомленный разногласиями противоречивых мнений, медлил с выполнением своих замыслов, а толпа стояла кругом, требовала единого властителя и уже называла его имя, — тогда он принял на вооруженной сходке присягу от воинов и обещал каждому по пятнадцать тысяч сестерциев — первый среди цезарей, купивший за деньги преданность войска»².

Приведенный рассказ Светония замечательно показывает два столпа молодой империи: армия, пусть и купленная за деньги, и желание народа иметь одного властителя, при котором явно больше надежд на прочность бытия, нежели при возвращении малопонятной уже свободы, воплощенной в бессильном сенате.

Преемник Клавдия — Нерон — «восклидал, что ни один из его предшественников не знал, какая власть в его руках, а порою намекал часто и открыто, что и остальных сенаторов он не пощадит, все их сословие когда-нибудь искоренит из государства, а войска и провинции поручит всадничеству и вольноотпущенникам. Во всяком случае, приезжая и уезжая, он не допускал сенаторов к поцелуям и не отвечал на их приветствия, а начиная работы на Истме, он перед огромной толпой во всеуслышание пожелал, чтобы дело это послужило на благо ему и римскому народу, о сенате не упомянув»³. Впрочем, на формальные полномочия сената Нерон все же не покушался, а после убийства Агриппины в своем послании давал сенату объяснения, пусть и заведомо лживые.

Новую титулатуру императоров вводит впервые Домициан (81-96 гг.): «он начал однажды правительственное письмо от имени прокураторов такими словами: "Государь наш и бог повелевает..." — и с

¹ Егоров А. В. Рим на грани эпох. С. 220.

² Светоний. Божественный Клавдий, 10, 3-4.

³ Светоний. Нерон, 37, 3.

тех пор поведось его называть и в письменных, и в устных обращениях только так»⁴.

Таким образом, открытое пренебрежение к сенату проявляли императоры уже династий Юлиев-Клавдиев и Флавиев. Современники Нерона скорбели по поводу того, что «ни у народа, ни у сената не осталось никакой власти»². Но если Нерон еще юридически не ставил себя выше сената, формально признавая его верховенство в государстве, то императоры II века начинают изменять законодательство, утверждая новые правовые нормы своей власти. Уже в правление Траяна принцепс официально признается стоящим выше законов: «*super leges*»³, — как пишет Плиний в своем «Панегирике». При преемнике Траяна, императоре Адриане, юристы его совета возводят это воззрение в степень правовой аксиомы. Императоры династии Северов, сменившей Антонинов в конце II в., продолжали политику правового оформления абсолютизма.

При Септимии Севере (193-211 гг.) происходит знаменательное изменение в официальной императорской титулатуре. Принцепс впервые вслед Домициану принял титул «*Dominus*», подчеркивая этим, что отныне он не просто является принцепсом сената, не только обладает высшей военной властью, но и является господином своих подданных. Он не просто первое из всех высших должностных лиц республики, как продолжала называться Римская держава, но владыка, стоявший выше, неизмеримо выше всех римских граждан и даже законов государства.

То, что при Домициане было эпизодом, при Септимии Севере становится нормой.

При Северах настойчиво развивалась мысль о божественной природе всех членов правящей династии, проводилась целенаправленная политика обожествления представителей императорской династии. Императорский культ получил новую опору в идее связи императорского дома с армией. Когда в 199 г. Септимий Север одержал блестящую победу над парфянами, успешно завершив войну, его вторая жена, уроженка финикийского города Эмессы Юлия Домна, получила титул *mater castrorum* (мать лагерей), что означало: отныне в каждом военном лагере вместе с изображением императора должно было находиться изображение императрицы⁴.

¹ Светоний. Домициан, 13, 2.

² Тацит. Анналы, XV, 52.

³ Plini Min. Paneg. 65. (Плиний Младший. Письма. Панегирик Траяну. М.; Л., 1950).

⁴ Культура Древнего Рима. Т. II. С. 193-194.

Собственно, Септимий Север здесь ничего не изобрел, так как еще в 174 г. такой титул был дан супруге Марка Аврелия Фаустине после победы римлян над сарматами в Паннонии, куда императрица сопровождала императора. Таким образом, Юлия Домна приравнивалась к супруге Марка Аврелия — законного императора счастливой для Рима эпохи Антонинов (96-192 гг.). А поскольку сам Септимий Север ввел в число своих предков последнего Антонина, Комода, и обожествил его, то теперь царствующая семья безусловно обретала законные права на престол. Упор на божественность императорской четы, ее преемственность от Антонинов (само имя Антонин было введено в титулатуру Северов), должны были подтверждать законность новой династии, что было важным прецедентом на будущее. Любопытно, что обожествление Комода было провозглашено сначала в армии, а лишь потом в сенате, что, несомненно, означало новый этап взаимоотношений императора и сената. Септимий Север внешне еще не отнял у сената его законодательной компетенции. Право сената издавать законы не оспаривалось: «Non ambigitur senatum ius facere posse»¹. Однако *senatus consulta* заменяются при Септимии императорским «*oratio*», заслушиваемым в сенате, то есть юридически законотворческую компетенцию сенат фактически уже не в состоянии осуществлять. Таким образом, со времени принципата Септимия Севера главным источником права становятся императорские «*constitutiones*»².

При Александре Севере (222-235 гг.) также происходит ряд значительных перемен в административном управлении империи. Лица, правившие от имени Александра, заменили сенаторских легатов всадниками (*praesides*) прокураторского ранга, ослабив тем самым влияние сенаторского сословия, отняв у него еще одну из его привилегий. В период правления Александра Севера проводятся важнейшие мероприятия, повлекшие за собой в дальнейшем полное разделение военной и гражданской властей в провинциальном управлении. Именно со времени Александра Севера за правителями провинций остается только гражданское управление, командование же войсками в провинциях устанавливается особо. Изменяется в силу этого терминология. Правители пограничных провинций именуются *praeses provinciae*, а самостоятельные начальники пограничных войск получили название *dux limitis*. Однако окончательное разделение обеих властей осуществляется только в правление Диоклетиана (284-305 гг.).

¹ Dig. 1,3,2.

² Нетушил Н. В. Очерк римских государственных древностей. Харьков, 1894. С. 37.

В период господства императоров из династии Северов происходят определенные изменения и в юридическом положении Италии в системе администрации империи. Былая привилегированная часть Римской державы постепенно начинает превращаться в рядовую провинцию, мало чем отличающуюся от прочих владений Рима. Септимий Север перенес идею проконсульского характера императорской власти в Италию, о чем свидетельствует надпись на его арке. Этим Италия низводилась до уровня обычной провинции. В дальнейшем, уже во второй половине III века, император Аврелиан разделил Италию на четыре административных округа с особыми правителями (*correctores*) в каждом.

Все эти факты свидетельствуют об интенсивности процесса дальнейшей унификации правового положения всех территорий империи. Постепенно начинают стираться всякие грани между Италией и провинциями Римской империи. Это объясняется не прихотью того или иного императора, а, прежде всего, утратой Италией экономического и политического приоритета. Экономический и политический прогресс провинций делал правовое уравнение всех жителей империи неизбежным. Эдикт Каракаллы, преемника Септимия Севера, изданный в 212 году, утверждал юридически то, что уже произошло в общественной жизни — фактическое равенство между римскими гражданами и провинциалами. Уже с конца I в. значение римского гражданства постепенно отмирало и в действительности не давало его обладателю никаких особых привилегий. Со времени эдикта Каракаллы 212 г. римское гражданство стало означать просто подданство Риму и подверженность римскому налогообложению. По сути, дарованием гражданских прав всем жителям империи Каракалла положил конец античной идее полиса.

В III в. императоры практически перестают считаться с сенатом. Император Галлиен (250-268 гг.) вообще устранил сенаторов от всех военных должностей, а Аврелиан (270-275 гг.) отнял у сената право чеканить даже медную монету. Он повелел официально называть себя «*Dominus et Deus*» — «господин и бог», возложил себе на голову золотую корону, блистающую драгоценными камнями (при этом в быту Аврелиан оставался человеком скромным, значит, в пышности и богатстве видел интерес сугубо государственный), создавая прецедент для дальнейшего официального прижизненного обожествления императора в эпоху Домината.

Как справедливо отмечено в «Кембриджской древней истории», «постоянной практикой в третьем столетии было провозглашение императора армией, после чего сенат давал свое формальное согласие»¹.

¹ The Cambridge Ancient History. Vol. XII, Ch. XI. P. 368.

Собственно, началось это впервые при падении Нерона, эпоха же «солдатских императоров» превратила эту сомнительную с правовой точки зрения традицию в норму, оставляя сенату сугубо декоративные функции. Редкие попытки восстановить значение сената, сделать его право утверждать новых императоров не формальным, но действенным немедленно пресекались, что ярко продемонстрировали события 275-276 гг.¹

После гибели Аврелиана его преемник Тацит, считавший себя потомком великого историка, обличителя деспотии, пытался было восстановить хоть в некоторой мере авторитет сената. Он возвратил ему право чеканить монету, восстановил компетенцию сената избирать принцепсов, отняв это право у «яростной военщины», но эти мероприятия, не подкрепленные настоящей силой, то есть опорой на армию, потерпели неудачу. Сам Тацит умер через полгода при неизвестных обстоятельствах (276 г.), а вскоре император Проб (276-282 гг.) окончательно отнял у сената те немногие права, которые пытался ему вернуть Тацит, являвшийся, кстати, последним императором, избранным на престол сенатом. Последующие императоры — Кар, Карин, — уже не нуждаются в одобрении сената при своем восшествии на престол.

Окончательное падение роли сената, формально все еще высшего органа Римской империи, и утрата значения древними республиканскими магистратурами, ставших к концу III в. просто почетными титулами и не имевшими уже никакого практического значения, являлись следствием вполне закономерного процесса, процесса превращения военной диктатуры в республиканских одеждах, которой она являлась с самого установления Принципата, в абсолютную, даже формально ничем не ограниченную монархию. Необходимость обороны от постоянного наступления внешних сил, борьба за единство империи делали неизбежным процесс максимальной централизации власти, создания единой унифицированной государственно-административной системы, находящейся в жестком подчинении верховному носителю власти. Крайняя необходимость гарантировать Римскую державу от опасности нового кризиса и сделала возможным успех государственных преобразований и торжества новой политической системы — Домината. «Потребность установить некоторую связь между отдельными частями империи была, без сомнения, весьма настоятельна, если система полной централизации привилась с таким успехом. Посредством этой административной централизации и соединенной с нею военной системы Римская империя сопротивлялась

и внутреннему распадению своему, и вторжению варваров». Об усилении могущества верховной власти, о дальнейшем развитии процесса создания новой политической системы свидетельствует создание в период Принципата мощного чиновничьего аппарата, подчиненного верховной власти, деятельность которого была направлена «исключительно для осуществления предначертанной верховной власти и для сообщения верховной власти сведений о силах и материальных средствах общества»¹. К последней четверти III века вся Римская империя была покрыта сетью присутственных мест, иерархически подчиненных друг другу и теснейшим образом связанных как между собою, так и с императорским двором.

Все эти многочисленные изменения, происходившие в течение трех веков в гражданском законодательстве, в структуре государственного аппарата империи, в статусе императоров, в военной организации Римской державы, свидетельствуют о том, что установление Диоклетианом новой формы правления явилось логическим завершением процесса, длившегося не одно столетие и подготовившего все условия для реформаторской деятельности Диоклетиана и его соправителей. «Эпоха Диоклетиана и Константина представляет собою лишь дальнейший фазис развития бытовых условий предшествующего времени. Третье столетие является периодом окончательной переработки старых учреждений и вытеснения их новыми»². Действительно, анализ государственной организации империи в эпоху, предшествовавшую Диоклетиану, убеждает в том, что корни всех его реформ можно отыскать в деятельности многих императоров, правивших во II и III веках. В свете этого представляется совершенно справедливым утверждение Э. Гримма: «И по теоретическому пониманию принципата эпоха Ульпиана, очевидно, гораздо ближе к эпохе Диоклетиана, чем к эпохе Августа. Ввиду этого резкое различие эпохи до и после Диоклетиана едва ли основательно»³. Более успешная реформаторская деятельность, нежели у его предшественников, объясняется тем, что, восстановив единство империи, Диоклетиан получил возможность для полной реорганизации политической системы Римской державы.

¹ Аврелий Виктор. XXXVI.

¹ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. С. 31.

² Нетушил Н. В. Очерк римских государственных древностей. С. 39.

³ Гримм Э. Исследование по истории развития римской императорской власти. Т. 1. С. 10.

Новая система императорской власти

Приход к власти Диоклетиана подвел черту в политической эволюции императорской власти. Давно обветшавшая система Принципата официально окончательно ликвидируется в первые же годы его правления. Абсолютная по существу монархия становится таковой и по форме. Рождается новая политическая терминология, отражающая собою новую политическую систему во главе с обожествленным императором. Навсегда покончено с остатками былой республиканской свободы. Монарх более не желает признавать над собою даже формальное верховенство народа в лице римского сената. «Он не есть теперь *princeps* или республиканский магистрат, он теперь не первый между равными, а господин, *dominus* "божьей милостью"; "гражданин" — *cives* — превращаются в подданных — *subiecti*»¹.

Во всех мероприятиях Диоклетиана четко прослеживается постоянное стремление подчеркнуть божественный характер императорской власти, божественность самой особы владыки империи. Действительно, «выставка величия была первым принципом новой системы, введенной Диоклетианом»².

Единодушно отмечают римские историки³ нарочитую пышность императорского двора, мало похожего на окружение былых «августов», но зато сильно напоминающего собою дворцовую обстановку великих империй Востока — в первую очередь, дворцовый быт новой Персидской монархии⁴.

Император не желает ни в чем уподобляться простому смертному. Он «*Dominus et Deus*» — «господин и бог» всего населения Римской империи. Даже внешний облик владыки Рима не должен походить на внешность его подданных. Повелитель Вечного города носит особые

¹ Покровский И. А. Римское государственное право. С. 136.

² Гиббон Э. История упадка... Т. I. С. 479.

³ Евтропий. IX; Аврелий Виктор. XXIX, 2, 3, 4.

⁴ «Диоклетиан... оформил свое автократическое правительство с церемониалом, не столь напоминавшим августовский Рим, сколь Сасанидскую Персию». Grant M. The Climax of Rome. P. 7.

златотканые одежды, обувь, украшенную драгоценными камнями, он появляется перед народом только в особо торжественных случаях, и это появление выглядит подобно священнодействию. Подданные должны видеть непреодолимую грань между императором и любым другим человеком. Только так, по мнению Диоклетиана, их можно заставить осознать незыблемость императорской власти, воплощенную отныне в величии повелителя империи, которому все обязаны поклоняться как земному божеству.

Диоклетиан не похож на предшествующих монархов. Это видели его современники. «Диоклетиан... первый дал Римской империи видимость, скорее согласную с обычаями царей, чем с римской свободой. Он приказал поклоняться себе, тогда как до него всех императоров просто приветствовали. Он же облачился в одежды и обувь, украшенные драгоценными камнями, тогда как прежде знаком императорской власти была пурпурная хламида, а остальное как у прочих»¹. Сходным образом повествует о Диоклетиане и другой римский историк: «Он первый стал надевать одежды, сотканые из золота, и пожелал даже для своих ног употреблять шелк, пурпур и драгоценные камни. Все это, хоть и было более пышно, чем гражданская одежда, и служило признаком высокомерия и чванства, однако, сравнительно с другим, было незначительно. Ведь он первый из всех, если не считать Аврелиана, позволил открыто называть себя господином, поклоняться себе и обращаться к себе как к богу»².

Аврелий Виктор верно подмечает тот факт, что царственная пышность императорского двора, поразившая непривычных к подобным вещам римлян, не имела решающего значения в сравнении с прочими мероприятиями Диоклетиана. Много более выделяет историк открытое обожествление монарха, официальное признание его «господином» своих подданных, что и определяло сущность новой политической организации империи. Это уже не являлось просто прихотью того или иного правителя, как было при Калигуле и Домициане, а стало одним из краеугольных камней новой политической системы — Домината. В дальнейшем все императоры поздней Римской империи именовались господами и божествами, и никто не смел подвергнуть это сомнению. «...Как только император принял имя Августа, ему как истинному и воплощенному богу должно оказывать верность и повиновение, ему должно воздавать свое внимательное служение. И частный человек, и воин служат богу, когда он верно чтит того,

¹ Евтропий. IX, 26.

² Аврелий Виктор. XXXIX, 2, 3, 4.

кто правит с божьего соизволения»¹, — так пишет поздний римский историк военного дела Вегеций.

Мероприятия Диоклетиана ни в коей мере нельзя рассматривать как проявление просто личной прихоти, как удовлетворение честолюбивых устремлений властителя. Вряд ли они имели бы успех в подобном случае. Прочность установленной Диоклетианом политической системы, ее приемлемость для господствующего класса Римской империи в дальнейшем следует объяснить тем, что она диктовалась самой тактической обстановкой. Борьба за восстановление единства огромной Римской державы, отражение варварских вторжений, подавление брожения и зачастую и восстаний масс низших слоев населения (колонов и рабов) могли быть успешными только при наличии в государстве твердой и независимой верховной власти, способной объединить все силы господствующего класса Римской империи и направить их на выход из тяжелейшего за всю предшествующую историю кризиса. И обожествление личности главы государства, и новый придворный церемониал, — все это было направлено на создание нового юридического статуса императора, должно было определить «его отношение к другим органам управления, наконец, подданным вообще»², установить неограниченность высшей власти, дав божественное объяснение ее происхождению, обеспечить ее полную независимость и тем самым дать свободу рук в решении всех государственных вопросов.

До нашего времени дошла титулатура Диоклетиана. Его пышный титул известен из почетной надписи от 290 г., обнаруженной на территории римского города Августа Венделиков в Германии (современный Аугсбург): «Проницательнейшему принцепсу, правителю мира и господину, установившему вечный мир, Диоклетиану Благочестивому, Счастливому, Непобедимому Августу, великому понтифику, Германскому Величайшему, Персидскому Величайшему, наделенному властью народного трибуна в 7-й раз, консулу в 4-й раз, отцу отечества, проконсулу, Септимий Валентион, превосходительный муж, наместник провинции Реции, преданный его воле и величию, дал и посвятил»³.

Восточное влияние на Рим началось с самого его соприкосновения с эллинистическим Востоком. Отсюда, по мнению о. Александра Шмемана, и «постепенное перерастание римского принципата в теократическую монархию, где император становится связующим

звеном между Богом и миром, а государство — земным отображением небесного закона. Уже культ Непобедимого Солнца, который император Аврелиан в середине III века сделал правительственной религией, был тесно связан с этим новым религиозным переживанием монархии: император в мире то же, что Солнце на небе, он участник его природы, представитель его на земле. Монарх отделен от простых смертных, он «священен» и потому священо все, что его окружает. Ему воздается религиозное поклонение в «имперской литургии», в священном ритуале, в который отныне облечена вся жизнь царя, символизируется божественная природа государства, как небесного строя, отраженного в мире»¹.

В то же время, говоря об обожествлении римских императоров под влиянием восточных культов и традиций, отмечая заимствование ряда обычаев, форм и церемониалов из Персии при Диоклетиане, «следует строго различать античные явления и подобные же внешне похожие восточные»². Культ императора был последним религиозным созданием античных народов, сформировавшимся еще тогда, когда античное самосознание еще не было сломлено восточными элементами. Он естественным образом вырос из собственно античного сознания. «От обожествления предмета, роши, источника, наконец, статуи, изображающей бога, — вспомним грубое впечатление, произведенное святотатством над гермами на афинский народ и влияние этого события на окончание Пелопоннесской войны — для обожествления выдающегося человека, сначала героя, а затем бога — только один шаг»³. Уже в Греции Солон, Лисандр, затем Александр Великий не просто превозносились льстецами, но признавались в качестве богов в определенном смысле и народом. Знаменитый ответ спартанцев на провозглашение божественности Александра Македонского после его паломничества к святилищу Аммона: «Если Александр хочет быть богом, то пусть будет им», — не только образец лаконичной иронии, искони присущей лакедемонянам, но и свидетельство того, что ничего слишком уж удивительного в обожествлении смертного человека греки не видели.

Обожествление римских императоров уходит своими корнями в республиканскую эпоху, когда в день триумфа консул облачался в одеяние Юпитера Капитолийского. При этом его лицо и руки были выкрашены красной краской, чтобы увеличить сходство с терракотовой статуей бога, «numen» которого он воплощал в эти мгновения.

¹ Вегеций. Краткое изложение военного дела, II, 5.

² Драгоманов М. Государственные реформы... С. 6.

³ Федорова Е. В. Латинские надписи. С. 222.

¹ Прот А. Шмеман. Исторический путь православия. С. 101-102.

² Шпенглер О. Закат Европы. С. 609.

³ Там же. С. 609-610.

Диоклетиан — Иовий, Юпитер — естественное логическое завершение древней традиции. Традиция эта возникла в Риме еще монархическом. Исключительное положение царя, полнота власти, безусловное право приказа — все эти прерогативы верховного властителя, которыми, очевидно, обладали последние римские цари, идут, несомненно, от этрусков, как и внешние знаки царского достоинства, — пурпурное одеяние, трон слоновой кости, свита ликторов, фасцы, опять-таки свидетельствующие об особом и исключительном положении его носителей.

Замечательно, что обычаи, присущие еще самому раннему Риму — царскому — после почти пяти веков целенаправленной борьбы с ними Римской республики, вновь оказались востребованными в Риме позднейшем — эпохи Домината. Наследие этрусских царей ожило в империи Диоклетиана.

Что же касается восточных элементов, то они естественным образом постепенно инкорпорировались в римскую цивилизацию с самого начала политического господства Рима на Востоке.

Синкретизм — важнейшая черта римской культуры, что, собственно, аксиоматично. По сакральному праву при овладении чужой страной вся масса религиозных обязанностей, которые были связаны с этой областью, переходили к Риму. По мере постепенного возобладания Востока над Западом ориентализм во всех сферах римской жизни возрастал. Когда в 217 г. Каракалла, пятью годами ранее даровавший гражданские права всему свободному населению империи, упразднил также сакрально-правовые различия между римскими и прочими богами, то фактически первым божеством Рима стала Исида и, как говорил О. Шпенглер, Рим сделался частью Востока, находящейся в религиозной зависимости от Сирии¹. В III в. в империи распространялся митраизм — почитание божества иранского происхождения Митры.

Иные выдающиеся мыслители эпохи Поздней империи проявляли глубочайший интерес к Востоку. Так, Нумений придавал большое значение учениям индийских брахманов, иранских магов, египетских жрецов². Филострат в биографии Аполлония Тианского постоянно подчеркивает его интерес к восточной мудрости. Об иранских магах Аполлоний говорит: «Они мудры, однако не во всем»³. Более же всего привлекает греческого философа мудрость индийцев: «Цель,

¹ Шпенглер О. *Закат Европы*. С. 614.

² Dillon J. *The middle Platonists. A study of Platonism 80 b. c. - 220 a. D.* London, 1977. P. 363.

³ Филострат. *Жизнеописание Аполлония Тианского*, I, 32.

к которой я стремлюсь в моем странствии — индийцы»¹. Плотин, по словам его биографа Порфирия, собирался принять участие в походе Гордиана III (238-244 гг.) на восток, надеясь побывать в Персии и Индии для ознакомления с учением тамошних магов и брахманов². Тем не менее, как полагает Е. М. Штаерман, «все это... не подтверждает распространенное представление о решающем и всеобъемлющем влиянии Востока на культуру поздней античности. В основе увлечения Востоком, видимо, лежало не действительно серьезное и глубокое изучение сущности его культуры, а погоня за некоей экзотикой, исключительностью, за санкцией тем более почитаемых, чем менее понятных авторитетов»³. В таких условиях малопонятный, непривычный, а в силу таковых качеств как раз и вызывающий особое почтение персидский придворный церемониал был, что называется, к месту.

В свете всего этого простое заимствование внешних форм персидского двора не было чем-то из ряда вон выходящим. Римляне достаточно охотно заимствовали многое не только из греческого, но и из варварского быта. Достаточно вспомнить многочисленные шутки времен первых десятилетий принципата по поводу распространения в Риме галльских штанов. Диоклетиан же, сочтя пурпурный императорский плащ, который ранее служил единственным отличием императорского одеяния (прочими деталями оно от одежд и иных знатных римлян не отличалось), слишком скромным, решил добавить к нему обильные драгоценности на персидский манер.

Сам императорский пурпур, сохраненный впоследствии и в Византии как сугубо царская принадлежность, и не только в мантии — последний византийский император Константин XII, погибший в 1453 г. при взятии турками Константинополя, был опознан по пурпурным сапогам, — восходил к почитанию Юпитера.

Завершая тему сакрализации императора, достигшей при Диоклетиане своего апогея, должно отметить, что таковая привела к окончательному отходу граждан империи от гражданской жизни. Отмирание гражданских чувств у населения Римской империи означало и постепенное угасание античной цивилизации. Установление абсолютной монархии являлось для Диоклетиана необходимым условием для проведения в жизнь задуманных им преобразований. Только в такой ситуации, когда «император признается выше всех законов или, лучше сказать, он воплощение закона»⁴, он получал возможность единолично решать все проблемы, стоявшие перед римским государством. Установление

¹ Филострат. *Жизнеописание Аполлония Тианского*, I, 26.

² *Культура Древнего Рима*. С. 93.

³ Там же.

⁴ *Novellae Justiniani*. 105, 2, 54.

абсолютизма в правление Диоклетиана подвело окончательный итог длительной эволюции императорской власти. Ее неограниченность была окончательно юридически оформлена. «Император есть ныне источник законодательной и судебной власти и самодержавно руководит в империи гражданским, финансовым и военным управлением, при посредстве значительного числа иерархически разделенных на классы чиновников, которые все назначались императором»¹.

Законодательно закрепленный абсолютизм означал установление новой политической системы в Римской империи. Этой системе суждено было просуществовать до самого падения Западной империи и оказать огромное влияние на становление государственного строя Византии. Император стал высшим гражданским правителем империи, верховным главнокомандующим, законодателем и высшей судебной инстанцией.

Одним из важнейших мероприятий Диоклетиана следует считать установление им тетрархии. Впервые было осуществлено разделение высшей власти. В Римской империи стали управлять четыре императора: два августа — Диоклетиан и Максимиан, два цезаря — Галерий и Констанций Хлор, которые были подчинены августам и повиновались им.

Тетрархии предшествовала диархия. 1 апреля 285 г. Диоклетиан официально объявил о том, что берет себе соправителя, что для империи последних столетий отнюдь не было внове. Соправителем с титулом цезаря стал Максимиан. При этом Диоклетиан сразу объявил, что через 20 лет они с Максимианом добровольно сложат с себя власть и передадут ее другим избранникам. Таким образом, Диоклетиан впервые в римской имперской истории установил предельный срок правления — 20 лет и возложил на царствующих императоров-соправителей прямую обязанность избрать себе преемников.

Ровно через год Диоклетиан возвысил Максимиана до титула августа и произвел первый раздел империи, отдав соправителю Запад — Италию, Галлию, Британию, Испанию, Африку, себе же оставив Восток — Грецию с Македонией, Фракию, Малую Азию, Сирию, Египет. Резиденцией Максимиана первоначально был Медиолан, затем стала Равенна. Сам же Диоклетиан облюбывал бывшую столицу царства Вифинии Никомедию, расположенную на восточном побережье Мраморного моря. Вифиния была знаменита самоубийством в ее пределах Ганнибала в 183 г. до н.э.: славный карфагенянин предпочел смерть от собственных рук выдаче Риму, которую замыслил вифинский царь Прусий, ранее Ганнибала приютивший.

¹ *Виллемс П. Римское государственное право. С. 655.*

Позже Никомедия «прославилась» как место постыдной связи Гая Юлия Цезаря с царем Вифинии Никомедом, по поводу чего его легионеры даже во время триумфа покорителя Галлии пели про него: «Галлов Цезарь покоряет,/ Никомед же Цезаря...»¹. Вифиния была славна также именами оратора и философа Диона Хрисостома (ок. 40 — после 112 гг.), уроженца вифинского города Прусы, сосланного Домицианом в Ольвию, возвращенного императором Траяном, при дворе которого пользовался почетом. Из Вифинии родом был также Флавий Арриан, ученик знаменитого философа Эпиктета, автор ряда исторических (« Поход Александра », « Война с аланами ») и географо-этнографических (« Индика », « Плавание вокруг Понта Эвксинского ») сочинений. Особое место среди знаменитых вифинцев принадлежит Кассию Диону Коккеяну (156-230 гг.), автору «Римской истории». Вифиния в имперскую эпоху стала также одним из центров распространения христианства: бывший ее проконсулом в годы правления Траяна (98-117 гг.) Плиний Младший обратился к принцепсу за разъяснениями о мерах в отношении христиан².

В 293 г., за 12 лет до истечения назначенного срока правления августов, Диоклетиан объявил о назначении их преемников, получивших титул цезарей. Максимиану должен был помогать Констанций Хлор, в чьем ведении были Галлия, Британия и Испания (Италий, Африкой управлял сам Максимиан), помощником Диоклетиана стал цезарь Галерий, которому старший Август вверил балканские провинции империи вплоть до опасной дунайской границы. Фракию, азиатские владения и Египет Диоклетиан оставил за собой. Констанций Хлор сделал своей резиденцией Августу Треверов (современный Трир в Германии), Галерий — придунайский Сирмий (территория современной Сербии).

Суть взаимоотношений между августами и цезарями, распределение их полномочий предельно четко описал Лактанций: «*Duo sint in republica maiores, qui summam rerum teneant, duo minores, qui sint adjuvamento*» («Двое должно быть в государстве старших, кто всю полноту дел держит, двое младших, кои им помогают»). *Maiores* — это *Augusti*, августы, т. е. Диоклетиан и Максимиан, *minores* — это *Caesares*, цезари Галерий и Констанций Хлор, прямо подчиненные своим августам.

Дабы укрепить содружество четырех императоров, Диоклетиан решил соединить соправителей между собою родственными узами. Констанций Хлор, получив в 293 г. титул цезаря, принужден был

¹ *Светоний. Божественный Юлий, 49.*

² *Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан... С. 37-69.*

развестись с первой женой Еленой — матерью будущего императора Константина Великого, одиннадцатилетний Константин после развода Елены и Констанция был отправлен в Никомедию ко двору Диоклетиана. Новой его супругой стала Феодора, падчерица Максимиана, дочь его супруги Евтропы от предыдущего брака. Цезарь Галерий женился на дочери самого Диоклетиана Валерии. Таким образом, новые цезари стали зятьями своих августов. Этим родственные связи правителей империи не ограничивались. Сын Максимиана Максенций женился на Максимилле, дочери Галерия. Постоянно рождались между собой соправители империи и после Диоклетиана, что, однако, не уберегало державу от смут.

Исторически раздел власти практиковался в Риме и ранее. Можно вспомнить Марка Аврелия и Луция Вера, незадолго до прихода к власти Диоклетиана император Кар провозгласил себя августом, а своих сыновей Карина и Нумериана сделал цезарями. Идея раздела власти была не новой сама по себе, но Диоклетиан назначил себе не просто соправителей, они являлись еще и правителями выделенных им территорий, империя была разделена на четыре части. Установление тетрархии, раздел территории империи между императорами диктовался опять-таки суровой необходимостью. Как справедливо отмечает Гиббон¹, Диоклетиан прекрасно сознавал, что один человек будет не в состоянии выправлять положение, сложившееся в Римской империи, которое настоятельно требовало личного присутствия императора во многих провинциях империи одновременно. Напомним, что уже в самом начале своего правления Диоклетиан направляет в Галлию, охваченную восстанием багаудов, своего ближайшего друга — военачальника Максимиана, сделав его своим соправителем. «Он направил туда с неограниченной военной властью друга своего Максимиана, человека хотя и малообразованного, но зато хорошего и умного воина. Впоследствии ему, ввиду его преклонения перед Геркулесом, было дано прозвище Геркулий»².

По сообщению Евтропия, этого оказалось недостаточно. «Так как по всему кругу земель дела пошатнулись, Каравзий восстал в Британии, Ахилей в Египте, Африку наводнили пентаполитанцы, Нарсес начал войну на Востоке, Диоклетиан сделал Максимиана Геркулия из цезаря августом, а Констанция и Максимиана Галерия цезарями... И чтобы связать их родственными узами Констанций взял в жены падчерицу Геркулия Феодору, Галерий дочь Диоклетиана Валерию»³.

Приведем характеристики, данные Диоклетиану и его соправителям античными авторами. Вот как характеризует самого Диоклетиана Флавий Вописк, один из авторов жизнеописаний августов (*Scriptores historiae Augustae*): «Это был замечательный человек, умный, любивший государство, любивший своих подчиненных, умевший выполнять все то, чего требовали обстоятельства того времени. Он был всегда преисполнен высоких замыслов; иногда, однако, лицо его принимало несколько жесткое выражение, но благоразумием и исключительной твердостью он подавлял движения своего беспокойного сердца»¹.

Главный соправитель Диоклетиана Максимиан не удостоился от римских историков столь же лестных характеристик. Аврелий Виктор дал ему следующую нелицеприятную оценку: «Аврелий Максимиан, по прозвищу Геркулий, был нрава необузданного, пылал сластолюбием, был тугодум; происходил он из сельской местности в Паннонии. Еще и теперь недалеко от Сирмия возвышается холм, на вершине которого находится дворец, где родители его работали поденщиками...»². Евтропий подчеркивал природную свирепость нрава Максимиана: «Геркулий не скрывал природной своей жестокости, был груб, и на ужасном лице его отражалась свирепость»³. Христианский автор Лактанций, естественно, также резко отзывался о младшем августе: «Поскольку Максимиан Геркулий владел Италией, сердцем империи, а к ней прилегали богатейшие провинции Африка и Испания, то он не был столь ревностен, как Диоклетиан, в охране своих богатств, размеров которых ему хватало. А когда он нуждался в дополнительных средствах, то не было у него недостатка в очень богатых сенаторах, против которых с помощью тайных доносов выдвигались обвинения, будто они домогаются императорской власти; так что цвет сената постоянно истреблялся»⁴.

Галерий также не удостоился от римских историков особо комплиментарных оценок. Но если Аврелий Виктор находил у него черты положительные, то Лактанций писал о нем крайне резко: «Ему была присуща дикость истинного зверя и свирепость, несвойственная римлянам. И это неудивительно, так как его мать была родом из задунайских провинций; она бежала в Новую Дакию, переправившись через Дунай, когда стали наступать племена карпов. Внешность Галерия соответствовала его характеру. Он был высок ростом и чрезвычайно тучен. Наконец, голосом, жестами и всем своим видом он всех повергал в страх и ужас. Тесть (Диоклетиан) боялся его непомерно»⁵.

1

SNA.

XXXX,

XIII,

¹ Гиббон Э. Указ. соч. С. 480.² Аврелий Виктор. XXXIX, 17.³ Евтропий. IX, 22.

1.

² [Аврелий Виктор]. Извл., XI.³ Евтропий. IX, 16.⁴ Лактанций. 8.⁵ Лактанций. 9.

По мнению же Аврелия Виктора, Галерий отнюдь не был ужасен, разве что грубоват, низкого происхождения и недостаточно образован. Вот его оценка Галерия: «Галерий был хоть и грубоват, но попросту справедлив и заслуживал похвалы; он имел прекрасную фигуру, был отличный и удачливый воин; родители его были сельские жители, и сам он прежде пас рогатый скот, откуда и прозвище его Арментарий (скотовод); он родился на берегу Дуная в Дакии, там же и погребен (имеется в виду провинция Новая Дакия на правом берегу Дуная, поскольку левобережная Дакия была оставлена Аврелианом в 271 г.); это место он назвал Ромулианским по имени своей матери — Ромуль»¹.

Безусловно, оценка Аврелия Виктора заслуживает куда больше доверия. Христиане считали Галерия едва ли не главным своим врагом, и потому Лактанций не шадил его. Слова же Лактанция о страхе Диоклетиана перед Галерием содержат явную нелепость. Достаточно только вспомнить, как Галерий, потерпевший от персов поражение под Каррами, бежал за носилками Диоклетиана несколько миль, пока разгневанный старший август снизошел до выслушивания оправданий провинившегося цезаря. Конечный же итог войны Рима с Персией, когда Галерий «одержал столько побед, что если бы Валерий (Диоклетиан), — а все делалось с его одобрения, — неизвестно по какой причине не запретил, то римские знамена были бы внесены в новую провинцию»², — явное свидетельство справедливости оценки Галерия как отличного и удачливого воина и полководца. Думается, не случайно и Евтропий писал о Галерии: «Муж и похвальных нравов, и великий в военном деле»³.

Наконец, Констанций Хлор. Он был любимцем христиан — отец Константина Великого! Преклонение перед сыном сказалось и на оценках отца. Евсевий писал так: «Это был государь самый кроткий и добрый, он один из современных государей провел все время своего правления достойно своей власти, являл себя правдивейшим и благодетельнейшим ко всем»⁴. Впрочем, не только церковные историки писали о достоинствах Констанция Хлора. Очень высокого мнения о нем был Евтропий: «Был он мужем великим и доброжелательности величайшей, усердствовал в обогащении провинциалов и частных лиц, не стремясь к такому же увеличению государственной казны, и говорил, что лучше общественное богатство держать у частных лиц, чем хранить его в одном сундуке. Жил он столь скромно, что в праздничные дни, когда желал устроить пир для своих многочисленных

¹ [Аврелий Виктор]. Извл., XI, 15, 16.

² Аврелий Виктор. XXXIX, 36.

³ Евтропий. X, 21.

⁴ Евсевий. VIII, 13.

друзей, брал взаймы у частных лиц серебряную посуду для украшения стола своего. Он был не только любим, но в Галлии даже почитался наравне с богами и особенно за то, что в его правление избавились наконец от диоклетианова опасного благоразумия и от максимиановой кровожадной безрассудности»¹. Аврелий Виктор отмечал у Констанция Хлора сильный и неукротимый характер, подчеркивая, что он уже с юных лет был охвачен стремлением к власти.

Учреждение тетрархии отнюдь не означало распада империи или же ослабления верховной власти самого Диоклетиана. Старший август практически сохранил всю полноту власти в своих руках, сделал соправителей лишь своими верными помощниками в деле обороны империи и подавления восстаний, преобразования всей системы государственного управления. Еще раз отметим, что территориальный раздел, как сообщает Аврелий Виктор, был проведен сообразно с требованиями стратегической и административной целесообразности. «...Все Галльские земли, лежащие за Альпами, были вверены Констанцию, побережье Иллирии и область вплоть до Понтийского пролива — Галерию, Африка и Италия — Геркулию; все остальное удержал в своих руках Валерий (Диоклетиан. — И. К.)»².

Характерно, что земли, наиболее часто подвергавшиеся вражеским нападениям, — рейнская и дунайская границы, — были выделены в управление обоим цезарям, августы же оставили за собой более спокойные области империи. Такой раздел позволял августам (Диоклетиану и Максимиану) лучше контролировать внутреннее положение, не оставляя без внимания границы державы. Представляется небезынтересной трактовка реального положения цезарей при августам, данная А. П. Лебедевым: «По Диоклетиановой государственной системе, кесари не были лицами, самостоятельно и полновластно управлявшими данной страной; кесари — это были несменяемые полководцы, которых обязанность состояла в охране границ империи, в водворении порядка в тех провинциях, где возникали беспорядки и волнения, а в управлении они руководились законами, которые издавались верховным императором... Обыкновенно кесарю поручалось управление только такими провинциями, которые объявлялись стоящими на военном положении; он лишен был инициативы в правительственных действиях»³.

Тем не менее, в дальнейшем, при Константине Великом, правителе объединенной Римской империи в 324-337 гг., именно распределение

¹ Евтропий. X, 2, 3.

² Аврелий Виктор. XXXIX, 30.

³ Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан... С. 186.

зон ответственности между августиами и цезарям в диоклетиановой тетрархии и стало основой образования четырех гигантских префектур, из которых одна включала в себя весь Восток с Египтом и Фракией (бывшее владение Диоклетиана), другая Балканы от Дуная до Пелопоннеса (зона ответственности Галерия), следующая Италию и Северную Африку (владения Максимиана), последняя Британию, Галлию и Испанию (зона ответственности Констанция Хлора). Надо отдать должное соправителям Диоклетиана, они успешно справились со своими труднейшими задачами. Аврелий Виктор следующим образом характеризует их деятельность: «Все они происходили из Иллирии¹, и хотя были малообразованными людьми, но хорошо знали нищету сельской жизни и военной службы и были с достаточной мере прекрасными деятелями государства. Поэтому, всеми признано, что скорее становятся мудрыми и беспорочными познавшие в своей жизни беду и, наоборот, кто не знает невзгод жизни и всех расценивает по их богатствам, тот менее пригоден для совета. Согласие этих людей лучше всего доказало, что прирожденных качеств и опыта военной деятельности, какой они получили под руководством Аврелиана и Проба, пожалуй, достаточно для доблестного управления»².

В личных взаимоотношениях правителей все обходилось без острых трений или открытой вражды. Это можно объяснить исключительно авторитетом старшего августа — Диоклетиана, что подчеркивает Аврелий Виктор: «...На Валерия они смотрели с уважением, как на отца или даже великого бога; насколько прекрасно это и какое значение имеет для нас, доказывается на примерах братоубийств, начиная с основания города и до наших дней»³. Время от времени Диоклетиан считал нужным напоминать соправителям о том, кто является истинным повелителем империи. Напомним, когда Галерий, отправленный Диоклетианом в поход против персов, потерпел тяжелое поражение под Каррами и с большими потерями был вынужден очистить Месопотамию, то разгневанный Диоклетиан вызвал его к себе и заставил Галерия более мило бежать за своими носилками в полном императорском облачении и лишь после этого «милостиво»

¹ Диоклетиан и Максимиан происходили из города Диоклеи — провинции Далмация (развалины Диоклеи находятся в четырех километрах к северу от столицы республики Черногория — Подгорицы). Констанций Хлор также был иллирийцем из г. Наиссы (совр. Ниш в Сербии) и имел великого предка — его дед был родным братом Клавдия II Готского (268-270 гг.). Галерий был родом из Сердики (совр. София), его дакийское происхождение позволяло многим римлянам числить его чистым варваром.

² Аврелий Виктор. XXXIX, 26.

³ Там же.

согласился выслушать объяснения неудачливого командующего¹. Однако подобное унижение соправителя было случаем исключительным. Как правило, трое младших «императоров» успешно справлялись с возложенными на них обязанностями. Поэтому между правителями империи царило полное согласие, которое современники сравнивали с «хором», в котором «единство и гармония поддерживаются искусством главного артиста»².

Панегиристы не жалели слов для восхваления «трогательного единства» четырех императоров, находя всевозможные объяснения божественного происхождения тетрархии. «В этом счастливом числе, которое радует и поддерживает все, как это видно в четырех стихиях, четырех временах года, в четырех частях мира, четырех сторонах неба, в соединении Венеры и Луцифера со всеми звездами луны и солнца»³, — восторженно пишет о диоклетиановой тетрархии панегирист Евмен. А художники стремились в своих произведениях отражать «любовь и согласие правителей»⁴. До настоящего времени сохранились в Венеции и Риме скульптурные группы, изображающие четырех императоров, обнимающих друг друга.

Надежды на вечную прочность столь добрых отношений между правителями не оправдались. Жестокая борьба, начавшаяся между соправителями после ухода Диоклетиана с политической сцены (306 г.), подтверждает, что лишь железная рука могла держать в строгом подчинении всех трех соправителей, сдерживая их честолюбивые порывы, нашедшие себе выход при первой же возможности. В то время как в его правление единство империи казалось прочным как никогда. Его основная политическая линия была направлена прежде всего на укрепление единства империи, усиление обороноспособности римской державы в борьбе как с внешними, так и с внутренними врагами.

Действительно, «все эти меры раздела были направлены в сторону наиболее эффективного укрепления высшей власти против внутренних мятежей и внешних врагов»⁵. Вопреки внешнему территориальному разделу, внутреннее единство империи было восстановлено, и тетрархия только укрепила римское государство, империя по-прежнему оставалась единым организмом⁶. В системе гражданского управления все четыре императора формально пользовались равными правами. Законодательство осуществлялось от имени всех четырех. Эдикты

¹ Евмений. IX, 31.

² Гиббон Э. Указ. соч. С. 448.

³ Panegyrici Latini. XII, 7.

⁴ Ibid.

⁵ Grant M. The Climax of Rome. P. 69.

⁶ Panegyrici latini. XI, 6, 3.

принимались во всех провинциях империи как обнародованные с общего согласия императоров и в силу их общего авторитета¹.

Таким образом, система тетрархии явилась средством укрепления внутреннего единства империи. Она же успешно обеспечила и повышение внешней обороноспособности.

Однако задуманная и созданная Диоклетианом система Домината имела, разумеется, и слабые места: Доминат и тетрархия с самого начала казались противоречащими друг другу. Тетрархия создавала видимость разделения центральной власти, что не соответствовало основному принципу Домината и ограничивало абсолютизм доминуса². В то же время прочность тетрархии основывалась на сугубо личном факторе. Диоклетиан, будучи не просто старшим по статусу августом, но и куда более сильной личностью, нежели им же подобранные соправители, умел обеспечивать единство среди носителей высшей власти. Но ведь личностный фактор является непрочным, как никакой другой... Поэтому монолитность тетрархии не могла не быть иллюзорной.

Государственное управление при Диоклетиане

1. Центральный государственный аппарат

Правление Диоклетиана ознаменовалось крупнейшими реформами, коренным образом изменившими всю систему органов государственного управления Римской империи. Им было создано новое административное деление римской державы, в результате чего возник огромный бюрократический аппарат, предназначенный действовать с четкостью хорошо отлаженного механизма для выполнения воли и указаний монарха. Практически же была создана совершенно новая система управления колоссальной империей. Ее основной задачей являлось предотвращение кризисных потрясений, столь характерных для политического развития империи в III столетии. Вновь созданный государственный аппарат должен был обеспечить императору четкий контроль над столицей и всеми территориями империи, предупредить возможные сепаратистские выступления, упорядочить, унифицировать управление империей, дабы по возможности предотвратить народные волнения. Реформы Диоклетиана окончательно ликвидировали многообразие форм государственного управления эпохи Принципата и создали строгую систему органов власти.

«Бюрократический аппарат получил строгую организацию. Разница между сенаторскими и всадническими должностями исчезла. Все чиновничество было¹ распределено строго по рангам и владело титулами и званиями». Во главе всего государственного аппарата, на вершине своеобразной бюрократической пирамиды и даже над ней стояла фигура самого императора, неограниченного повелителя Рима, чьей волей направляются все действия государственного механизма. Император является воплощением высшей власти, которая беспартийно контролирует всю общественную жизнь империи, будучи недоступна какому-либо контролю. Это «альфа и

¹ The Cambridge Ancient History. Vol. XII. Ch. XI. P. 384.

² Казаков М. М. Христианизация Римской империи в IV веке. С. 116.

¹ Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948. С. 696.

омега» новой политической организации Римской империи. Еще в середине XIX века это совершенно справедливо отмечал выдающийся русский прогрессивный историк: «По системе Диоклетиана верховная власть должна быть вполне независима и неограничена»¹. Могущество верховной власти подчеркивается обожествлением ее воплощения — императора. Божеские почести воздавались в данном случае не столько человеку, облаченному в императорский пурпур, сколько могуществу Рима, воплощенному в личности носителя верховной власти. Император осуществляет управление империей при помощи колоссального штата чиновников различных рангов. Исключительно важным государственным органом в эпоху Домината становится императорский совет — *Consistorium principis* — который непосредственно был подчинен монарху, и его заседания зачастую происходили в присутствии и при непосредственном его руководстве.

Consistorium principis по предложению императора обсуждал все вопросы законодательства, управления важнейшими гражданскими и военными делами. В нем же разбирались и судебные дела, восходившие в инстанционном порядке на рассмотрение к императору². Совет не имел никакой законодательной инициативы, являясь чисто совещательным органом при императоре. Членам Совета даже запрещалось сидеть в присутствии императора, что резко отличало его от более ранних учреждений подобного типа, именовавшихся *consilium*. Термин *adsidere* заменяется на *adstare*, поскольку члены Совета — *assessores* — отныне не сидят в присутствии императора, но стоят. Совещаться стоя, разумеется, малоудобно, но для почтительного внимания к обращению императора и восторженного согласия с ним такое положение можно считать весьма подходящим.

Со времени правления Диоклетиана установилось три типа должностей в государственном аппарате. Была создана новая «лестница» иерархических чинов и званий, каждой ступени которой соответствовал титул, жалованье чиновников соответственно определялось титулом и рангом. Всего можно отметить три типа должностей: «*Dignitates palatinae*» — придворные должности, «*dignitates civiles*» — гражданские должности и «*dignitates militares*» — военные должности. Чрезвычайно важным в этом делении должностных лиц империи являлось полное отделение гражданской власти от военной. Этим Диоклетиан старался не допустить так часто проявлявшихся в политической жизни империи в III в. н.э. рецидивов сепаратизма, не допуская сосредоточения слишком большой власти в руках одного

¹ Драгоманов М. Государственные реформы... С. 7.

² Покровский И. А. Римское государственное право. С. 165.

лица. С другой стороны, разделение властей позволило улучшить систему правления как гражданскими, так и военными делами.

В соответствии с должностями была создана и новая титулатура. Сам император и все члены императорской фамилии носили титул «*nobilissimi*», который и был самым высшим¹. Исходя из этого, присяга на верноподданство давалась чиновниками не только императору, но и императрице².

Окончательно «табель о рангах» Римской империи эпохи Домината установилась при Константине, но восходит она, безусловно, к правлению Диоклетиана. Все государственные чиновники делились на «*clarissimi*», «*perfectissimi*» и «*egregii*», смотря по важности их должностей³. Всего было установлено 6 степеней высших государственных чиновных особ:

1. *Nobilissimi* — знатнейшие — императорская чета и члены императорской фамилии.
2. *Clarissimi* - светлейшие.
3. *Perfectissimi* - совершеннейшие.
4. *Egregii* - превосходнейшие.
5. *Illustres* - сиятельные.
6. *Spectabiles* - высокородные;

В состав должностей «*dignitates palatinae*» входили следующие высшие чиновники в ранге *vir illustris*:

Praepositus sacri cubiculi — управляющий императорским двором, буквально — препозит священной спальни.

Magister officiorum — начальник личной канцелярии императора и заведующий личным составом двора.

Quaestor sacri palati — один из высших чиновников, председатель императорского Совета, возглавлявший *Consistorium principis*, своего рода государственный канцлер империи.

Comes largitionum — управляющий казной и финансами. Верховным распорядителем финансов со времени Диоклетиана являлся сам император⁴.

Comes domesticorum — церемонимейстер императорского двора.

Comes rei privatae — управляющий средствами, которые отпускались на содержание императорского двора.

К этому следует добавить огромное количество чисто придворных должностей, прямо не связанных с государственным управлением.

¹ Зосим. II, 29.

² *Novellae Justiniani*. 8.

³ Виллемс П. Римское государственное право. С. 655-656.

⁴ Нетушил Н. В. Очерк римских государственных древностей. С. 89.

В ранге *vir illustris* состояли также и два комита личной гвардии императора, конной и пешей (*comites domesticorum*).

В ранге *vir spectabilis*, шедшем за рангом *vir illustris*, состояли иримицерий нотариев (*primicerius notariorum*), отвечавший за делопроизводство, *castrensium sacri palatii*, заведовавший дворцовыми работами и различными хозяйственными службами, а также четыре начальника канцелярий (*magister scriniarum*).

Особо следует сказать об императорских агентах (*agentes in rebus*), которые выполняли контрольные и полицейские функции и следили за поведением чиновников на местах¹.

Другой группой высших государственных чиновников являлись *dignitates civiles*. В их состав входили:

Praefectus Urbi — сосредоточивал в своих руках всю административную и судебную власть.

При Диоклетиане было еще два префекта, именовавшихся префектами претория, чья роль резко возросла во время его правления. Отныне префекты претория, которых было по-прежнему двое, становятся «великими визирями»². В целом компетенция их была весьма обширна, «в их ведении и власти находились не только чиновники дворца, но и те, которым была поручена охрана столицы, и те, кто были помещены на всех границах»³. Префекты претория были подчинены прямо императору и обладали властью и над теми, кто занимал военные должности. Это подтверждает римский историк: «Эти же префекты претория, которых считали непосредственно следующими за императором, имели и право взыскивать налоги и возлагать наказания против нарушающих воинскую дисциплину»⁴.

Префекты претория повсюду через своих чиновников взимали поземельные налоги и за их счет осуществляли расходы на военные нужды, и они же имели право судить солдат и карать их за провинность по своему суждению.

Сосредоточение военной и гражданской власти в руках префектов претория по сути своей отнюдь не противоречит отделению гражданской власти от военной, одному из основных принципов политики Диоклетиана, так как префекты были непосредственно под его контролем, и поэтому он мог не опасаться попыток переворота с их стороны. На местах же разделение властей было обязательным.

У каждого префекта имелся *vicarius* — общий помощник. Также существовали помощники, носившие наименование *praefectus*

vigilum и *praefectus annonae*. На местах дела вели *curatores* — мелкие чиновники, составлявшие поистине невиданный по размерам штат чиновников. Им был подчинен многочисленный штат низших служащих и канцелярии: *apparitores et officiales*.

Провинциальными общинами — *civitates* — управляли *decuriones*. В обязанности декурионов входило следить за выполнением общиной общегосударственных повинностей. Диоклетиан уделял большое внимание декурионам и начал принудительную организацию их со словия, стремясь этим укрепить управление на местах, сделав это со словие частью общегосударственного управленческого механизма.

Диоклетиан освобождал декурионов даже от военных обязанностей, ибо он полагал, что их основная задача — несение гражданских повинностей. Один из его рескриптов прямо свидетельствует об этом: «Валерию-воину: совершает обман тот, кто не только декуриона или его сына берет на военную службу, но и всякого, кто таким образом хочет избавиться от гражданских повинностей»¹.

Также на местах существовали *consilia provincialia* — провинциальные советы, организованные прежде всего с религиозными целями. Их основной задачей было отправление императорского культа. Собственно, они и появились в связи с ним. *Consilia provincialia* обладали правом петиций к императору.

В последнюю категорию, *dignitates militares*, входили должностные лица, возглавлявшие войска на местах, особенно на границах империи. В их число входили, прежде всего, *duces limitis*, командующие пограничниками (*limitanei*), а также командующие войсками, расквартированными во внутренних провинциях².

Новая государственная система, созданная Диоклетианом, отразилась и на судьбах высших сословий империи. Аристократия империи сформировалась в правление Диоклетиана за счет сословия всадников, представители которого заняли все административные и военные посты. Это сословие заметно численно возросло в связи с необходимостью заполнения многочисленных новых должностных вакансий, предоставленных Диоклетианом.

Лица, выдвинувшиеся на гражданской, не говоря уже о военной службе, при Диоклетиане часто были военнослужащими, которые выдвинулись в большинстве своем в офицеры из солдат. В то же время там — на гражданской службе, где требовались лица, получившие

¹ Римские историки IV века. С. 303.

² Grant M. Op. cit. P. 77.

³ Зосим. II, 32.

⁴ Там же. II, 43.

¹ Cod. Just. XII, 33, 2.

² Зосим. II, 33. «Во главе воинов повсюду на местах стояли центурионы и трибуны, а также "duces" — так назывались те, которые где-либо имели должность заместителей преторов».

образование, — недостаток государственных служащих пополнялся из среды образованных граждан-куриалов.

Диоклетиан продолжил политику Галлиена в отношении сословия сенаторов. В свое время (260-268 гг.) император Галлиен, столкнувшись с враждою сенаторов, сместил всех представителей сената с военных постов. Диоклетиан лишил сенаторов также возможности управлять почти всеми провинциями. Они отныне могли служить только проконсулами провинций Африка и Азия, *correctores* Сицилии и Ахайи (Греции) и собственно Италии. Единственной важной должностью, оставленной представителям сената, был пост префекта города Рима.

Все административные и военные служащие имели свой штат сотрудников, носивший наименование *officia*. Правители провинций имели до 100 служащих, именовавшихся *apparitores* и *officiales*, наместники до 300. *Officia* высших должностных лиц были еще многочисленнее.

Служащие преторианских префектов, наместников, правителей, военных руководителей формировались из числа солдат, временно выведенных из состава своих частей. Финансовые служащие формировались либо из числа государственных рабов, либо из свободных граждан, для которых эта служба была наследственной¹.

2. Законодательство и право

При Диоклетиане была создана новая организация законодательства в империи. Высшим источником законодательной власти является только сам император. Законы или императорские *constitutiones*, *leges generates* готовил предварительно *quaestor sacri palati* по согласованию с другими высшими чиновниками империи². В дальнейшем законы³ прочитывались в императорском совете (*consistorium principis*)³ и редактировались. Затем император подписывал их красными чернилами с пометкою дня и места, а *quaestor sacri palati* скреплял их печатью.

Законы издавались в форме *oratio ad senatum*⁴, или адресовывались в форме эдиктов⁵ преторианским префектам с кратким приказанием об обнародовании их во всей империи.

Помимо законов существовали императорские рескрипты, которые посылались в ответ на просьбы чиновников или частных лиц, их

¹ Покровский И. А. История римского права. С. 157.

² Виллемс П. Римское государственное право. С. 655, 667-668.

³ *Cod. Just.* I, 14, 6.

⁴ *Ibid.* I, 14, 3.

⁵ *Ibid.* I, 14, 3; II, 3, 2.

составлял *quaestor sacri palati*¹. Рескрипты также подписывались императором красными чернилами. Если рескрипты были очень пространны и адресовывались корпорациям, общинам, провинциям или касались вопросов общественной службы, то они назывались *sanctiones pragmaticae*². К законодательным актам также относятся *formae* преторианских префектов³ и эдикты городских преторов в столице.

Правовую деятельность Диоклетиана следует признать замечательно активной. В период его правления было издано около 1200 указов, которые в целом свидетельствуют о том, что император придерживался норм классического римского права.

Ко времени Диоклетиана относится также начало кодификационной работы, которая должна была привести в систему многочисленные императорские *constitutiones*. Составление их сборника началось в 295 г. по частной инициативе двух юристов — Григориана и Гермогена.

Григориан составил сборник конституций со времени императора Адриана (117-138 гг.) и по 291 г., расположив их тематически по книгам и главам. Внутри каждой главы действовал хронологический принцип расположения материала.

Гермогеном был составлен дополнительный свод законов, выпущенных уже в годы правления Диоклетиана в период между 291 и 295 годами. Законы в его книге располагались только по главам. Объем его был весьма внушительным: упоминается 120-й закон 69-й главы.

Кодексы Григориана и Гермогена были частными, формально не являлись официальными, несомненно, оставались неполными. Тем не менее, ценность их оказалась столь велика, что вскоре они были признаны судами как авторитетные сборники императорского законодательства до 295 г.

Законотворчество самого Диоклетиана, что особенно надобно подчеркнуть, имело определенную идеологическую направленность. Таковая выразилась, помимо попытки создать для римского права более широкую сферу влияния, также в стремлении ограничить проникновение неримских, особенно греческих, правовых концепций в право империи. Эта особенность правовой политики Диоклетиана была проанализирована кембриджским профессором Уильямом Энслином⁴.

¹ Виллемс П. Римское государственное право. С. 668.

² *Cod. Just.* I, 2, 3, 7; XII, 19, 15; *Novellae Justiniani.* 114.

³ *Ibid.* I; VI.

⁴ *The Cambridge Ancient History.* Vol. XII. Ch. XI. P. 406.

При Диоклетиане немалые перемены происходят и в судебной системе Римской империи. Перед приходом его к власти судебная система Рима пребывала в упадке. Судов оставалось совсем немного. Муниципальные суды, которые в эпоху Принципата все более и более теряли свое прежнее значение, в эпоху «солдатских императоров» вообще исчезли. Обычным судом первой инстанции стал суд правителей провинций. Некоторые правители имели юридических помощников. Так, у правителя Египта был специальный *juridicus*. Проконсулы крупных провинций, Азии и Африки, имели соответственно двух и трех легатов, помогавших им в судебно-правовых делах. Однако большинство правителей работало без помощников.

Административная реформа Диоклетиана радикально переменяла ситуацию, поскольку теперь число провинций возросло вдвое. Появилась четкая система апелляций. Все они должны были идти императору или его префекту претория. Тетрархия усложнила систему, поскольку императоров стало четверо, соответственно четверо было отныне и префектов претория. Более того, Диоклетиан даровал право рассматривать апелляции некоторым наиболее значимым правителям провинций. К примеру, правитель Сирии принимал апелляции со всего Востока, т. е. из Малой Азии, Месопотамии, Палестины.

Таким образом, право и суд становились централизованными, превратившись из дела гражданской общины в дело государства. Юридическим оформлением этого немаловажного события в истории римского права стала конституция Диоклетиана 294 года.

Диоклетиан продолжил борьбу, начатую еще Клавдием II Готским (268–270 гг.) с вмешательством в судопроизводство могущественных покровителей¹.

Чрезмерная централизация судопроизводства имела и ряд негативных последствий. Император был единственной высшей инстанцией, и отсюда колоссальное количество обращенных к нему вопросов, жалоб, просьб. Их изобилие и то обстоятельство, что серьезные вопросы тонули в море всякого рода мелочей, позволяло Е. М. Штаерман сделать следующий вывод: «Судя по таким обращениям к императорам, ни знание права, ни правозащита не стояли на высоте, а императорам или, вернее, состоявшим при них юрисконсультам, приходилось входить во всякие мелочи, которые должен был решать судья»². Так, Диоклетиан рекомендует некоему Созию, жену которого похитил раб, обвинить в преступлении самого раба, а не его господина, обратившись

к пресиду провинции¹. Неким Рустициану и Пауле император объясняет, что нельзя взыскивать долги землевладельца с колонов, а долги колонов с землевладельца². Пациниану же император сообщает, что тех, кто нанялся к нему на работу на оговоренное время, судья должен вынудить выполнить договор³.

Диоклетиан — подобно основателю Принципата, Августу — издавал и законы, защищавшие нравственные устои. В одной из своих *constitutiones* он заклеил инцест, поскольку тот наносил оскорбление бессмертным богам, всегда благоволившим Риму. В указе о браке 295 г. Диоклетиан подтвердил древнеримскую тождественность права, религии и морали: «Так как нашему благочестивому и богобоязненному разуму кажется достойным почитания то, что определено римскими законами как чистое и святое, мы считаем, что не можем оставить без внимания то, что некоторые люди в прошлом вели себя безбожно и постыдно. Если есть что-то, чему нужно помешать или наказать, забота о нашем веке призывает нас вмешаться. Несомненно, только тогда бессмертные боги, как и всегда, так и в будущем будут благосклонны к римскому народу, когда мы убедимся, что все люди под нашей властью ведут благочестивую, богобоязненную, спокойную и чистую жизнь, следуя обычаям предков. Поэтому мы решили позаботиться о том, чтобы законный, заключенный в соответствии с древним правом брак, как для почтенности тех, кто заключил брак, так и для тех, кто от него родился, находился под охраной богобоязненности, и чтобы потомство было очищено почтенным рождением. Это приведет к тому, что в будущем никто не осмелится поддаться необузданным страстям, если будет знать, что прежние совершители преступлений настолько потеряли прощение, что им не разрешается вводить в наследство незаконно рожденного ребенка, как это запрещалось по древнему обычаю римских законов»⁴.

В целом, оценивая правовую деятельность императора Диоклетиана, нельзя не признать ее огромного значения для дальнейших судеб римского права. Во многом для римской юстиции эпоха Диоклетиана стала переломной. Формулярный процесс окончательно сменился экстраординарным, сформировалась новая система законодательства, пусть и уходящая своими корнями в предыдущие века Принципата, но именно она-то окончательно юридически оформила новую политическую систему Римской империи.

1

Cod.

Just.

¹ Cod. Just. 11,13, 1.² Культура Древнего Рима. I. С. 245.

111,3,4.

² Ibid. IV, 10, 3.³ Ibid. IV, 65, 22.⁴ Excerpta Vaticana. Цит. по: Крест Карл. История времен римских императоров. С. 400.

Наконец, при Диоклетиане Григорианом и Гермогеном было положено начало кодификации императорских *constitutiones*. Это был первый немаловажный шаг к общей кодификации римского законодательства, знаменовавший начало того исторического процесса, который нашел в итоге свое завершение в царствование Юстиниана (527–565 гг.), когда римское право было окончательно кодифицировано.

3. *Административное управление*

Административное управление в империи было полностью реформировано Диоклетианом. Провинции, образованные еще в III—I вв. до н.э. и сложившиеся в границах ранее существовавших государственных и полугосударственных объединений Средиземноморья, были перекроены — с учетом социально-экономических перемен, происшедших в Римской империи в последней четверти III века, образованы новые территориальные единицы.

Проведение административной реформы было обусловлено многочисленными социально-экономическими и политическими факторами. К концу III в. важнейшие экономические центры империи сместились на Восток. Номинальное сохранение приоритета Италии над другими территориями Империи уже давно не соответствовало реальному положению. Резкое усиление «варварского» натиска увеличило значение прирейнских и придунайских пограничных провинций, а также римских владений, прилегающих к персидской границе.

Крайне необходимой была унификация провинциальной системы, поскольку она не соответствовала ни экономической, ни военно-стратегической обстановке конца III в. Резко разнились по территории и населению отдельные комплексы, что создавало явные неудобства для центрального управления. Кроме того, человек, стоявший во главе обширной провинции и обладавший в ней полной гражданской и военной властью, потенциально мог считаться возможным соперником императора в борьбе за власть. Такое положение облегчало возможность сепаратистских выступлений, что наиболее ярко показал пример Пальмиры и Галлии¹.

Все эти обстоятельства были учтены Диоклетианом при проведении административной реформы. Важнейшие изменения в территориальное деление империи внесла, прежде всего, учрежденная Диоклетианом тетрархия.

Преобладание Востока над Западом проявилось в том, что Диоклетиан оставил за собой все восточные провинции и избрал своей резиденцией Никомедию. Советский историк С. И. Ковалев таким образом оценивал это событие: «Восток был свободен от республиканско-сенаторских традиций, еще довольно сильных в Италии. На Востоке в течение тысячелетий население воспитывалось в духе самодержавной, деспотической монархии, а такую монархию Диоклетиан и хотел создать. Во-вторых, Никомедия лежала в непосредственной близости к наиболее угрожаемой части империи — дунайской границе и Сирии. Из Никомедии легче было наблюдать за Понтом и проливами, обладание которыми являлось важнейшей предпосылкой римского господства на Востоке. В-третьих, Восток был экономически сильнее Запада»¹.

Золото, которым оплачивались предметы роскоши, утекало в восточные провинции, бывшие производителями и поставщиками в крупной торговле, монополизированной купцами Востока. Города Запады хирели, восточные города процветали².

Проблема переноса центра империи с Запады на Восток была исследована английским историком А. Х. М. Джонсом, который в своих выводах как раз опирался на экономическое, в первую очередь, превосходство Востока: «Население Египта составляло приблизительно 8 000 000 человек, а в Галлии (которая помимо современной Франции включала Нидерланды, Бельгию и Люксембург, а также территорию Германии, находящуюся к западу от Рейна) проживало всего два с половиной миллиона... Археологические свидетельства подтверждают, что многие регионы Сирии и Малой Азии, в настоящее время пустынные или заброшенные, в период позднего Рима были заселены, а земли их обрабатывались; на месте же самых плодородных почв Галлии и Британии в то время росли непроходимые леса. Более этого, вполне возможно оценивать уровень зажиточности населения регионов Римской империи исходя из количества и размеров городских общественных строений, поскольку богатые горожане вкладывали большую часть своих прибылей в недвижимость. Результаты подобного исследования показывают, что зажиточными являлись провинции Средиземноморского бассейна, Южные Балканы, Малая Азия, Сирия и Египет, причем два последних региона были самыми преуспевающими. Британия, Северная Галлия и провинции Придунайского бассейна жили чрезвычайно бедно. Этот анализ выполнен на основе литературных свидетельств. На Западе Сардиния, Сицилия

¹ SNA. XXII–XXIII.

¹ Ковалев С. И. *История Рима*. С. 693.

² Жак ле Гоф. *Цивилизация средневекового Запады*. М., 1992. С. 10.

и прежде всего Африка считались самыми преуспевающими провинциями, хлебородными районами империи, земли же Аквитании более плодородными, чем земли Северной Галлии. Это говорит о том, что плодородные северные равнины еще не были полностью обрабатываемыми»¹.

Важно и то обстоятельство, что Восток имел в сравнении с Западом куда более развитую социально-экономическую структуру. На Востоке большая часть сельскохозяйственных земель находилась во владении крестьян, плативших только налоги. В результате основной объем урожая оставался у крестьян. На Западе же основные сельскохозяйственные земли принадлежали крупным собственникам, и арендаторы были вынуждены платить еще и ренту, превышающую государственный налог. Отсюда условия жизни земледельцев Запада и Востока сильно разнились и отнюдь не в пользу крестьян западных провинций Римской империи.

Напомним, второй август, Максимиан, управлял Италией и Африкой, имея своей резиденцией первоначально Медиолан, а позднее Равенну. Цезарь Галерий отвечал за безопасность дунайской границы и Балкан, Констанций Хлор — обеспечивал прочность обороны по Рейну, опираясь на силы Галлии, Испании и Британии. Резиденциями цезарей являлись Сирмий у Галерия и Трир у Констанция.

Чрезвычайно важным обстоятельством является тот факт, что ни один из императоров не избрал своей столицей Рим. «Во время смут III века императорскую власть сохранял нередко тот, кто находился в Риме; по новой системе никто из соправителей не пользовался этим преимуществом»². Рим лишь номинально остался столицей империи и был выделен в особую административную единицу.

Преторианская гвардия, игравшая столь активную политическую роль при выдвижении и смене императоров, свергавшая и возводившая многих из них на престол, была резко ослаблена. «...Силы города Рима были как бы подрублены: сокращено было число когорт преторианцев и число солдат под оружием»³.

Упадок политического значения «вечного города» означал и резкое падение значения сената. Еще Гиббон указывал: «Самый губительный, хотя и мало заметный удар, нанесенный сенату Диоклетианом и Максимианом, заключался в неизбежных последствиях постоянного отсутствия императора. Пока императоры жили в Риме, это собрание могло подвергаться угнетениям, но едва ли можно было относиться к

нему с полным пренебрежением. Преемники Августа были достаточно могущественны, чтобы вводить такие законы, какие внушала им мудрость или их прихоть, но законы вступали в силу благодаря санкции сената»¹. Со времен же Диоклетиана от былого общегосударственного значения у сената остается одна лишь пустая форма. В его компетенцию входят следующие дела: а) сенату сообщаются военные дела для сведения; б) сенату поручается иногда расследование уголовных дел; в) формально сенату принадлежит право избирать нового императора, но в действительности это право сводится к санкционированию того, кто уже был назначен к этому или был провозглашен войском. Кроме того, сенат занимался делами, касавшимися игр и различных повинностей сенаторов, и все его решения нуждались в санкции императора².

Сходная судьба постигла и прочие старые республиканские магистратуры. Консулы только председательствовали в сенате, но ничего не решали, преторы заведовали по поручению императора некоторыми специальными делами (например, опекунскими), остальные же должности существовали только как почетные звания. В то же время сенаторское сословие по-прежнему считалось высшим в государстве.

Сенат в это время насчитывал примерно 600 членов, преимущественно наследственных аристократов. Стать сенатором можно было благодаря государственной службе, достигнув ее высших ступеней, благодаря императорскому пожалованию, путем кооптации сенатором³.

Именно во время Диоклетиана высшая социальная группа — сенаторы — начинает консолидироваться в определенное сословие". Утрачивая даже формальное положение высшего органа империи, сенаторы остаются верхушкой аристократии, из которой выдвигаются претенденты на высшие административные и военные посты, хотя и здесь Диоклетиан ввел для сенаторов ряд ограничений, особенно в провинциальном управлении, как уже отмечалось.

Следует отметить, что хотя Диоклетиан и лишил Рим преимуществ столицы, он проявлял большую заботу об этом городе. «Много внимания и забот было уделено снабжению столицы продовольствием»⁵.

¹ Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. С. 528.

² Машкин И. А. История Древнего Рима. С. 518.

³ Аврелий Виктор. XXXIX, 47.

¹ Гиббон Э. История упадка... С. 476.

² The Cambridge Ancient History. Vol. XII. Ch. XI. P. 382.

³ Бибииков М. В. Очерки средневековой истории экономики и права. М., 1998. С. 156.

⁴ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. P. 284-602; A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol. I. P. 535 ff.

⁵ Аврелий Виктор. XXXIX, 45.

Рим украсился «новыми замечательными постройками»¹. Лишив Рим значения политического центра империи, Диоклетиан не только сохранил, но и старательно поддерживал его роль как идеологического центра Римской державы. Рим по-прежнему должен был являться воплощением величия государства, могущества и славы его повелителей.

Вместе с Римом утратила свое особое положение и Италия, которая была практически уравнена в правах со всеми остальными провинциями. Если ранее италийское население могло только догадываться о тяжком налоговом бремени, под которым изнывало огромное большинство населения империи, то при Диоклетиане «в конце концов, на часть Италии налегла большая тягота податей»².

Падение политического приоритета Италии объяснялось, прежде всего, утратой ею экономического могущества в связи с перемещением основных экономических центров на Восток. Диоклетиан практически лишь оформил то, что давно уже являлось непреложным фактом.

Мощный кризис III века, из которого Диоклетиан и вывел Римскую империю, как раз и показал более чем наглядно невозможность сохранения центра державы в Италии. «Единство римского мира стало разваливаться; его сердце, Рим и Италия, было парализовано и не снабжало кровью части империи, которые пытались начать самостоятельную жизнь»³. Дабы эта трагическая ситуация для империи не повторилась, Диоклетиан и изменил статус Италии, Рима, создавая новые центры управления *Rex Romana* — императорские резиденции.

Переменами в положении Италии административные нововведения отнюдь не ограничились. Если до Диоклетиана империя предоставляла большую свободу провинциям и городам, где вплоть до III века в городских декретах сохранялась безнадежно устаревшая формула «именем сената и народа», то теперь этим маленьким республикам предстояло испытать крайности имперской централизации.

Крупные изменения были проведены Диоклетианом в административном делении империи. Число провинций возросло до 100. Это было достигнуто путем дробления старых провинций. Каждая провинция находилась под управлением правителя, который заведовал всеми отраслями управления за исключением военного командования. Соединение в одних руках военного командования и гражданского управления оставалось только в некоторых провинциях: в Исаврии, Аравии

¹ Аврелий Виктор. XXXIX, 46.

² Там же. XXXIX, 31.

³ Жак ле Гоф. Цивилизация средневекового Запада. С. 9.

и Мавритании, — они были наиболее беспокойными, в них часто случались мятежи, и сохранение всей полноты власти в руках одного человека диктовалось, прежде всего, военными соображениями.

Правитель провинции располагал высшей гражданской и уголовной юрисдикцией, заведовал сбором налогов, заботился о безопасности и благосостоянии своей провинции. Общим наименованием правителя провинции становился *gestor*; почти все состояли в ранге *clarissimi*. В некоторых провинциях правители назывались *consulares* и имели шесть *fascēs*. В ряде других провинций правители именовались *correctores* и имели пять *fascēs*. В прочих провинциях правители носили имя *praesides*. Однако три провинции: Азия, Ахайя и Африка остались проконсульскими. Проконсулы, которые ими управляли, занимали первое место в ранге *spectabiles*. Они имели в качестве помощников легатов. Проконсулы Азии и Африки зависели непосредственно от императора.

Раздроблением провинций и разделением военной и государственной властей Диоклетиан добивался гарантии от сепаратистских выступлений. Действительно, правитель столь малой по размерам и населению провинции, не имеющий военной власти, при всем своем желании не мог решиться на мятеж¹.

Все провинции входили в состав других, более крупных административных единиц — диоцезов. Всего диоцезов было тринадцать. Образованы они были следующим образом: два диоцеза в Малой Азии — Азия и Понтика, четыре на Востоке — Сирия, Месопотамия, Палестина и Египет, три на Балканах — Мезия, Фракия и Паннония, два диоцеза в Италии — южная часть и северная, аналогично делилась Галлия, а также отдельными диоцезами являлись Африка, Испания и Британия.

Во главе каждого диоцеза находился правитель в ранге *spectabilis*, подчиненный префекту претория и замещающий того в его отсутствие. Именно поэтому он именовался *vicarius praefectorum* или же *curator propraefectus*. Однако, будучи назначенным непосредственно императором, *vicarius* имел собственную власть и в своем диоцезе пользовался полномочиями префекта в деле надзора за правителями провинций, в отношении сбора податей и судопроизводства. Общим титулом правителей диоцезов было *vicarius*. Двое правителей диоцезов считались выше прочих по рангу: правитель Сирии, называвшийся *comes Orientis* и правитель Египта, носивший титул *praefectus Augustalis*.

Если попытаться представить в целом систему подчинения в административном аппарате Римской империи начала Домината, то мы получим следующую картину.

¹ Grant M. *The Climax of Rome*. P. 75.

Глава пирамиды — всевластный император, которому непосредственно подчинены два префекта претория. Префектам претория подчинялись правители диоцезов, назначенные, однако, самим императором. Правителям диоцезов соответственно подчинялись правители провинций.

Административные реформы Диоклетиана окончательно уравнили в правах все территории Римской империи. Полностью исчезла разница в управлении той или иной провинции (за исключением некоторых частных различий, о которых упоминалось выше).

Разумеется, процесс уравнивания прав провинций шел уже не одно столетие, «но во времена принципата провинции совпадали, как правило, с бывшими до римского завоевания самостоятельными государственными и полугосударственными образованиями»¹ и сильно различались по формам правления. При Диоклетиане нивелирующая тенденция в провинциальном управлении получила полное завершение.

На низшем уровне тенденция полной нивелировки коснулась и особенностей нового управления городами и сельской местностью. В городах Диоклетиан учредил должность гражданских магистратов, ответственных за городскую территорию — *praepositi pagorum*. Эти чиновники курировали также и сельские районы, относящиеся к городам и также именовавшиеся *pagi*. Здесь мы видим административное слияние города и сельской местности.

Подводя итог анализу административных преобразований Диоклетиана, должно признать, что именно тогда империя начинает превращаться в неограниченную бюрократическую монархию с четкой иерархией должностей и титулов. Воспользуемся формулировками Г. Л. Курбатова: «Режим Домината создал мощную бюрократию, бюрократическую систему управления (по сравнению с предшествующей эпохой численность чиновников возросла многократно), но вряд ли следует преувеличивать степень бюрократизации управления империей, что нередко приводит к известной модернизации. Считают, что в империи насчитывалось 40 000 чиновников на всю огромную территорию (от Евфрата до Шотландии). Обычный штат провинциального управления состоял из 100 человек. Оценивая степень бюрократизации управления империей, нельзя не считаться с тем, что огромная часть этой работы по-прежнему осуществлялась органами античного полисного самоуправления, местных общин, что определяло как значение и роль последних, так и масштабы действи-

тельной бюрократизации империи»¹. Антично-полисные традиции существования городского общества Римской империи сохранились и в эпоху Домината, став в дальнейшем основой существования ранневизантийского общества².

Характеризуя в целом государственные преобразования начала Домината, нельзя не заметить, что если в свое время Август установил тот режим, который отвечал назревшим общественно-политическим потребностям и традиционным социально-политическим характеристикам римского общества конца I в. до н.э.³, то Диоклетиан создал ту систему власти, которая, безусловно, соответствовала потребностям общественно-политического момента, переживаемого Римской империей во второй половине III в., вполне отвечая изменившемуся социально-психологическому состоянию римского общества этой эпохи.

¹ Машкин Н.А. *История Древнего Рима*. С. 520.

¹ Курбатов Г. Л. *Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли*. Л., 1991. С. 42.

² Там же. С. 5.

³ Шифман И. III. *Цезарь Август*. Л., 1990. С. 104.

Экономическая политика Диоклетиана

1. Финансы и налоговая политика

Политические преобразования Диоклетиана не могли быть успешными без стабилизации экономического положения в империи. Значительное увеличение численности римской армии, резкое увеличение административно-бюрократического аппарата вызвали колоссальный рост денежных расходов государства. Но массовая чеканка неполноценной монеты делала необходимым в первую очередь проведение мероприятий по ликвидации финансового кризиса и восстановлению покупательной способности имперских денег.

Диоклетиан в 294 г. провел денежную реформу, установившую полноценную золотую монету (aureus) в 1/60 римского фунта, равную 25 денариям в 1/96 фунта серебра и равную 100 бронзовым сестерциям (римский фунт равнялся 327 граммам). Ауреус Диоклетиана — 4,8-5,46 грамма. До этого, со времен преемников Августа и до Диоклетиана один aureus равнялся 1/40 фунта золота. Монетная реформа Диоклетиана не была удачной, так как реальная стоимость монеты не находилась в должном соотношении с установленной номинальной ее стоимостью. В результате этого полновесная монета очень скоро исчезла из обращения. Правительство империи смогло ее использовать только для выплаты жалования наемным солдатам-варварам и для расчета с внеимперскими народами. Что же касается представителей имперской администрации — чиновников и даже военных командиров, то они получали по-прежнему жалование натурой. В зависимости от их рангов было определено, сколько и какого качества им причитается одежды, утвари, рабов и так далее.

В то же время, по мнению Карла Криста, организационная реформа всей монетной чеканки оказалась прочной. Вместо комбинированной системы местной, региональной и государственной чеканки Диоклетиан ввел новую систему — более 15 государственных монетных дворов, на которых чеканились преимущественно единые типы монет. В будущем эти монеты в разных частях Империи различались

только по сокращенному названию монетного двора или по стилю изображений и региональным особенностям. Центральные эмиссии, например, с надписями изготовлялись теперь на всех государственных монетных дворах¹.

Если Диоклетиану и удалось сохранить золотой запас империи путем взимания налогов на землю и осуществления выплат в медных деньгах, но всех этих мер вкуче оказалось недостаточно для того, чтобы ввести нечто похожее на твердую валюту. Выпуск медных денег при нем продолжался в огромных количествах. Медные деньги, nummi, выпускались в двух видах: смешанные с серебром, расценивавшиеся как 5 денариев с omunes и более мелкие достоинством в 2 денария, равные по размеру медным монетам эпохи Антонинов — antonianus'ам. Это была дефляционная мера, т. к. при Марке Аврелии (161-180 гг.) antonianus приравнялся к 5 денариям². Предполагалось, что пять крупных nummi равнялось серебряному денарию. Серебряная монета — аргент Диоклетиана — весила 3,41 грамма. Antonianus же, равный двум денариям, при Диоклетиане являл собою сплав — 1 часть серебра и 20 частей меди. Чеканился также фоллис — бронзовая посеребренная монета весом 9-13 граммов³. Инфляция продолжала быстро расти, и Диоклетиану пришлось возобновить выпуск nummus достоинством в 25 денариев. В таких условиях помимо выплат медью естественным образом начались платежи и натуральными продуктами.

В соответствии с этим Диоклетиан был вынужден установить в качестве основных государственных платежей натуральные сборы. Была проведена унификация налогов. Все сельское население империи было равномерно обложено комбинированным подушно-поземельным налогом (capitatio iugatio). Этот налог взимался с единицы, которая могла быть отработана трудом взрослого мужчины и двух женщин. Весьма характерно, что при налогообложении не играло роли, касалось ли оно свободных или рабов. Размер единицы обложения определялся качеством почвы и характером возделываемых культур. Из источников известно, что в Сирии размеры участков были в 20, 40 и 60 югеров пашни, приравнивавшейся к 5 югерам виноградника и к 225 или 445 оливковым деревьям. С этой-то единицы, называвшейся iuga, и взимали capitatio-iugatio⁴.

Надо сказать, что единой системы сбора налогов все же создать не удалось, поскольку в разных провинциях сохранялась разная система переписи земель. Самыми совершенными признаются способы,

¹ Крист Карл. История времен римских императоров. С. 392.

² Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. С. 49.

³ Алфорова М. В. История Древнего Рима. С. 536-538.

⁴ 1 югер - 0,25 га.

применявшиеся в провинции Сирия, где переписью руководил сам Диоклетиан. Приведенные данные по Сирии как раз и относятся к этой переписи. В провинции Азии (запад Малой Азии) *iuga* была гораздо меньше, и не было такого четкого деления. Учитывались только пастбища, пахотная земля, виноградники и оливковые плантации без учета их качества. В Египте традиционная *agura* (0,27 га) сохранялась с таким же делением в зависимости от стоимости земли. В Африке для определения стоимостных участков использовалась *centoria* (200 югеров или 50 га) без разделения земель по типу их пользования и качества, а в южной Италии сохранялась *milenna* (12,5 югера или 3,25 га). Таким образом, происходило ущемление прав налогоплательщиков в этих провинциях¹.

Сельское население также переписывалось и делилось на группы (*capita*). В зависимости от местных и существовавших обычаев действовали разные системы налогообложения. В Египте учитывались только мужчины в возрасте от 14 до 65 лет. В Сирии — женщины с 12, мужчины же с 14 лет².

Каждое хозяйство, каждое селение и принадлежащие его обитателям земли оценивались по количеству *iuga* и по количеству *capita*. Из этих данных выстраивались показатели по городам, областям, провинциям. В компетенцию префекта претория входил подсчет требовавшегося зерна, ячменя, мяса, масла для пропитания армии, гражданских служащих и населения Рима, а также количества военной одежды, лошадей и рекрутов для армии, лошадей, мулов и быков для почты, рабочей силы. Затем все это делилось на количество *iuga*. Полученный в итоге размер налога обнародовали в ежегодных указах императора. Сборщики им и руководствовались. Поначалу при Диоклетиане для сбора подоходного налога использовался список *capita*, но вскоре *capita* и *iuga* каждого хозяйства были соединены, и получавшаяся в результате сумма подвергалась налогообложению. Так как налоги устанавливались каждый год в зависимости от нужд правительства, то, как справедливо подчеркнул А. Х. М. Джонс, этот эдикт Диоклетиана можно считать первым в истории примером годового бюджета³.

От налогов не были освобождены и представители сенаторского сословия, платившие, кроме поземельного, еще и особый налог деньгами — *augur glebale*. Городские жители уплачивали раз в пять лет особую подушную подать деньгами — *capitatio plebeia*.

Для организации сбора императорского годового дохода Диоклетиан назначил специальных инспекторов по налогообложению (*exactor civitatis*) для каждого города.

Мелкие землевладельцы, жившие вне города или даже в городах, к несению городских повинностей не привлекались. Это вело к окончательному разложению городской организации, которая прежде объединяла всех владельцев участков на городских землях. Ответственными за поступление налогов были городские куриалы и владельцы поместий. В их интересах Диоклетиан стремился прикрепить колонов к земле, хотя в какой-то степени постарался ограничить произвол крупных земельных собственников, запретив делать колонов ответственными за долги владельца имения, у которого колоны арендовали свои участки. Колоны прикреплялись к земле не только по той причине, что они являлись неоплатными должниками собственников, но прежде всего из-за того, что государству необходимо было знать, сколько людей у того или иного *possessoris*, для правильного распределения налогов.

Шло прикрепление к земле не только колонов, но и свободного землевладельческого населения. Чтобы обеспечить сбор подушного налога (*capitatio*) и другие сборы, Диоклетиан вынес решение о том, чтобы все крестьяне оставались на тех местах, на которых они были зарегистрированы во время переписи. Дети также регистрировались, хотя и не облагались налогом. Сельскохозяйственное население было наследственно прикреплено к земле.

Каждые пять лет производились подробнейшие переписи населения. Первая перепись состоялась в 289–290 гг.

Прикреплялись также и другие слои населения. Ремесленники — к своим коллегиям, отвечавшим в порядке круговой поруки за регулярное поступление налогов с их членов, куриалы прикреплялись к куриям, так как они своим карманом отвечали за налоги с горожан.

Собственно, изначальные условия для грядущего прикрепления различных городских корпораций к государству создали еще во II в. Антонины. Император Адриан (117–138 гг.) впервые в империи создал в городах профессиональные корпорации наподобие хорошо знакомых ему военных структур: «...сам лично обошел все провинции, отстранив толпу спутников, и при этом восстанавливал все города, укреплял в них сословия. В самом деле, наподобие военных легионов, он разделил по центуриям и когортам ремесленников, художников, архитекторов, всякого рода строителей зданий и декораторов»². Диоклетиан довел эту систему до логического конца.

¹ Джонс А. Х. М. *Гибель античного мира*. С. 50.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 50.

¹ Rostovtzeff M. *Economical and social history of Roman Empire*. P. 353.

² [Аврелий Виктор]. *Извл.*, XIV. 4, 5.

Античные авторы¹ дают довольно противоречивую картину налоговой политики Диоклетиана. Если Аврелий Виктор восхваляет его заботу о благосостоянии народа, указывая, что: «с наименьшей заботой была урегулирована справедливейшими законами и гражданская служба: была отменена разорительная для народа должность фрументариев»², то у других историков на этот счет иное мнение.

Зосим писал: «Время уплаты налогов было временем слез для граждан»³. Лактанций много подробнее: «Число сборщиков податей до такой степени превысило количество тех людей, которые обязаны были эти подати платить, что земледельцы, силы которых истощились от неумеренности податей, покидали поля, а обработанные земли превращались в леса. Поскольку страх заполнил все, и провинции были разделены на части (для взимания налогов), многие наместники стали налагать большое число тяжких повинностей на отдельные области и даже почти что на каждый город. Многие чиновники весьма редко занимались гражданскими делами, но зато очень часто выносили обвинительные приговоры и объявляли конфискацию имущества. Взимание бесчисленных податей было явлением не то чтобы частым, а просто непрерывным, и невозможно было вынести творившейся при этом несправедливости»⁴.

Аристий Опат, префект Египта, писал в 297 г. об организации во вверенной ему провинции *indictiones* (реквизиций): «Наши счастливейшие императоры, Диоклетиан, Максимиан Август, Констанций и Максимиан (Галерий), почтеннейшие цезари, видя, что сборы налогов проходят таким образом, что некоторые отделяются небольшими платежами, в то время как другие оказываются ими перегружены, решили искоренить это зло и положить конец пагубной практике в интересах жителей провинций, для чего вводится в действие благоприятный закон сбора налогов. В соответствии с ним я должен публично объявить, сколько будет взиматься за каждую аруру, в зависимости от качества земли с каждого крестьянина и в каких возрастных пределах. Таким образом, жители провинций, получившие большие выгоды, должны приложить все усилия для скорейшей уплаты налогов в соответствии с верховным постановлением и не ждать принуждения со стороны властей. Все должны выполнять свои обязанности с наи-

¹ *Rostovtzeff M. Economical and social history of Roman Empire. P. 353.*

² Фрументариями назывались чиновники, добывающие продовольствие для армии. Диоклетиан перевел армию на снабжение за счет государственных запасов.

³ *Зосим. II, 36.*

⁴ *Лактанций. О смерти гонителей, X, 7.*

большим рвением, а если кто-то после таких больших выгод будет от них уклоняться, его ждет наказание»¹.

И вновь Лактанций: «Каждый из четырех правителей держит для себя, однако, больше солдат, чем прежние государи на всю империю. Подати поднялись неслыханным образом; число получающих настолько превзошло число платящих, что разоренные колонны покидают землю и обработанные поля зарастают лесом. Еще больший ужас нанесли тем, что все провинции разделили на части и в каждую страну, в каждый город послали толпу чиновников и сборщиков податей. Этим было сделано очень немного для общественной пользы; а только пошли один за другим приговоры, изгнания, вымогательства, сопровождавшиеся жестокими насилиями»². И еще, уже в крайней степени: «Между тем были несчастья и стенания из-за нового обложения, которое было введено для всех провинций и общин... Толпа налоговых чиновников низвергалась отовсюду и привела всех в смятение. Это были картины ужаса, как при нападении врагов и уходе пленных. Измерялись поля, подсчитывались виноградные лозы и деревья, вносились в списки все домашние животные, отмечалось число жителей. Каждый был на месте с детьми и рабами. Вели пытки и побои, сыновей пытали перед отцами, вернейших рабов перед хозяевами, жен перед мужьями. Если же все это было безуспешно, пытали самого собственника, и если он не выдерживал боли, он записывал в собственность то, чего вообще не существовало. Ни возраст, ни немощи не находили снисхождения... Детям прибавляли возраст, старикам уменьшали. Все должны были платить подушный налог и продажную цену за жизнь. Не доверяли одним оценщикам и снова посылали других, как будто они могли записать больше; все время удваивались взносы. Тем временем уменьшалось число животных, умирали люди, но, несмотря на это, налог накладывался и на умерших. Короче, бесплатно нельзя было больше ни жить,³ ни умереть. Остались только нищие, с которых нечего было взять»³.

Прочитав эти строки, здравомыслящий историк не может не воскликнуть словами Станиславского: «Не верю!». Если бы картина, нарисованная Лактанцием, действительно соответствовала истине, Римская империя при Диоклетиане никогда бы не восстановила своего единства, не покончила бы с мятежами, не отразила бы натиск внешних врагов.

¹ *Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. С. 50.*

² *Лактанций. X, 7.*

³ *Цит. по: Крист Карл. История времен римских императоров. С. 392-393.*

Разумеется, Лактанций, будучи ненавистником Диоклетиана, спускает краски, но полностью не доверять ему тоже не стоит. Увеличение налогового бремени вследствие роста государственного аппарата не могло не ухудшить положения народных масс. Как бы ни пытался Диоклетиан бороться со злоупотреблениями властью со стороны чиновников, он был бессилён не только искоренить, но даже серьёзно ограничить это зло. Чрезвычайно интересно свидетельство Либания о том, как в эпоху императора Феодосия в последние десятилетия IV в. действовала диоклетианова система податей, связанная с пятилетним циклом переписей: «Скажем о том зле, которое превзошло все прочие беды. Это — неисчислимая подать в золоте и серебре, вызывающая трепет с приближением грозного пятилетия. Название этому источнику дохода дано благовидное, якобы подать взимается с торговцев, но так как эти самые торговцы морем ускользают от подати, то гибнут те люди, которым их ремесло едва даёт возможность прокормиться... При таких условиях, государь, учащаются случаи перехода в кабалу, лишаются свободного состояния дети, продаваемые отцами не для того, чтобы полученные за них деньги перешли к ним в кубышку, но чтобы на их глазах эти деньги перешли в длань настойчивого сборщика налога»¹.

К началу IV в., однако, картина отнюдь не была столь удручающая. В Галлии при Диоклетиане, если верить авторам панегириков, на землю вернулись мир, процветание и изобилие. Тетрархи привели новых землевладельцев на заброшенные поля, и ранее опустошившие их варвары теперь возделывали землю, поставляя зерно и скот. «Прежнее изобилие похорон при вас сменилось изобилием урожаев», — восклицали панегиристы, обращаясь к императорам-соправителям². Думается, в известной степени это можно отнести и к иным областям империи.

Вернемся к вопросу о политике Диоклетиана по отношению к различным слоям свободного населения. Г. Л. Курбатов следующим образом характеризует аграрную политику эпохи домината: «Несомненным результатом кризиса III века было то, что общество не могло обеспечить сохранение прежнего положения не только мелких, но и средних рабовладельцев. Государство было вынуждено поступиться интересами последних, сохранив все привилегии за небольшой кучкой крупнейших собственников империи — сенаторами и военно-

¹ Либаний. Речь против Флоренция. 22, 32. Цит. по: Либаний. Речи Т. 1-2. М., 1914-1916.

² Ковалев С. И., Штаерман Е. М. Очерки истории Древнего Рима. С. 297.

чиновничьей верхушкой»¹. Не соглашаясь во многом с этими определениями экономической политики Домината, следует отметить, что при Диоклетиане эта политика имела ряд консервативных черт, свойственных только периоду его правления, и едва ли социальная опора режима мыслилась императором столь узко.

Крупные земельные магнаты не были надёжной опорой императорской власти в борьбе за единство империи, что они и доказали своими сепаратистскими действиями во время кризиса III века. Лишь угрожающий рост массовых движений вынудил их пойти на компромисс с империей, ибо лишь её военная сила могла подавить многочисленные народные восстания, вспыхнувшие в разных концах державы. Диоклетиан, по-видимому, хорошо понимал это и стремился опереться на все слои свободного населения империи, тем самым расширив её социальную базу. Исходя из этого, он пытался по возможности ограждать интересы мелких и средних собственников.

В этом отношении очень интересен его рескрипт 293 года, в котором император разрешает требовать обратно имение, если оно продано слишком дешево: «Если ты или твой отец продали вещь слишком дешево, то человеческое отношение к тебе требует, чтобы ты или получил обратно проданный участок, возвратив покупателям деньги (расторжение должно происходить в суде), или, если это предпочитает покупатель, дополучил то, чего не хватает до справедливой цены. При этом цена считается низкой в том случае, если она ниже половины истинной цены»². В конце рескрипта подтверждается право продавца отказаться от продажи, если имение продано ниже настоящей цены³ (*lesio enormis*).

Рескрипт является исключительным в римском законодательстве Домината. После Диоклетиана уже нет случаев его применения. Важность рескрипта заключается, прежде всего, в том, что он свидетельствует о намерении Диоклетиана поддержать в некоторой мере мелких и средних землевладельцев против крупных земельных магнатов, в практике которых скупка задешево имений разорившихся землевладельцев была нередкой.

Диоклетиан боролся и с захватом чужих имений силой. В том же 293 г. издан указ, разрешавший изгнанному из своего владения вернуться на родное место через год. В законе 294 г. он отказывает в защите тем, кто приобрёл свои имения насильственным путем.

¹ Курбатов Г. Л. Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV в. С. 49.

² Новицкая Г. Т. Некоторые вопросы аграрной политики начала домината. С. 58.

³ Там же.

Диоклетиан пытался бороться также и с произволом кредиторов, разрешая должнику в случае отторжения участка возбудить дело по *lex Julia* о частном насилии.

В своей политике по отношению к рабам Диоклетиан ставил своей целью, как отмечает Е. М. Штаерман, «не озлоблять более привилегированных рабов»¹. Он поощрял отпуск рабов на волю и даже издал закон, согласно которому раб, в течение двадцати лет живший как свободный, получал свободу автоматически. Диоклетиан запрещал продавать в рабство детей свободных людей, пытался ограничить произвол богатых и могущественных, призывая судей решать дела справедливо, не обращая внимания на положение тяжущихся.

Всеми этими мерами Диоклетиан стремился стабилизировать внутренний мир в империи, привлечь на свою сторону как можно больше слоев населения, представить императорскую власть как защитницу интересов всех сословий, всех жителей городов и селений, всех народов Римской империи. Надо отметить, что в немалой степени ему это удалось.

Созданная же Диоклетианом налоговая система оказалась весьма долговечной. На несколько столетий она пережила своего создателя, став частью социально-экономической системы Восточно-Римской, Византийской империи. Как отметил Г. Г. Литаврин, «сложившаяся окончательно при Диоклетиане податная система, несмотря на частичные перемены, в целом на несколько веков осталась неизменной. Через каждые 15 лет проводилась новая имущественная опись населения с целью коррекции налоговых тягот, хотя практически местные чиновники учитывали имущественные (особенно благоприятные) изменения в хозяйствах подданных почти постоянно»². Таким образом, Диоклетиан может и должен считаться «отцом» налоговой системы и позднего Рима, и первых веков Византии.

Очень долговременные последствия имела и политика Диоклетиана, направленная на обеспечение регулярного сбора налогов с населения. По мысли основателя Домината, самым исправным налогоплательщиком мог быть только тот, кто постоянно находился на одном и том же месте. Отсюда именно с эпохи Диоклетиана начинается постепенное прикрепление значительной массы свободных людей к их месту жительства, к земле или ремеслу, чтобы обеспечить стабильное поступление в государственную казну налогов с населения. Это явилось началом превращения граждан в закрепощенных

¹ Ковалев С. И., Штаерман Е. М. *Очерки истории Древнего Рима*. С. 301.

² *Раннефеодальные государства на Балканах*. М., 1985. С. 25.

налогоплательщиков. По очень точному наблюдению Е. В. Федоровой, «если в прежние века Рим жил за счет того, что грабил другие народы, то теперь он стал грабить самого себя; Римское государство встало на путь самопожирания: собирая налоги, правители не задумывались над тем, откуда возьмут налогоплательщики требуемые суммы, и чем строже взыскивались налоги, тем более истощались средства населения»¹.

Думается, все же данное мнение более относимо к Западной, чем к Восточной части Римской империи, поскольку как раз там труд мелких свободных земельных собственников вытеснялся трудом колонов, арендаторов, лишенных права покидать свою землю в значительном масштабе. Кроме того, Восток был экономически намного сильнее, потому «самоедство» новой налоговой системы на Западе было большим.

Важнейшим же в социальном плане здесь представляется то обстоятельство, что Диоклетиан «расширил юрисдикцию крупных землевладельцев над зависимыми людьми»². Логическим завершением политики Диоклетиана в отношении колонов стал указ императора Константина от 30 октября 332 г.: «Тот, у кого будет найден чужой колон, должен не только вернуть его к месту его происхождения, но и заплатить за него подушную подать за то время, которое колон у него находился. А самих колонов, которые вздумают бежать, заковать в кандалы, как находящихся в рабском положении, чтобы они были принуждены в наказание исполнять рабским способом обязанности, приличествующие свободным»³.

Здесь уместно привести слова И. М. Дьяконова: «Древность кончается не тогда, когда кончается рабская эксплуатация (она продолжается и в средневековой, и в капиталистической фазе, и в условиях так называемого развитого социализма). Древность заканчивается тогда, когда прекращается личная свобода»⁴.

Налоговая политика Диоклетиана, бывшая квинтэссенцией его социально-экономических преобразований, неизбежно вела к утрате свободы, именно личной свободы — экономических прав, возможности свободного перемещения у свободного населения Римской империи. С этой точки зрения эпоха Диоклетиана и есть конец античности и заря средневековья.

¹ Федорова Е. В. *Люди императорского Рима*. С. 266, 267.

² Хафнер Г. *Выдающиеся портреты античности*. 337 портретов в слове и образе. С. 128.

³ Цит. по: Федорова Е. В. *Люди императорского Рима*. С. 267.

⁴ Дьяконов И. М. *Пути истории*. С. 54.

2. Эдикт о ценах

Особое внимание среди экономических мероприятий Диоклетиана занимает *Edictum de pretiis rerum venalium* — «Эдикт о ценах», изданный в 301 году.

Первоначально эдикт был известен по отдельным фрагментам подписей, найденных в течение XVIII-XIX веков в Египте, Кариий и на островах Средиземного моря¹. Лишь в 1973 г. при раскопках античного города Афродисиады в Малой Азии был обнаружен полный текст эдикта².

«Эдикт о ценах» имеет большое значение для изучения экономического состояния Римской империи в конце III и начале IV века и разнообразия местных производств³, — такую характеристику дал эдикту русский историк Архангельский.

Посредством этого эдикта Диоклетиан стремился, выправив рыночные цены, не только подавить инфляцию, но и строго регламентировать экономическую жизнь империи. Будучи человеком военным, Диоклетиан ценил достоинства воинской дисциплины и в данном случае попытался применить ее и в экономической жизни империи, при этом, похоже, весьма плохо представляя себе, с чем ему, собственно, предстоит столкнуться, ибо рынок с его колебаниями спроса и предложения, сложными механизмами, рассчитанными на обогащение одних и разорение других, менее всего был склонен (и так в истории будет всегда!) подчиняться дисциплине, пусть даже воинской.

Эдикту о ценах предшествовала вторая денежная реформа Диоклетиана. О ней сообщает папирус самого конца III века, в котором чиновник дает своему агенту следующие указания: «Божественная судьба наших повелителей распорядилась, чтобы италийские деньги были уменьшены на половину одного нумма. Поэтому поторопись все италийские деньги, которые у тебя есть, израсходовать и купить мне всякого товара, по какой цене сможешь раздобыть» (Pap. Ryland, 607)⁴.

Во вступлении к эдикту Диоклетиан приводит причины, побудившие его издать этот уникальный указ: «Жители наших провинций! Забота об общем благе заставляет нас положить предел корыстолюбию тех, которые всегда стремятся божественную милость подчинить своей выгоде и задержать развитие общего благосостояния»⁵. Особое

беспокойство у Диоклетиана вызывало то обстоятельство, что очень сильно распространилось ростовщичество, от которого страдала даже армия. Желание оградить армию, основную опору режима, от произвола хищных ростовщиков явилось мерой, которая должна была не допустить какого-либо недовольства среди воинов существующим положением.

«Кто не знает враждебную общественному благу наглость, с которой в форме ростовщичества встречаются наши войска... ростовщики назначают цены на предлагаемые предметы не только в четырехкратном и восьмикратном размере, но и в таком размере, что никакими словами это нельзя выразить. Кто не знает, что иногда воины ценой почетного подарка и жалования приобретают один предмет? Кто не знает, что жертвы всего государства на содержание войск идут на пользу хищников-спекулянтов?»¹.

«Кто имеет такой упрямый характер и лишен всякой человечности, что не знает и даже не почувствовал, как на товары, продаваемые на рынках или в ежедневном товарообороте городов, распространился произвол цен, что разнузданная алчность не утоляется ни изобилием товаров, ни богатым урожаем отдельных лет; что без сомнения именно такие люди, которые занимаются такими делами, постоянно в душе взвешивают и даже узнают по звездам погоду и не могут в своем несправедливом настрое вынести, когда счастливые поля орошаются небесным дождем и дают надежду на будущие плоды; что многие считают это своим личным ущербом, когда возникает избыток товаров из-за благосклонности неба. Эти люди, которые только о том и думают, чтобы из божественного благодеяния извлечь выгоду, урезать избыток в общественном благосостоянии, а в неурожайный год с тем, что принес урожай, заниматься грязными делишками, пользуясь услугами торговцев, эти люди, из которых каждый купается в богатстве, которым можно было бы насытить целые народы и которые гонятся только за своим благополучием и за ростовщическими процентами.

...Итак, взвесив с полным правом все вышеизложенное, мы, потому что этого требует простая человечность, подумали не устанавливать цены на товары, ибо это было бы несправедливо, потому что многие провинции радовались бы счастьем желаемых низких цен и, так сказать, привилегии изобилия, но установить максимальные цены, чтобы если какая-нибудь буря увеличит дороговизну — да хранят нас от этого боги! — алчность была ограничена нашим распоряжением или ограничениями закона. Поэтому мы устанавливаем, чтобы цены,

¹ Русский пер. фрагментов эдикта дан во II т. *Очерков истории древнего Рима* В. С. Сергеева. М.: Соцэргиз, 1938. С. 659-663.

² Бокщанин А. Г. *Источниковедение*. С. 92.

³ Архангельский С. *Указ Диоклетиана о таксах*. С. 367.

⁴ Цит по: Крист Карл. *История времен римских императоров*. С. 394.

⁵ Эдикт Диоклетиана о ценах // *Хрестоматия по истории Древнего мира*. М., 1962. С. 563.

¹ Эдикт Диоклетиана о ценах // *Хрестоматия по истории Древнего мира*. С. 563.

которые приведены в прилагаемом перечне, соблюдались по всей Империи, чтобы все поняли, что у них отнят произвол их повышения, а там, где есть изобилие товаров, чтобы не было помех для дешевых цен, о чем можно лучше всего позаботиться, наложив оковы на описанную алчность. Между продавцом и покупателем, которые заходят в гавани и путешествуют по чужим странам, это сдерживание должно соблюдаться в совместных деловых связях, и, чтобы они знали, что при затруднениях они не могут превысить установленные цены на товар. Они должны рассчитывать место и транспорт товаров и вообще все дело, исходя из следующего: постановлено, что те, кто привозит товары, не может их нигде продавать дороже.

Так как у наших предков было принято держать в узде дерзновение назначением наказания, потому что крайне редко можно встретить человека, который сам по себе делает добро, а страх всегда является самым верным рулевым в исполнении долга, постановляется, что если кто уклоняется от требований этого распоряжения, за свою дерзость будет подвержен смертной казни. И никто не может жаловаться на суровость распоряжения, потому что в руках каждого избежать грозящей опасности соблюдением этой меры. Та же опасность действует заодно с корыстолюбием продавца. От той же вины не освобождается тот, кто владеет товаром, необходимым для питания и употребления, и после указа не поставляет его на рынок; наказание для того, кто вызывает дефицит, должно быть выше, чем для того, кто нарушил распоряжение.

Итак, мы призываем всех к послушанию, которое на пользу обществу должно соблюдаться с благосклонным уважением и должным благоговением, особенно потому, что такое распоряжение послужит не только отдельным городам, народам и провинциям, но и всей Империи, гибели которой, как мы знаем, желают лишь немногие, корыстолюбие которых не могут умерить и насытить ни время, ни богатство, за которым они охотятся»¹.

Эдикт устанавливал максимальные цены на все сельскохозяйственные и ремесленные товары. Закон регламентировал не только цены, но и заработную плату по специальности от сельского батрака до учителя и адвоката, оплату за перевозку грузов по морю и т. д.

Перечисление товаров в эдикте чрезвычайно детальное, и можно сделать вывод о высокой степени дифференцированности производства. В эдикте упоминаются свыше 30 видов зерновых продуктов, 19 сортов вина, 12 сортов масла, 50 сортов мяса, 96 сортов рыбы, 116 видов льняных тканей. Всего — около тысячи позиций.

¹ Цит. по: Крест Карл. История времен римских императоров. С. 395-397.

Пределы цен в эдикте были установлены произвольно, без учета специфики отдельных провинций. Действительно, как можно было регулировать одновременно цены на таких необъятных просторах, включавших и разные климатические пояса, разные природные условия от густых лесов Галлии до пустынь Мавритании и Аравии... Поэтому эдикт, несмотря на жесточайшие кары, нарушался и после ухода Диоклетиана от власти в 305 году был отменен.

Следует отметить, что проведение норм эдикта в жизнь осуществлялось в чрезвычайно суровой форме. Любые нарушения строго карались. Публичные казни нарушителей следовали одна за другой. «Диоклетиан... пытался особым законом установить цены на все товары. Тогда по ничтожным поводам было пролито много крови: товары страха ради начали скрываться от продажи, дороговизна стала расти гораздо больше, чем ранее, пока, наконец, закон в силу самой необходимости, после гибели многих, был отменен»¹.

«В обстановке натурализирующегося хозяйства, при условии, что государство было тогда не в состоянии взять на себя плановое регулирование производства, установление твердых цен могло привести только к росту спекуляции»². Впрочем, история XX века показала, что государство никогда не в состоянии взять на себя плановое регулирование производства, которое обеспечило бы экономически состоятельные твердые цены и упразднило бы спекуляцию. «Реальный социализм» XX в. десятилетиями наступал на те же грабли, что и Диоклетиан за шестнадцать с лишним столетий до него. Будем, однако, справедливы к основателю Домината. Он был человек военный и мыслил, естественно, только дисциплинарными категориями. Экономических теорий о рыночных отношениях в Римской империи не было, да и не могло быть.

Теодор Моммзен назвал эдикт Диоклетиана «административным безумием» — *governmentaler Wahnsinn*³.

Но немецкий историк К. Штаде начала XX века оценивал эдикт несколько иначе. Он доказывал, что регулирование цен имело определенные основания. В распоряжении правительства имелись огромнейшие запасы продуктов, поступавших как с императорских поместий, так и в виде налогов: в ведении государства находились большие мастерские, которые выпускали множество ремесленных изделий, так что правительство могло выбрасывать на рынок определенное количество

¹ Лактанций. О смерти гонителей, XI, 8.

² Ковалев С. И. История Рима. С. 698.

³ Mommsen Th. Tiber das Edict Diocletians «De pretiis rerum venalium». S. 306.

товаров и тем самым регулировать цены¹. Запасов этих, однако, не хватило не только на всю империю, но и на отдельные провинции, и эдикт не привел к желаемым для правителя результатам.

Делая краткий вывод, можно сказать, что попытка Диоклетиана пресечь произвол богачей путем регламентации цен не удалась. С рынков исчезли товары, а инфляция медных денег бесконтрольно продолжалась, достигнув астрономических размеров.

В итоге можно сделать уверенный вывод, что первая в истории человечества грандиозная попытка тоталитарного регулирования экономики путем введения фиксированных цен на все без исключения товары на необъятных просторах Римской империи от Месопотамии до Британии, от Мавритании до Германии, от Нила до Придунавья закончилась полным крахом. Будучи человеком своей эпохи, Диоклетиан, конечно же, не мог понять, что экономика не может повиноваться его приказам так, как повинуются легионы своему полководцу. Впрочем, римский император здесь заслуживает куда меньших упреков, нежели вожди XX столетия, пытавшиеся управлять экономикой подобными же методами, при этом воображая, что опираются на самую передовую экономическую теорию.

Великий кризис III века, из которого Диоклетиан успешно вывел Римскую империю, был во многом вызван тем обстоятельством, что Рим к этому времени исчерпал возможности экстенсивного развития путем успешных завоевательных войн, приобретения новых провинций и увеличения в результате этого армии рабов в своей на рабстве основанной экономике. Диоклетиан, перейдя к политике прикрепления к земле колонов, свободных землевладельцев, начав закрепощать и городское сословие, прежде всего ремесленные корпорации, усилил налоговый гнет и одновременно пытаясь жестко регулировать цены, предложил своего рода путь интенсификационного развития Римской империи за счет мобилизации всех ее внутренних ресурсов. И нельзя сказать, чтобы путь этот был так уж не успешен. Пожалуй, единственный провал здесь — эдикт о ценах. Сама же социально-экономическая система Диоклетиана — прикрепление широких слоев сельского, городского сословий, новая налоговая система — оказалась замечательно живучей. Пережив гибель античной цивилизации, она стала основой социально-экономического строя средневековой Византии.

¹ *Stade K. Der Politiker Diokletian und die letzte große Christenverfolgung. S. 123.*

Военная реформа Диоклетиана

Преобразовательная деятельность великого реформатора Римской империи внесла решительные перемены в военную организацию Рима¹. Столь значительных перемен римское войско не знало со времен Гая Мария, Августа и Септимия Севера. Первый, как известно, сделал римскую армию профессиональной, второй создал ее структуру эпохи Принципата, когда основные соединения, насчитывавшие по нескольку легионов, располагались в провинциях, преимущественно в пограничных областях, защищая рубежи империи. Там войска располагались в пограничных лагерях (*castra*) и крепостях (*castella*)². При Септимии Севере (193-211 гг.) пограничные легионы окончательно теряют подвижность, обрастают хозяйством, более прочно прирастают к месту своего расположения. Воины получают разрешение вступать в брак, приобретать землю. Армия начинает на местах комплектоваться в первую очередь за счет тамошнего населения, что приводит к ее неизбежной варваризации³. Таким образом, армия эпохи Принципата была статичной, рассредоточенной в пограничных лагерях или укрепленных узлах вдоль пограничной полосы⁴. Когда какой-либо участок обороны границы требовал подкрепления, туда отправлялись отряды численностью, как правило, в 1000 воинов из других легионов. Из войск, отведенных из провинций, формировались экспедиционные войска в случае военных действий. Во внутренних областях войск не было. Только в Италии стояли преторианские когорты.

Время великого кризиса Римской империи в III в. показало явную неэффективность такой системы. Пограничные легионы, обросшие имуществом, производственными подразделениями, наконец, семьями, совершенно утратили главное достоинство всякой армии

¹ *Van Berchem. L'armee de Diocletian... P. 56.*

² *Донченко А. И., Высокий М. Ф., Хорьков М. Л. Последние историки великой империи // Римские историки IV в. С. 303.*

³ *Birkley A. Septimus Severus. The African Emperor. New York, 1972. P. 55-60.*

⁴ *Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. С. 297.*

мобильность и маневренность¹. Важнейшее и печальнейшее последствие для римлян — неспособность такой армии успешно отражать стремительные нападения замечательно подвижных варварских племен. Эпоха «солдатских императоров» (235-284 гг.) продемонстрировала до конца еще одну опасность существования стабильных крупных воинских соединений: это была питательная среда, постоянно выдвигавшая множество претендентов на престол, всевозможных узурпаторов. То, что было кратковременным явлением при переходе власти от Юлиев-Клавдиев к Флавиям (68-70 гг.) и от Антонинов к Северам (193-195 гг.) стало в III в. печально постоянным действием на протяжении десятилетий.

Важные структурные изменения произошли в римской армии еще при Галлиене, когда значительно была укреплена конница, дабы римляне могли успешно сражаться с персами и сарматами, в чьих войсках решающую роль всегда играла кавалерия. Появляются у римлян части тяжелой конницы, закованные в латы, вооруженные длинными копьями и мечами на персидско-сарматский манер, именуемые катафрактариями и клибанариями. Создаются отдельные кавалерийские части — вексилларии — приравняемые по силе к легионам. Старая легионная конница (*promoti*) также получила независимый статус. Вексилларии вкуче с пехотным легионом и составляли постоянное полевое воинское соединение, могущее быть использованным для разрешения критических ситуаций.

Диоклетиан в первую очередь постарался укрепить границы империи. Его безусловным достижением можно считать укрепление пограничных районов, осуществленное посредством строительства оснащенных узлов и дорог, а также за счет увеличения численности гарнизонов. Последствия этих мероприятий восхвалял Зосим: «Когда Римская империя благодаря предусмотрительности Диоклетиана повсюду по крайним границам была окружена поселениями, крепостями и укреплениями, в них жили все войска, и не могло быть, чтобы варвары перешли границы, так всюду войска бросались навстречу врагам, чтобы их отразить»².

Помимо укрепления пограничных войск, что, строго говоря, было мерой консервативной, ибо, насколько возможно, улучшало старую систему обороны, Диоклетиан выступил в военной политике с рядом новаторских мер. Прежде всего, он начал создавать мобильные части³. Они назывались *comitatenses*. Войска эти располагались в стратеги-

чески важных городах провинций и легко перебрасывались в нужные места¹. Пограничные войска (*limitanei*) продолжали существовать, но постепенно отходили на второй план. Для их подкрепления на особо опасных участках границ располагались мобильные части, сформированные по типу комитатов и потому именовались *pseudo-comitatenses*².

В то же время в восточных провинциях при Диоклетиане новая система еще не утвердилась, что особо любопытно, поскольку провинции эти находились под его непосредственным управлением. По этому поводу А.Х.М. Джонс писал: «Обнаружено, что многие подразделения легионной кавалерии (*promoti*), части кавалерии, состоявшие из мавров и далматов, размещались в восточных пограничных районах, и лишь несколько полков принадлежали полевой армии (*comitatus*) Диоклетиана, а среди кавалерийских полков — легионная кавалерия (*promoti*) и подразделения военного эскорта (*comites*), среди пехотинцев — полки копьеносцев и полки, носящие имя Юпитера и Геркулеса (*Lanciarii Ioviani*, *Herculiani*). Когда требовалось большее экспедиционное войско, как и при принципате, оно составлялось из подкреплений, прибывающих из пограничных районов»³.

Думается, здесь все дело в особой опасности восточной границы — могучая Сасанидская Персия! Ослаблять хоть немного лимитанов было невозможно, отсюда и малое число мобильных войск — комитов. Здесь же была возведена система крепостей от Египта до Северной Месопотамии⁴.

Император, старший август, естественно, оставался верховным главнокомандующим. Ему помогали в управлении армией два высших должностных лица с титулом *magistri militum*. Более высоким по рангу считался *magister equitum* — командующий конницей. Оба они были особами первого ранга, титуловались *viri illustres* и занимались вопросами полного обеспечения и подготовки армии к военным действиям. Именно со времени Диоклетиана императорский двор приобретает статус ставки верховного главнокомандующего и называется поэтому *comitatus*. Титул *comes* применяется к высшим военным чинам империи, пребывающим при дворе (ставке). Отсюда и византийский титул — комит. Офицеры второго ранга (*vir spectabilis*), постоянно или временно командовавшие крупными воинскими частями и соединениями, именовались комитатами. Вся империя делилась на военные округа — дукаты, — возглавляемые дуксами.

¹ Римские историки IV в. С. 303.

² Зосим.34.

³ Van Berchem. L'armée de Diocléétian... P. 171-172.

¹ Римские историки IV в. С. 303.

² Там же. С. 304.

³ Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. С. 298.

⁴ Van Berchem. L'armée de Diocletian... P. 46.

Дуксы имели второй ранг с титулом *vir spectabilis*. Границы округов военных и административных разнились — еще одна предосторожность Диоклетиана, дабы избежать опасной концентрации военной и гражданской власти на местах¹.

Зосим писал о военной власти на местах: «Во главе солдат на местах повсюду стояли центурионы и трибуны, а также дуксы — так именовались те, которые где-либо имели должность заместителей преторов»².

Произошли также структурные изменения в самом легионе. Вместо громоздких соединений в 6000 человек для большей мобильности появились мелкие части в 1000 и даже 500 человек. Общее число легионов при Диоклетиане достигало 72. А вся численность войска, увеличенного сравнительно с предшествующими временами примерно вдвое, достигла 435 366 воинов, согласно сведениям Иоанна Лиды.

При Диоклетиане меняется и комплектование армии. Пополнение войск за счет добровольцев совершенно перестало удовлетворять империю, и поэтому Диоклетиан сделал военную службу наследственной и обязательной. Он же ввел новую систему воинской повинности, согласно которой призывники определялись по тем же спискам, что и плательщики земельных налогов. Новая система комплектования римской армии, таким образом, всей своей тяжестью ложилась на плечи сельского населения. Позже в солдаты стали набирать также рабочих государственных предприятий, созданных Диоклетианом.

В то же время Диоклетиан запретил представителям состоятельной части городского населения — декурионам — вступать в армию. Это же касалось и других квалифицированных людей, что должно было сохранить их для гражданского управления. В то же время он позволил им исполнять офицерские полномочия. А вот колонны, служившие в армии, в отличие от солдат римской армии первой половины III в., не могли рассчитывать дослужиться до командных должностей³.

Продолжалась варваризация римского войска. Пограничные части все более и более пополнялись за счет «летов» и «федератов» — военнообязанных колонистов-иностранцев (варваров, переселившихся или же переселенных на земли римских пограничных провинций).

В связи с усиливающейся варваризацией империи и, осознавая, что ее никак уже не остановить, Диоклетиан вполне осознанно решил поручить охрану границ от варваров самим же варварам. Созданные им пограничные войска состояли в основном из варваров-колонистов,

¹ Римские историки IV в. С. 304.

² Зосим. 32.

³ Ковалев С. И., Штаерман Е. М. Очерки истории Древнего Рима. С. 298.

и воины вели оседлый образ жизни, имели семьи и хозяйство. И хотя такая пограничная стража не могла считаться во всех отношениях надежной, все же затраты на нее были минимальными, а на первых порах она себя вполне оправдывала и обеспечивала охрану границ Римской империи. Отряды варваров, добровольно переходившие под власть и на службу Римской империи, Диоклетиан включал также в состав мобильных войск (*comitatenses*).

В целом, военные реформы Диоклетиана следует признать успешными, что, безусловно, подтверждают итоги его правления: единство империи восстановлено, все мятежи подавлены, внешние враги победоносно отражены и на Рейне, и на Дунае, и в Африке, и в Египте, и, наконец, в Месопотамии одержана крупнейшая победа над персами.

¹ Казаков М. М. Христианизация Римской империи в IV в. С. 117.

Религиозная политика Диоклетиана

Особый интерес вызывает религиозная политика Диоклетиана. В ней наиболее явно отразилось его консервативное мировоззрение, идеологическая сущность всей его политики.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию религиозной политики основателя Домината, необходимо коснуться проблемы духовной жизни Империи в I—III вв. Если в отношении политической свободы она однозначно выступила в роли душительницы, то судьбы свободы духовной в условиях Принципата и раннего Домината были куда более благополучны. Надо сказать, что и по свободе гражданской в Риме скорбели мало — в последние десятилетия Республики она была крайне малосостоятельна и чаще всего порождала кровавые гражданские войны. Империя дала мир необъятному пространству римских владений, превратив их в единый *Pax Romana*, Римский Мир. И касалось это не только собственно римлян. Тем из завоеванных стран, в которых и без того не было никакой политической свободы и которые в первую очередь лишились только права разорять друг друга бесконечными войнами, империя дала благосостояние, которого они до сих пор никогда не знали. Подданные империи «предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому»¹. Буйства Калигулы и Нерона, жестокости Домициана и безобразия Коммода задевали лишь весьма узкий круг лиц, прежде всего придворное окружение цезарей-тиранов. *Populus Romanus* — римский народ, не говоря уже о населении провинций, могли благоденствовать при злейших владыках Палатина. Гибель философов, писателей (Сенека, Петроний) никак не была связана с их творчеством, а произошла от неудачи чисто придворной карьеры. Свобода мысли, творческая свобода, утверждавшаяся еще в эллинистических государствах и которой были чужды полисы классической Греции («они убили Сократа; они едва не убили Алкивиада. Анаксагор, Протагор, Феодор Атей, Диагор из Мелоса, Продик из Цеоса, Сильпон, Аристотель,

Теофраст, Асция, Эврипид, — все пострадали в большей или меньшей степени»), утвердилась в Римской империи. «До Константина Великого в римском кодексе не существовало ни одного закона, направленного против свободы мысли; в истории императоров не было ни одного процесса, который касался бы философских учений. Ни один из ученых не был подвергнут преследованию. Такие люди, как Галиан, Лукиан, Плотин, которых сожгли бы в средние века, жили спокойно, под охраной закона. Империя открыла эру свободы в том смысле, что упразднила абсолютное владчество семьи, города, рода (полисное наследие. — *И. К.*), заменив его властью государства. Ведь абсолютная власть давит тем больше, чем теснее круг, на который она распространяется. Древние республики и феодализм угнетали каждого отдельного гражданина несравненно сильнее, чем империя. Правда, были эпохи, когда Римская империя жестоко преследовала христианство, но, тем не менее, она не убила его. А в древних республиках (древнегреческие полисы, республиканский Рим. — *И. К.*) распространение христианства было бы невозможно; если бы не сдерживающая римская власть, довольно было бы одного иудейства, чтобы окончательно его подавить. Фарисеям не удалось уничтожить христианство только благодаря вмешательству римских правителей... первые христиане действительно с большим почтением относились к авторитету римлян»².

Думается, по существу эти мысли Эрнеста Ренана, высказанные еще в веке XIX, едва ли могут быть отвергнуты даже в XXI веке. О безусловной исторической прогрессивности Римской империи эпохи Принципата пишет А. Б. Егоров: «Объединение народов Средиземноморья в рамках единой цивилизации было исторически необходимым процессом, и после кризиса эллинистического мира и разгрома Карфагена такой объединяющей силой мог стать только Рим... а без Римской империи³ не могло быть и дальнейшего развития европейской цивилизации»⁴.

И стало это возможным в том числе и потому, что духовная свобода в *Pax Romana* — римском мире — не только не умерла, но и получила дальнейшее развитие. Публия Корнелия Тацита смело можно назвать «певцом Империи и Свободы», ибо два этих понятия⁴ в эпоху Принципата отнюдь не всегда противостояли друг другу, а в эпоху Антонинов (исключая Коммода) стояли рядом.

¹ Ренан Э. Жизнь Иисуса. Апостолы. С. 560.

² Там же. С. 560-561.

³ Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 222.

⁴ Применительно к Российской империи XIX в. «певцом Империи и Свободы» Г. П. Федотов называл А. С. Пушкина (Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. II. С. 141-162).

¹ Тацит. *Анналы*, I, 2.

Христианство могло зародиться как действительно мировая религия только в условиях Римской империи, где Pax Romana сам естественным образом приходил к мысли, сходной с основополагающим постулатом св. Павла: «Несть [перед Богом] ни эллина, ни скифа, ни иудея». Собственно, это относительно обожествляемого императора четко зафиксировал эдикт Каракаллы 212 г. — все подданные императора независимо от этнического происхождения равны перед ним, все они римские граждане. Однако решительное столкновение христианской церкви и императорского Рима было неизбежным. Христианин не мог признать бога-императора и приносить ему жертвоприношения, и потому христианство существовало в империи, живя своей собственной жизнью, воздавая «Богу — богово, а кесарю — кесарево». Но вся беда заключалась в том, что значение императорского культа возрастало параллельно с ростом числа христиан, и неприятие важнейшего идеологического обряда империи все большим и большим числом ее подданных было чревато роковыми потрясениями. Собственно, крупнейшее гонение на христиан при Деции (249-251 гг.), как известно, произошло именно из-за нежелания христиан приносить кесарю присягу, сопровождавшуюся жертвоприношением бого-императору. Компромисса здесь быть не могло. И в этом таилась величайшая опасность для языческой античной цивилизации. «Imperium Romanum, каким мы знаем его, каким все лучше узнаем по истории римских провинций, это поразительнейшее творение в монументальном стиле, — оно было только началом, строительство было рассчитано на века, которые оправдали и подтвердили бы его... С тех пор так не строили — не мечтали строить так, sub specie aeterni (под знаком вечности. — *И. К.*). Организация была столь крепкой, что выносила и дурных императоров: случайной личности ничего не поделывать с таким замыслом, — вот самый первый принцип архитектуры большого стиля. Но она была недостаточно прочной, чтобы противостоять наихудшему виду порчи — христианину»¹.

Разумеется, совершенно необязательно (скорее, и не нужно) соглашаться с немецким философом в характеристике христианства как наихудшего вида порчи, но то, что только оно было силой, способной сокрушить античную цивилизацию — это несомненно.

Здесь не следует путать судьбы античности и империи. Империю христианство не убило — Византия пережила Западный Рим на тысячелетие. А вот цивилизация античная с торжеством христианства умерла.

¹ Ницше Ф. *Антихристианин // Сумерки богов*. М., 1990. С. 86-87.

Время правления Диоклетиана и вошло в историю не только рождением политической системы Домината, но и крупнейшим в истории прямым столкновением языческой античности с крепнущим христианством.

Здесь особо надо отметить, что сама система Домината, основанная на поклонении как божеству личности императора, с одной стороны, была совершенно, казалось бы, несовместима с христианством, не могущим признавать царствующего августа за бога, с другой стороны, божественная природа государства становилась символом небесного строя, отраженного в мире. «Этой эволюции государственного самосознания соответствует, ее вдохновляет, но и ею в свою очередь вдохновляется религиозное движение греко-римского мира в сторону монотеизма, то есть веры в единого Бога. Неоплатонизм Плотина — это лебединая песня греческой философии, восточные культы, "герметическая" письменность — все главные духовные и умственные течения эпохи — провозглашают Единое Начало, Одного Высшего Небесного Бога»¹. Говоря о взаимоотношении позднеантичной философии и христианства, надо помнить, что они были крайне непростыми. Поздний стоицизм был, к примеру, не просто неприязнен к христианству, но часто относился к нему с лютой ненавистью. Не случайно самым убежденным гонителем христиан, создавшим и утвердившим законодательную основу их гонений, как в свое царствование, так и в последующие времена, был величайший философ-стоик Римской империи император Марк Аврелий². Отношения неоплатонизма и христианства оказались иными.

В конечном итоге неоплатонизм, пусть его виднейший представитель эпохи Диоклетиана, ученик великого Плотина Порфирий и был воинствующим антихристианином, слился с христианством, в результате чего появился христианский неоплатонизм³. Его виднейший представитель в IV в. псевдо-Дионисий Ареопагит и обосновывал структуру небесной иерархии в качестве прообраза земной иерархии⁴.

Так что Доминат в сфере политической неизбежно должен был привести и к монотеизму в сфере духовной жизни империи, а наиболее сильным и распространенным монотеистическим культом в Риме было в те времена христианство... Мирного же его утверждения в империи не могло быть не только, возможно, и не столько по причине

¹ Прот. Александр Шмеман. *Исторический путь православия*. С. 101-102.

² Лосев А. Ф. *История античной философии*. М., 1998. С. 107-108.

³ Чалоян В. К. *Восток — Запад*. М., 1979. С. 116.

⁴ Там же. С. 117.

вопиющей нелояльности христиан к императорскому культу, за что они, как отмечалось, в правление императора Деция и подверглись гонению, но и по причине антагонизма духовного: христианство, усвоившее десять ветхозаветных заповедей и стоящее на нравственной основе постулатов Нагорной проповеди, в принципе не могло в конечном итоге ужиться со в высшей степени формалистической римской религией, не включавшей в себя понятие морали. Стоит привести слова Е. В. Федоровой: «Отношения с богами носили характер откровенной сделки по принципу "я дал тебе, чтобы ты дал мне": я принесу тебе жертвы с соблюдением формальностей ритуала, а ты должен выполнить мои просьбы; если ты этого не будешь делать, то и я не буду приносить тебе жертвы и буду искать себе других богов. Чужим богам римляне поклонялись охотно, если считали это для себя выгодным, и презирали лишь религиозный экстаз, свойственный некоторым иноземным культам, особенно восточным; бесноваться и вопить казалось им делом ненужным и унижающим человеческое достоинство; ведь, по их мнению, богам не нужны чувства людей, богам нужно лишь нечто материальное, нужна конкретная "взятка" в виде пролитого вина и рассыпанных муки и зерен, в виде крови и дыма от сожженных под открытым небом внутренностей, жира и костей жертвенных животных (мясо богам не жертвовали, его съедали сами, так что боги в конечном итоге получали лишь то, что людям все равно не нужно). Недаром латинское слово *religio* означает "связь", то есть формы связи с теми силами, которые стоят вне человека и могут ему вредить, а латинское слово *cultus* имеет общий корень с глаголом *colere*, основное значение которого "возделывать землю", т. е. богов, принося им жертвы, как будто бы "обрабатывают руками", также, как и землю»¹.

Так могли ли долго мирно уживаться боги, отношение к которым исчерпывалось чеканной формулой: «*Do ut des*» и Тот, к которому завещано было обращаться «*Pater noster, qui est in Caelis, sanctificetur Nomen tuum, adveniat Regnum tuum, fiat voluntas tua sicut in Caelo et in Terra*», Бог, главное чувство к которому — Любовь?

Да, христианство могло возникнуть только в условиях Империи, только римская религиозная терпимость могла позволить ему распространиться по всему римскому миру, но именно оно и должно было положить конец античности. Духовный конец.

Если выделить главные причины противостояния империи и христианства, то можно обратиться к выводам крупнейшего исследователя истории гонений на христиан проф. А. П. Лебедева: «Отношение

¹ Федорова Е. В. Люди императорского Рима. С. 15-16.

правительственной римской власти к распространившемуся среди империи обществу христианскому выразилось во II, III и начале IV века, как известно, в гонениях на христиан. Чтобы понять надлежащим образом свойства и характер этих преследований, нужно наперед строже изучить самые причины их.

Причины эти троякого рода: 1. Государственные. Правительством замечена была несовместимость христианства с идеями о государственной власти, какие лежали в основе римского государства. Христианство своими требованиями шло в разрез с тем, что составляло сущность представлений о власти государственной и ее отношения ко всем сторонам жизни граждан. 2. Причины религиозные, хотя и не в чистом их виде. Именно несовместимость христианства с установившимися отношениями римского правительства к своей собственной религии и культам народов иноземных. Христианство не могло ожидать в отношении к себе терпимости со стороны римского правительства, потому что оно, христианство, являлось враждебным для интересов отечественной религии римской и по своему существу стояло вне круга миролюбивых фактических отношений, в какие поставляло себя правительство к другим религиям — не римским. 3. Общественные. Невосприимчивость христианства к общественным требованиям языческого Рима. Христиане не хотели признавать для себя обязательными иных и общественных требований правительства, а правительство не могло извинить подобного уклонения от общественных требований со стороны последователей новой религии»¹.

Действительно, для человека античного мира государство было наивысшей ценностью, о чем недвусмысленно заявляли такие выдающиеся люди, можно сказать, символы греко-римской цивилизации, как Платон (в государстве каждый получает возможность исполнить свое назначение и достигнуть полной меры своего счастья и благополучия), Аристотель (человек есть существо исключительно политическое, и жизнь государственная есть все для него), Цицерон (государство родило нас и воспитало для того, чтобы лучшие и высшие силы нашей души употреблять в свою собственную, государственную пользу, а в нашу личную пользу оставлять столько, сколько будет оставаться за удовлетворением его собственных нужд), Марк Аврелий (цель разумного существа — это подчиниться законам государства и древнейшему государственному устройству).

Для христиан же высшей ценностью было служение своей вере. Они во всем и всегда давали знать окружающему их миру, что они являют собою новое религиозное сообщество, не имеющее ничего

¹ Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан... С. 5-6, 7, 76.

общего с религиозным устройством и, главное, с государственным направлением римской державы¹.

Более того, христианство никак не укладывалось в систему традиционных иноверных культов других народов Римской империи, к каковому (определенное исключение иудаизм, не могущий признать божественность римских императоров) римляне проявляли замечательную толерантность. Христианство не было религией определенного народа и уже этим крайне смущало римлян. Тот же иудаизм, при всей его непокорности, был все же религией иудейского народа и с этой точки зрения был для римлян явлением объяснимым и не нарушавшим традиционных представлений о верованиях различных народов. Всечеловечность же христианства явно выбивалось из античных традиций. И если бы дело было только в этом. Христианство не скрывало того, что оно является религией, прямо ниспровергавшей все языческие культы. Оно, очевидно, не желало быть верой той или иной части населения империи и неизбежно стремилось к тому, чтобы стать единственной истинной верой. Религии разных народов могли соседствовать в рамках Римской империи, проявляя терпимость друг к другу и в той или иной степени признавая равные права друг друга. Христианство при всем замечательном миролюбии ранних христиан не могло не смотреть свысока на все прочие религии, что не могло не быть замечено римлянами.

Наконец, противостояние общественное. Высшие достижения античной цивилизации решительнейшим образом отвергались христианами. Знаменитый Тертуллиан проклинал диалектику Аристотеля, предвосхищал трепет античных поэтов перед судом Христа, предрекал, что языческие философы со своими учениками будут гореть в пламенеющем огне. Христианский философ Тацян прямо писал, обращаясь к язычникам: «Ваше языческое красноречие есть не что иное, как орудие неправды, ваша поэзия воспекает только ссоры и любовные проделки богов на пагубу людей, глупцы и льстецы были все ваши философы. Ни один из ваших философов не произвел ничего великого и достойного, ни Диоген, живший в пифосе, чтобы явить себя чуждым потребностей, и умерший потому, что ел грубые полипы, ни Платон, который любил лакомые обеды Дионисия Сиракузского, ни Аристотель, который льстил Александру Великому; все они не были свободны от суетности и притязательности»².

Тертуллиан писал об античном театре как о святилище Венеры и Бахуса, утверждал, что христианину не должно учиться музыке

¹ Там же. С. 76.

² Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан... С. 28-29.

и живописи, поскольку они так или иначе посвящены языческим богам, языческим ценностям. Отвергая духовные и культурные ценности античного общества, христианство неизбежно обрекало себя на конфликт с этим обществом, каковое гордилось своими достижениями в науке, искусстве, литературе, архитектуре.

Христианство и античная цивилизация были обречены на конфликт, следствием чего и стали неоднократные гонения римской власти на христиан, каковые и происходили при Марке Аврелии, Деции, Валериане и, наконец, крупнейшее из них разразилось в конце правления Диоклетиана.

Теперь обратимся непосредственно к конкретным особенностям религиозной политики Диоклетиана.

Диоклетиан, стремившийся создать в Римской империи такое положение, при котором императорская власть контролировала бы все стороны жизни общества и государства, не мог не обратить особого внимания на религиозные системы, распространяемые в различных частях империи. По мнению Диоклетиана, религия должна была явиться в его руках тем инструментом, посредством которой император обосновывал бы установление системы Домината как средства и «его необходимость для "всеобщего блага"»¹.

Единая для всей империи религиозная система должна была укреплять престиж императорской власти, восстановить пошатнувшийся авторитет «Вечного Рима», сплотить все слои населения вокруг императорского престола.

Это и наложило определенный налет на его политику в идеологическом плане. Что, как это ни парадоксально, соответствовало его новаторским мероприятиям в государственной деятельности. Единая официальная религия должна была укрепить новую политическую систему.

В данном случае староримская религия явилась идеологической опорой режима, важнейшим атрибутом надстройки².

Всеми мерами Диоклетиан старался укрепить староримскую религию. «Древнейшие религии свято соблюдались», — отмечал римский историк³. Резко был усилен императорский культ. Диоклетиан и Максимиан приняли имена «Иовия» и «Геркулия» — Юпитера и Геркулеса⁴. Впервые к императору стали обращаться и поклоняться как к богу.

¹ Кац А. А. Идеологическая борьба в Римской империи в начале IV в. н. э.

² Там же.

³ Там же.

³ Аврелий Виктор. XXXIX, 46.

⁴ Там же. XXXIX, 4.

Любопытно, что при Диоклетиане в империи усилилось почитание также и ряда местных божеств. Так, в конце III в. в армии исключительно популярным становится культ Дунайского всадника, произошедший из Паннонии, чья религиозная суть до настоящего времени историкам неясна¹. Соправитель Диоклетиана Галерий всю жизнь боялся каких-то непонятных римлянам горных богов своей родной Дакии³. Естественно предполагать, что распространение подобных культов должно было быть связано с иллирийским происхождением ряда императоров — Клавдия II Готского (268-270 гг.), Аврелия (270-275 гг.), Проба (276-282 гг.), да и самого Диоклетиана со своими соправителями.

В первые 18 лет правления Диоклетиана существовала еще известная веротерпимость к иудеям, манихеям и христианам. Хотя эти религиозные системы являлись основными оппозиционными силами в отношении староримских верований и императорского культа, но не подвергались каким-либо гонениям. Об этом свидетельствует христианский писатель Евсевий Памфил: «Столь велики были и как далеки между всеми народами, греками, варварами, распространились, пред современным нам гонением, слава и дарование учения о почитании верховного Бога, возвещенного свету Христом, рассказать достойно мы не в состоянии. Доказательством того может служить благосклонность к нашим державным лиц (Диоклетиана и соправителей. — *И. К.*), которые поручили им управление народом и, по великому расположению к их вере, избавляли их совесть от жертвоприношений. А что сказать о царских придворных? Что о начальствовавших над всеми правителях? Домашним, детям и слугам они попускали открыто и свободно следовать божественному слову и христианской жизни, едва не позволяли им хвалиться дерзновением в вере и считали достойным любви больше, чем прочих сослужителей»³.

Веротерпимость Диоклетиана впервые пошатнулась в 297 г., когда он издал эдикт против манихеев. С этим эдиктом, безусловно, связаны следующие обстоятельства: шла война с Персией (296-298 гг.), где и был особенно распространен культ Мани, помимо этого манихеи вызвали волнения в ряде мест империи, особенно в Северной Африке. В эдикте говорилось: «Старая религия не может быть осуждена новой... Величайшее преступление отречься от того, что было определено и утверждено древними... Поэтому мы решили наказать зловредное упрямство дурных людей, которые противопоставляют древним

богослужениям богопротивные секты, чтобы по своему скверному произволу уничтожить то, что нам было завещано богами... Следует опасаться, что они (манихеи) с течением времени отравят своими мерзкими ядовитыми напитками невинных людей, скромный и спокойный римский народ и весь наш земной шар... Поэтому мы повелеваем, чтобы основатели и главари вместе с их мерзкими писаниями были подвержены суровому наказанию — сожжению в огне: их приверженцы, прежде всего фанатики, должны быть наказаны смертью, их собственность конфискована в пользу казны... Эпидемия этого зла должна быть истреблена с корнем из нашего счастливого века»¹.

Меры, что и говорить, суровейшие. По сути, конец веротерпимости, предвстие для прочих неримских конфессий.

Благосклонность Диоклетиана к христианской церкви казалась прочной, ибо и жена, и дочь, и многие другие близкие к нему люди исповедовали христианство. Более того, у многих тогда складывалось впечатление, что христианство вот-вот станет официальной религией в Римской империи. Царь Тиридат, союзник Рима, восстановленный победоносной армией Галерия в 298 г. на армянском престоле, стал христианином и принудил к крещению своих подданных, полагая, что так скоро поступит и сам Диоклетиан.

Такое положение христианской церкви в начале IV столетия вытекало из целого ряда исторических обстоятельств, сложившихся в Римской империи к этому времени. Российский исследователь христианизации империи М. М. Казаков выделяет 8 предпосылок для союза христианства и государства в Риме рубежа III—IV вв.:

«1. Разложение в период Империи античных полисных структур, в том числе и полисного религиозного сознания.

2. Унификация населения Римской империи после эдикта Каракалы, требовавшая унификации идеологии и религии.

3. Кризис Римской империи в III в., вызвавший глубокие изменения во всей структуре общественного сознания и индивидуальной психологии.

4. Создание новой политической системы — домината, требовавшей принципиально нового по сравнению с традиционным язычеством идеологического и религиозного обоснования.

5. Провал всех попыток подавить христианство силой или изменить его в угоду императорской власти.

6. Быстрый рост популярности христианства во всех регионах римского мира (и даже за его пределами) и во всех слоях римского общества, в том числе и высших.

¹ Культура Древнего Рима. Т. II. С. 223-224.

² Лактанций. О смерти гонителей, X, 27.

³ Евсевий. 8.

¹ Крист Карл. История времен римских императоров. С. 401.

7. Формирование к началу IV в. достаточно мощной и стройной церковной организации, которая могла стать для государства либо опасной оппозицией, либо сильным союзником.

8. Потребность церкви в легальном существовании, которое позволило бы не только активизировать ее деятельность, но и расширить и укрепить ее материальную базу¹.

Однако начало IV в. готовило христианской церкви последнее страшное испытание гонением.

Христианская Церковь в последние десятилетия III в. значительно усилилась. Она была уже стройной и сильно организованной, с выделившейся церковной верхушкой, которая вела себя очень уверенно, и внутри которой шла упорная борьба за преобладание в церкви организацию, параллельную государственной. Кроме того, христиане откровенно издевались над римскими богами, не признавали императорского культа, пренебрежительно относились к законам государства, что не могло не раздражать императора, ибо независимая Церковь никак не укладывалась в рамки его политической системы, где все регулировалось верховной властью.

Вот так описывает положение, сложившееся в самой церкви непосредственно перед началом гонений, Евсевий Памфил: «Когда же от излишней свободы течение наших дел превратилось в медленное и вялое; когда мы начали друг другу завидовать, друг с другом ссориться и, при случае, поражали один другого стрелами слова едва ли не так же, как оружием; когда власть стала нападать на власть, народ — возмущаться против народа, постыдное же лицемерие достигло высшей степени зла. Мнимые наши пастыри, презрев закон благополучия, воспламенились взаимными распрями, умножалось только одно — раздоры и угрозы, ревность, вражда друг против друга и ненависть, и именно домогались первенства, будто какой-нибудь неограниченной власти»².

Эту особенность взаимоотношений тогдашнего христианского клира впоследствии удачно использовал последний реставратор язычества император Юлиан. По словам Аммиана Марцеллина, «он созвал во дворец христианских епископов, пребывавших в раздоре друг с другом, и народ, раздираемый ересями... Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости, какую проявляют большинство христиан в своих внутрирелигиозных разногласиях»³.

Почему же гонения на христиан Диоклетиан начал только в самом конце своего правления, на восемнадцатом его году, учитывая, что он сам определил срок своего правления в два десятилетия? Думается, до настоящего времени объяснения этому, данные профессором А. П. Лебедевым, остаются наиболее убедительными: «...в борьбу с христианами можно было вступить только с крайней осторожностью и притом во всеоружии сил государственных. Между тем в начале правления Диоклетианова государственная система не представляла твердости и прочности: наперед нужно было усилить и укрепить эту систему, и только опираясь на нее, можно было думать о борьбе с христианством. Если бы Диоклетиан вступил в эту борьбу на первых же порах своего царствования, когда не были обезопасены границы империи, прекращены внутренние возмущения, то гонение на христиан стало бы лишь источником новых опасностей и неустроений, ко вреду для государства. Борьба с христианством была заключительным звеном в программе реформирования римского государства, и это было потому, словом, что Диоклетиан сначала хотел собраться с силами, а потом уже ринуться на христиан»

Гонения на христиан начались на девятнадцатом году правления Диоклетиана в марте перед праздником Спасительного Страдания. Согласно сведениям Лактанция — он был непосредственным очевидцем начала гонений, поскольку жил в Никомедии, где преподавал латынь — толчком к перемене отношения к христианам в худшую сторону у Диоклетиана стало отсутствие знамений во время государственного жертвоприношения богам². Неудача жертвоприношения, бывшего событием государственным, наиторжественнейшим обрядом, выглядела ударом по престижу самого императора. Жрецы, ведавшие жертвоприношением, быстро нашли причину срыва государственного обряда — злой умысел христиан. Неожиданно нашлись свидетели, которые показали, что легионеры-христиане, присутствовавшие на жертвоприношении, осеняли себя крестным знамением, что, естественно, в глазах язычников не могло не выглядеть оскорблением римских богов, коих Диоклетиан искренне и глубоко чтит. Не удивительно, что дерзкий срыв торжественного государственного обряда вызвал гнев императора, и он повелел исключить всех христиан из армии и сместить их с государственных постов, если они не совершат положенных лояльным к римским богам и к императору подданным жертвоприношений. Но непосредственных репрессий пока не было... Пока. Поводом для их начала часто считают поджог дворца

¹ Казаков М. М. Христианизация Римской империи в IV в. С. 123.

² Евсевий. 8, 8.

³ Аммиан Марцеллин. XXII, 5, 2-4. (Пер. А. Сони).

¹ Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан... С. 158.

² Лактанций. О смерти гонителей, 10.

Диоклетиана в Никомедии. В поджоге незамедлительно обвинили христиан. Христиане же со своей стороны видели в этом провокацию Галерия, имевшего репутацию ненавистника христиан.

Начало репрессий подготавливалось Диоклетианом очень тщательно. Он заручился для начала согласием государственного совета (Consistorium principis), затем последовало обращение к самим богам, путем направления официального запроса к оракулу Аполлона в Милете. Только после положительного ответа милетского оракула по всей империи были распространены эдикты Диоклетиана о преследовании христиан.

Анализируя первоисточники, сообщающие о непосредственных причинах начала гонений Диоклетиана против христиан, нельзя не заметить, что сведения эти крайне противоречивы и многое в них до сих пор остается неясным.

Во-первых, сообщение Лактанция о том, что христиане, присутствовавшие на жертвоприношениях, когда жрецы-гаруспики гадали на внутренностях забитых животных, тайно крестились, и потому жрецы в неудачах гаданий стали обвинять христиан, принося гневные жалобы на них Диоклетиану, придававшему исключительное значение таким гаданиям, не выдерживает критики¹. Евсевий Памфил, заслуживающий никак не меньшего доверия, нежели Лактанций, совершенно определенно сообщает, что сам Диоклетиан официально освободил чиновников и военных христианского вероисповедания от присутствия при совершении жертвоприношений и гаданиях гарусииков². На это важнейшее обстоятельство обратил в свое время внимание А. П. Лебедев³.

Так же не заслуживает никакого доверия версия Лактанция об исключительной роли Галерия в организации этого крупнейшего гонения⁴. Ни один соправитель не имел влияния на старшего августа. Стоит лишь раз напомнить, как Диоклетиан обошелся с тем самым Галерием после поражения от персов под Каррами. Тот, кто жалко бежит за носилками своего повелителя, умоляя его выслушать свои оправдания в злосчастной неудаче, совершенно не похож на человека, способного заставить того самого повелителя поступить так, как ему того хочется. Да еще в таком важнейшем деле, как религиозные судьбы империи. Разумеется, Диоклетиан прислушивался по этому вопросу к мнениям жрецов, философов, риторов, среди которых могли быть такие незаурядные люди, как знаменитый неоплатоник

¹ Лактанций. О смерти гонителей, 10.

² Евсевий. VIII, 1.

³ Лебедев Л. П. Эпоха гонений на христиан... С. 158-159.

⁴ Лактанций. О смерти гонителей, 11.

Порфирий. Но мнение пусть и преданного, но достаточно дремучего в профессиональных делах Галерия едва ли было интересно Диоклетиану.

Наконец, о знаменитом пожаре императорского дворца в Никомедии, который с легкой руки того же Лактанция принято считать результатом целенаправленного поджога по наущению Галерия. Евсевий Памфил в отличие от Лактанция ничего не знал о причинах пожара и вину на Галерия не возлагал.

Константин Великий, пребывавший в те дни в Никомедии, совершенно определенно называет причину пожара в императорском дворце — удар молнии¹. Другое дело, что в той напряженной обстановке всякое неординарное событие воспринималось чрезвычайно остро. Слухи о вине христиан в пожаре дворца Диоклетиана, конечно же, ходили. В ответ христиане неизбежно в порядке самозащиты вину язычников. Ситуация еще более усугубилась, когда, через две недели после первого, случился второй дворцовый пожар, причины которого совершенно неясны.

Уверенно можно утверждать лишь следующее: конкретных данных о чьей-либо вине в поджогах императорского дворца в Никомедии у историков до настоящего времени нет. Обвинение Галерия в организации поджога ничем не доказывается. Другое дело, что эти трагические происшествия во дворце так или иначе резко усилили враждебность Диоклетиана к христианам, как полагал А. П. Лебедев², или, что представляется более вероятным, послужили удобным поводом для репрессий против них. Столь умный и расчетливый политик, каковым, безусловно, был Диоклетиан, не мог принять столь важное государственное решение лишь на основе простой подозрительности, чьих-то наветов, острой реакции на одно или два даже крайне неприятных происшествия. Причины введения столь решительных мер против христианской церкви были ему ясны, очевидно, ранее. Другое дело повод. Он уже принципиального значения не имел.

Наконец, 23 февраля 303 г. был издан первый эдикт против христиан и разосланы грамоты, предписывавшие разрушить до основания христианские храмы, сжигать их книги, самих христиан лишать всех государственных должностей, находящихся в услужении лишать свободы, если не откажутся от христианства. Немедленно отреклись от христианства жена Диоклетиана Приска и его дочь Валерия.

За первым последовали еще три эдикта, повелевавшие заключать всех христиан в оковы и всеми мерами принуждать к жертвоприношениям римским божествам и «гению» императора.

¹ Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан... С. 163.

² Там же. С. 163.

Репрессии были жесточайшими. В Никомедии был сожжен некий знатный человек, посмеявшийся разорвать императорский указ против христиан, затем был устроен всеобщий погром христиан. Был обезглавлен епископ никомедийской церкви Анонн.

Скоро гонения распространились по всей восточной и центральной части империи. Диоклетиан не щадил никого. Погиб римский епископ Марцелин. По приводимому Евсевием свидетельству мученика Фалеаса, наибольшие жестокости творились в Фиваиде и Александрии. Сильнейшими были преследования во Фригии, в Понте и в Северной Африке¹.

Именно от времени гонений Диоклетиана в церковном мартирологе засвидетельствовано более всего имен мучеников².

Самым знаменитым из них должно признать святого Георгия. Он был по происхождению земледельцем из Малоазиатской области Каппадокии, служил в римских легионах. Во время объявленного Диоклетианом гонения на христиан Георгий отказался отречься от христианской веры, и был за это безжалостно замучен палачами. Христианское предание утверждает, что после смерти он вновь явился на землю, совершая разные чудеса. В честь Георгия стали строить христианские храмы на месте прежних святилищ Диониса и назначили в честь его два праздника — весенний (23 апреля) и осенний (27 ноября), близкий по времени к осенним дионисиям. Первоначально на этих празднествах разрешалось даже соблюдать прежние магические обряды и приносить прежние жертвы. Постепенно культ Георгия распространился и в Греции, и в Палестине, где со временем его начали почитать даже арабские крестьяне. В восточной части империи Георгий стал одним из главных христианских святых. Эту традицию во многом унаследовало восточное христианство — православие³.

Житие Херсонитских мучеников сообщает, что во время Диоклетиановых гонений из Иерусалима в Херсонес был послан епископ Ефрем, под юрисдикцией которого должна была находиться «Великая Скифия», т. е. Северное Причерноморье. Таким образом, гонения могли способствовать укреплению христианства на окраинах империи и в соседних с нею землях, куда устремлялись гонимые. Правда, сведения о епископе Ефреме крупнейшие историки русской церкви Е. Е. Голубинский и А. В. Карташев считают легендарными⁴.

¹ Евсевий. 8, 1.

² Прот. Александр Шмеман. Исторический путь православия. С. 99.

³ Никольский Н. М. Избранные произведения по истории религии. М., 1974. С. 252-253.

⁴ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1993. С. 54.

Происходили во времена гонений и удивительные случаи спасения, а также обращения в христианство. Так, во время диоклетиановых гонений епископ Аугусты Венделиков (совр. Аугсбург) Нарцисс вбежал к блуднице Афре, не зная, куда идет. Там он не только обрел спасение, но и спас саму Афру, быстро склонив ее к обращению в христианство. Ей, однако, не удалось избежать преследования гонителей. В конце концов, Афра стяжала мученический конец, была канонизирована. Она стала единственной раскаявшейся блудницей, канонизированной на Западе, ибо там традиционно избегали провозглашения святыми даже раскаявшихся блудниц и разбойников, поскольку западный, латинский ареал, в отличие от восточного, греческого, не видел достоинств в парадоксальной святости¹.

Трагическая история Афры представляет для историка диоклетианова гонения на христиан интерес особый. Дело в том, что в историографии, посвященной событиям римской истории начала IV в., нет единства во взглядах на то, каким образом проводились в жизнь антихристианские эдикты императора в разных частях империи. Сильнейшие гонения были на Востоке, где ими руководил сам старший август, ненавистником и гонителем христиан был в то время Галерий, Максимиан, август Запада, правая рука Диоклетиана, тоже зарекомендовал себя лютым гонителем сторонников учения Христа. А вот по поводу гонений на христиан в тех областях империи, где непосредственно управлял Констанций Хлор, существует достаточно стойкое мнение среди историков об их слабости и едва ли не отсутствии вообще². Т. Д. Барнс, ссылаясь на Лактанция (15.67), утверждал, что Констанций Хлор вообще отказался соблюдать первый эдикт Диоклетиана против христиан на подвластных ему территориях, и самый суровый антихристианский эдикт — четвертый не проводился в жизнь во всей западной части Римской империи (Испания, Галлия, Британия)³. Однако, как справедливо отметил М. М. Казаков, в отрывке книги Лактанция, на каковой Т. Д. Барнс ссылается, говорится лишь о том, что Констанций позволял разрушать стены, которые легко было восстановить⁴.

Непосредственно текст Лактанция сообщает следующее: «Что касается до Констанция, то, опасаясь, чтобы кто не подумал, что он не одобряет решения императора, он дал дозволение разрушить несколько церквей, которые можно было легко восстановить, но не позволяя,

¹ Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994. С. 168.

² Казаков М. М. «Обращение» Константина Великого и медиоланский эдикт // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 133.

³ Barnes T. D. The New Empire: Diocletian and Constantine. P. 195.

⁴ Казаков М. М. «Обращение» Константина Великого... С. 133.

чтобы гонение простиралось на самих христиан»¹. История Нарцисса и Афры однозначно свидетельствует о том, что гонения во владениях Констанция Хлора, жертвами которых становились непокорные христиане, все же были. Особенно важно место трагедии: Аугуста Венделиков — Аугсбург, пограничная с германскими племенами территория империи, которая, безусловно, контролировалась самим Константином Хлором (цезари перед августами, прежде всего, отвечали за пограничье, а уж за военное пограничье, где находилась Аугуста Венделиков — вдвойне). Другое дело, Констанций Хлор мог не усердствовать подобно своему непосредственному августу Максимиану или же Галерию, но не проводить в жизнь указы Диоклетиана он не мог. Гибель Афры и других христиан — прямое тому свидетельство.

Неубедительно и утверждение Евсевия, что Констанций вовсе не был гонителем христиан и что напротив он даже оберегал их от преследований². Этому утверждению противоречат не только события в Аугусте Венделиков, но и ряд других данных.

Во-первых, сам Евсевий включает Галлию в число провинций, которые страдали от гонений в 303-304 гг. Во-вторых, в актах Руинарта сохранились свидетельства о суровых гонениях на христиан в Галлии. Это акты Рогациана и Донациана, которые А. П. Лебедев уверенно датирует 304 г., поскольку в самих актах есть ясные указания на четвертый указ Диоклетиана, изданный в 304 г.³

Согласно этим актам братья-христиане Донациан и Рогациан были сначала брошены в тюрьму, а затем обезглавлены. Место трагедии — город в устье Луары, Нант. Север Галлии, приморские земли, безусловно, зона ответственности Констанция Хлора.

Гонения происходили и в Испании, о чем свидетельствуют акты Винцентия, диакона из Сарагосы. Проконсул Дациан потребовал к себе на суд епископа Валерия и диакона Винцентия (303 г.). Валерий, будучи лишены дара красноречия, попросил Винцентия произнести за него исповедание христианское на суде. Винцентий это и исполнил. В результате епископ Валерий был сослан⁴, диакон Винцентий же после жестоких мучений погиб в тюрьме⁴.

Глубинные районы Испании — территория Арагона — никак нельзя считать пограничной территорией, и потому сарагосская трагедия на совести, скорее всего, самого Максимиана как августа всего Запада. Но если правы те, кто включает в сферу ответственности Констанция

не только пограничье, но и всю территорию Галлии, Британии и Испании, то и диакон Винцентий пал жертвой гонений на тех землях, где правил отец Константина Великого.

Исполнена подлинно высокого трагизма история отрока Тарцизия, случившаяся в Риме. Там в это время находился август Максимиан, и в его присутствии в римском Цирке около ста христиан обоего пола и возраста должны были вывести на арену на «битву со зверями». По сути, на растерзание диким хищникам. Максимиан, очевидно, вспомнил первое гонение на христиан в Риме при Нероне, когда множество последователей Христа, как сообщает Тацит, было растерзано зверями на цирковых аренах.

В это время скрывавшийся в одной из подземных базилик в римских катакомбах пресвитер Дионисий, дабы облегчить душевные страдания своих единоверцев, обреченных на погибель, совершил молебен и приготовил Святые Дары для причащения несчастных братьев. Святые Дары надо было доставить в Мамертинскую тюрьму, где находились заключенные христиане. Совершить это дело вызвался двенадцатилетний мальчик Тарцизий. Пресвитер заколебался — уж больно юн был отрок, но тот настойчиво умолял священника поручить доставку Святых Даров только ему. Наконец Дионисий согласился. Тарцизий отправился в Мамертинскую тюрьму, однако на площади, соседствовавшей с ней, неожиданно наткнулся на толпу своих сверстников, которые стали понуждать его вступить в их игры. Тарцизий отказывался, завязалась потасовка, и обнаружилось, что мальчик несет нечто такое, что никому не желает доверить. Происходящим заинтересовались прохожие, и один из праздных плебеев догадался, что это, должно быть, предмет каких-то христианских таинств. Тарцизия стали жестоко избивать, но он так и не выпустил из своих детских ручонков Святые Дары, не дав язычникам их осквернить. Один из императорских воинов, втайне сочувствовавший христианам, попытался спасти Тарцизия. Он отбил мальчика у разъяренной толпы. Тот успел рассказать спасителю о своем поручении и на руках у него скончался. Невредимые Святые Дары и бездыханное тело воин принес в подземную базилику к пресвитеру Дионисию.

Погибший отрок был похоронен христианами и впоследствии канонизирован. Римский папа Дамаз в 384 г. велел начертать на мраморной доске, покрывавшей гробницу Тарцизия, следующую надпись:

*Tarcisium Sanctum Christi sacramenta gerentem,
cum malesana manus peteret vulgare profanis
ipse animum potius voluit emittere caecus,
prodere quam canibus rapidis coelestia membra.*

¹ Лактанций. О смерти гонителей, 15, 6-7.

² Евсевий. 13.

³ Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан... С. 178.

⁴ Там же. С. 178-179.

(Святой Тарцизий нес Христовы таинства, язычники хотели осквернить их нечистыми руками; но он предпочел скорее испустить дух под их ударами, чем выдал этим хищным псам тело Христово).

С именем Максимиана связывают христиане гибель святого Пантелеймона (до крещения Пантолеон). Он был уроженцем Никомедии, принял крещение, обратил в веру своего отца, после смерти которого раздал бедным все его имущество. Пантелеймон стал врачом, но лечил больных безвозмездно, что вызвало возмущение других врачей. В 305 году они донесли на него Максимиану. Несчастный врач был подвергнут пыткам и казнен. По преданию, казнившие его были тайными христианами и перед тем, как отсечь голову осужденному, попросили у него отпущения грехов. Святой Пантелеймон почитается как покровитель медиков и медицины.

Суровость Максимиана к христианам порождала и легенды о его жестокостях. Самой знаменитой из них следует признать легенду о гибели 6600 воинов-христиан, составлявших легион, именованный Фиваидским, поскольку он был набран в Египте. Рассказ о гибели Фиваидского легиона был записан христианским автором Евхерием где-то около 430 г. (Евхерий скончался в 454 г.) Следовательно, между самим предполагаемым событием и свидетельством о нем лежит целый век с третью, что не может изначально не настроить историка на критический лад.

Теперь перейдем к самой легенде. Согласно сведениям Евхерия, бывшего епископом Лиона, знаменитого своими мучениками еще времен расправ с христианами императора Марка Аврелия, находившийся в альпийском Агаунском ущелье (недалеко от совр. Женевы и Женевского озера) Фиваидский легион, сплошь составленный из христиан, отказался выполнить приказ императора Максимиана и обратить оружие против христиан. Возмущенный непокорством Максимиан сначала наказал легион двумя децимациями (казнь каждого десятого) подряд, а когда и они не привели мятежных легионеров к покорности, то повелел перебить весь легион. «Христианские воины дали себя избить без возражений и без противодействия; они сами преклонились под меч. Земля покрылась телами убитых святых мужей, а их драгоценная кровь лилась ручьями». Так записано в актах, приводимых епископом Лиона Евхерием.

Сразу следует отметить, что в западноевропейской историографии традиция доверия к истории гибели Фиваидского легиона весьма значительна. А. П. Лебедев в свое время полемизировал, и очень убедительно, с такой позицией западных авторов и конкретно Отто

Гунцикера. Из мнений современных историков выделим оценку этих событий Карлом Крестом, склонным скорее рассматривать легенду о гибели Фиваидского легиона как событие подлинное, нежели вымышленное¹.

Думается, у современного исследователя есть все основания принять сторону А. П. Лебедева. Приводимая им аргументация не устарела и поныне. Действительно, как объяснить молчание о таком грандиозном событии христианских историков Евсевия и особенно Лактанция, который был весьма склонен к гиперболизации всего, что связано с взаимоотношениями империи и христианства при Диоклетиане? Ведь злодеяние приписывалось особо ненавидимому авторами-христианами младшему августу Максимиану! Молчат и современные этому событию другие историки. «Молчание века» о гибели Фиваидского легиона не может не вызвать серьезнейших сомнений в подлинности легенды.

Сам рассказ о судьбе Фиваидского легиона также вызывает много сомнений. Кому вообще пришло в голову формировать целый легион из христиан, да еще в только-только замиренном Диоклетианом Египте? Зачем этот легион направлять из Египта в Альпы? Мероприятие дорогостоящее и бессмысленное. Зачем понадобился целый легион для борьбы с христианами в местности, где и населения-то было мало-вато, а христиан среди них и того меньше? Даже в густонаселенных регионах, где христиан было множество, имперские власти обходились в гонениях полицейскими силами и помощью многочисленных «активистов» из языческого населения.

Важнейший аргумент защитников в подлинности гибели Фиваидского легиона — широчайшее распространение культа его на Западе, наличие мощей, уверенность в подлинности актов Евхерия. Ни первое, ни второе, ни третье прямыми доказательствами не являются.

Откуда же появилась сама легенда? А. П. Лебедев считал, что основой ее стало сообщение блаженного Феодорита о гибели в правление Диоклетиана по приказанию Максимиана в Аламе в Сирии римского военного трибуна Маврикия и нескольких воинов-христиан вместе с ним (в одном из вариантов сказания о св. Маврикии говорится о 76-ти воинах). «Можно полагать, — пишет А. П. Лебедев, — что этот восточный рассказ, перейдя на почву западную, в V веке послужил зерном к возникновению повести о Фиваидском легионе и его мученичестве»².

¹ Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан. М., 1995. С. 182-185.

¹ Крест Карл. История времен римских императоров. С. 403.

² Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан... С. 185.

Главный мученик Фиваидского легиона — святой Маврикий. На Запад было перенесено имя мученика, из простого военного трибуна он превратился в легата легиона, а 70 его солдат (неполная центурия) в целый легион полного состава (6600 воинов).

В отличие от церкви Западной церкви Восточная не знает мучеников Фиваидского легиона и лишь почитает святого Маврикия Лнамейского.

И еще вопрос: откуда взялось имя Максимиана в рассказе о событиях в Сирии, провинции ему явно неподведомственной?

Скорее всего, имя Максимиан здесь было бы правильно читать как Максимин. Максимин Даза (или Дайя), один из преемников Диоклетиана, правивший на Востоке, включая Сирию, с 306 по 313 гг. Именно при нем гонения на христиан на Востоке достигли своего пика и были куда более суровыми, нежели гонения самого Диоклетиана. Например, из числа 88 палестинских мучеников, о которых сообщает Евсевий, только 14 относятся ко времени гонений в царствование Диоклетиана, 74 же — жертвы Максимиана¹.

Наверное, св. Маврикия и его воинов-христиан должно считать жертвами репрессий Максимиана Дазы, но не Максимиана Геркулия или же самого Диоклетиана.

Из числа действительно знаменитых мучеников вспомним епископа города Салоны в Далмации Домния. Он был казнен, а несколько лет спустя в Салоне поселился сам Диоклетиан, и там был сооружен его знаменитый дворец. С торжеством христианства почитание в Салоне (совр. Сплит) погибшего и канонизированного епископа стало традиционным на протяжении более полутора тысячелетий. В современном Сплите сохранились как развалины дворца Диоклетиана, так и места, связанные с почитанием св. Домния. По иронии судьбы для храма в честь святого Домния была перестроена гробница его погубителя — Диоклетиана, лишней раз знаменуя его поражение в борьбе с христианством.

На фризе бывшего мавзолея Диоклетиана сохранился медальон с изображениями самого Диоклетиана и его супруги Ириски.

Исследуя христианские свидетельства о подвигах тех или иных жертв диоклетиановых гонений, надо иметь в виду, что непосредственных подробностей их мучений и гибели римские источники не приводят. Сохранилось немалое число проконсульских протоколов (актов) эпохи Диоклетиана, содержащих описание судебных процессов над христианами. Эти акты по распоряжению императора Константина Великого хранились во всех крупных городах империи².

Полностью в судебных актах описывался только допрос обвиняемого, сообщалось о его свидетельстве и смерти. Никаких иных подробностей в них не должно было быть.

В протоколе допроса сначала обозначалось имя проконсула области, в которой производили суд, затем год, месяц и день, а иногда и время дня суда и, наконец, уже сам допрос, который представлял собой диалог между судьей, его служителями и обвиняемым. По окончании допроса проконсул требовал прочесть его протокол вслух. Затем судья со своими ассессорами выносил решение и читал приговор. Исполнение приговора производилось в отсутствие судьи, и потому подробности его не протоколировались¹.

Следует отметить, что голословных обвинений быть не могло — непременно требовались показания не менее двух свидетелей.

Впоследствии христиане стали выкупать эти протоколы. Так, в актах казненных в 304 г. Тараха, Прова и Андроника отмечено, что христиане заплатили за них римским властям 200 денариев².

Несмотря на всю жестокость политики правителей империи, сломить моральное сопротивление христианства все же не удалось.

Большинство рядовых христиан упорно придерживались своих религиозных взглядов. Их упорное и мужественное сопротивление стало привлекать на их сторону симпатии масс населения. Христианские общины были достаточно сильными организациями, опиравшимися на широкую массовую моральную поддержку, а героизм лиц, подвергшихся гонениям, создавал им ореол мученичества, усиливая проявления ненависти и озлобления против имперской администрации.

По словам Евсевия Памфила, именно конечная неудача гонений на христиан и предопределила конец правления Диоклетиана. «Чье слово в состоянии пересказать, сколь великим богатством и благоденствием наслаждалось римское правительство до борьбы с нами, в те времена, когда сохранялись еще дружеские и мирные отношения римской власти к христианам? Тогда верховные владыки целые десятилетия и двадцатилетия своего царствования проводили в празднествах, торжествах, блистательных пиршествах и увеселениях среди полного и нерушимого мира. Но между тем как их благоденствие беспрестанно умножалось и с каждым днем чрезвычайно возрастало, они, прекратив вдруг с нами мир, возбуждают против нас непримиримую войну. И вот не исполнилось еще двух лет, как в целом управлении их произошло нечто новое, извратившее весь порядок дел. Первенствующего из упомянутых (царей) поразила трудная болезнь, доведшая его

¹ Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан... С. 196.

² Ruinartus. T. 1. P. 1802.

¹ Канонизация святых. Троице-Сергиевская Лавра. 1988. С. 11.

² Ruinartus. T. 3. P. 2.

до помешательства, так что он, вместе с занимавшим после него второе место, сошел в жизнь гражданина и частного человека. Потом, едва это случилось, как вся держава распалась на две части — событие, которому подобного история дотоле не представляла»¹.

Здесь мы видим, как Евсевий из строго объективного историка своего времени превращается в творца христианской легенды о диоклетиановой гонении. Не мог он не знать, что не было двадцатилетнего процветания, а были непрерывные войны с внешними и внутренними врагами империи, о двадцатилетнем сроке правления Диоклетиан объявил изначально, не были гонения и беспричинными, о чем писал и сам Евсевий...

Христианские общины вышли, в конце концов, победителями в борьбе с императорской властью и отстаивали свое право на существование. Даже такой настойчивый преследователь христиан, каким был Цезарь Галерий, был вынужден в 311 г. признать: «Я искал преследованиями только оградить старые учреждения отечества, которым угрожали новаторы, но, быть может, я заслужил гнев богов тем, что заперши храмы и мучениями я оставил без богослужения значительное число моих подданных; и так как много христиан упорно удаляются от старых верований, пусть они свободно почитают Бога по своим обрядам, пусть молятся за наше здравие, благо государства и свое»².

В тексте его официального эдикта о веротерпимости, изданном в Никомедии 30 апреля 311 г., говорилось:

«Среди важных забот, которыми мы были заняты во имя блага и безопасности империи, мы имели в виду все исправить и восстановить согласно древним законам и древним общественным благочинием римлян. Мы особенно желали возвратить на путь разума и природы впавших в заблуждение христиан, которые отказывались от религии и обрядов предков и, самонадеянно отвергая старинные обычаи, сочинили нелепые законы и мнения по внушению своей фантазии и организовали разнообразные общества в различных провинциях нашей империи. Так как эдикты, изданные нами с целью поддержания поклонения богам, подвергли многих христиан опасностям и бедствиям, так как многие из них претерпели смерть, а многие другие, в более значительном числе, до сих пор упорствуют в своем нечестивом безрассудстве, лишены всякого публичного религиозного культа, то мы желаем распространить и на этих несчастных людей наше обычное милосердие.

¹ Евсевий. 8, 13.

² Цит. по: Драгоманов М. Государственные реформы... С. 20.

Поэтому мы позволяем христианам свободно исповедовать их религию и собираться на их сходки без опасений и препятствий лишь с тем условием, чтобы они всегда оказывали должное уважение существующим законам и властям.

Другим рескриптом мы сообщим нашу волю судьям и должностным лицам, и мы надеемся, что наша снисходительность побудит христиан возносить к Богу, которому они поклоняются, молитвы о нашей безопасности и о нашем благополучии, а также о их собственном благоденствии и благоденствии государства»¹.

Галерий отменил гонения на христиан, находясь при смерти — он умирал от мучительной болезни — возможно, рассчитывая на молитвы и этой части своих подданных о своем здравии. Не помогло. В мае того же 311 г. Галерий умер, а осенью гонения на христиан возобновились. Вновь их прекратили Константин и Лициний, издав в 313 г. в г. Медиолане (Милане) новый эдикт, разрешивший свободное исповедание христианства наряду с языческими культурами². Именно его, а не эдикт Галерия принято считать окончательной легализацией христианской церкви в империи после диоклетиановых гонений, хотя, по сути, он повторял указ 311 г.

Лициний в 320 г. на Востоке империи возобновил гонения на христиан. Они прекратились там только в 324 г., когда Константин, сокрушив Лициния, стал единоличным правителем империи, кстати, первым после Диоклетиана с 305 г. Приняв перед смертью христианство, он таким образом завещал сыновьям сделать его государственной религией. Что и произошло. За исключением Юлиана Отступника (361-363 гг.), все последующие римские императоры были христианами. Диоклетиановы гонения, в конечном счете, только усилили христианство, оправдав предсказание, сделанное Тертуллианом еще в начале III в., что «христианская кровь падет в землю семенем» — *sanguis martyrum est semen Christianorum*.

В конце концов, признание равноправия всех провинций влекло за собой и признание равноправия всех религий, так как с утратой Италией и Римом первенствующего положения не могла не утратить своего былого значения и староримская религия. Восток торжествовал над Западом, а на Востоке Исиду и Митру все более и более затмевал Христос. Отсюда неизбежность поражения диоклетианова гонения на христианство, отсюда и неизбежное торжество учения Христа в Римской империи, что, впрочем, столь же неизбежно подводило черту под историей античной цивилизации. О том, что значило для римского

¹ Евсевий. 8, 17.

² Лактанций. О смерти гонителей, XLVIII.

общества торжество христианства, очень ярко написал английский историк религии Д. Фрэйзер: «Греческое и римское общество строилось на подчинении личного начала общественному, гражданина — государству... С распространением восточных религий, которые внушали мысль о том, что единственной достойной ценою жизни является соединение с Богом и личное спасение, а благоденствие и даже само существование государства в сравнении с ними ничего не значат, ситуация резко изменилась. Неизбежным следствием принятия этого эгоистического и аморального учения был все возрастающий отход верующих от служения обществу, концентрация на личных духовных переживаниях и появление у них презрения к окружающей жизни, в которой они начинают видеть не более, как временное испытание перед жизнью вечной. Высочайшим идеалом человека в народном представлении стал святой отшельник, полный презрения ко всему земному и погруженный в экстатическое религиозное созерцание; этот идеал пришел на смену древнему идеалу самозабвенного героя-патриота, готового пожертвовать жизнью на благо своей родины. Людям, чьи взоры были устремлены к заоблачному Граду Божьему, град земной стал казаться низменным и жалким. Центр тяжести, так сказать, переместился с настоящей жизни на будущую, и насколько от этого перемещения выиграл один мир, настолько проиграл другой. Начался процесс всеобщей дезинтеграции общества: государственные и семейные связи ослабли, общественная структура стала распадаться на составляющие фрагменты, над обществом вновь нависла угроза варварства. Ведь цивилизация возможна только при активном содействии со стороны граждан, при условии их готовности подчинить свои частные интересы общему благу. Между тем люди отказывались защищать свою родину и даже продолжать свой род. В стремлении спасти свою душу и души других людей они равнодушно смотрели на то, как гибнет окружающий мир — мир, который стал для них символом греховности. Это наваждение длилось целое тысячелетие. Возврат европейцев к исконным принципам их жизненной ориентации, к трезвому, музественному взгляду на жизнь отмечен возрождением в конце средневековья римского права, философии Аристотеля, античной литературы и искусства. Долгому застою в цивилизации пришел конец. Волна восточного нашествия, наконец, захлебнулась и стала идти на убыль. Отлив этот продолжается до сих пор»¹.

Все же хочется уточнить некоторые моменты.

Гражданские чувства римлян задолго до христианства пришли в совершеннейший упадок. Империя, превратив граждан (cives) в под-

¹ Фрэйзер О. Золотая ветвь. М., 1980. С. 396-397.

данных (subjecti), выполнила эту задачу сама, без малейшего участия христианства. Правда, в интеллектуальной римской среде патриотизм не угасал до самого конца империи. Здесь можно назвать последнего историка Рима Зосима, последнего античного философа Боэция. Были попытки даже соединить римский традиционный патриотизм и христианство. Если у Зосима и Боэция явная ностальгия по славным временам расцвета Римской империи и античной цивилизации, ею опекаемой, то у поэта Пруденция, жившего на рубеже IV-V вв., мы видим попытку не просто примирить Рим и христианство, но и доказать, что христианский Рим и есть Рим истинный. Христианство не только противоречит исконным римским ценностям, но, наоборот, не поднимает их на новую высоту. Истинный патриот Рима — римлянин-христианин.

Однако интеллектуальные изыски отдельных, пусть и замечательных людей, не могли преломить общей трагической направленности событий позднеримской истории. Римские доблести уходили в прошлое. Навсегда.

Едва ли основательно видеть только негативные стороны восточного влияния на римскую цивилизацию. Византия — наследница Рима — сумела сохранить многое из античного наследия, и ее цивилизация не была обречена на неминуемый крах из-за господства православия, как полагал А. Дж. Тойнби¹, а была никак не менее полнокровна, нежели западная, современная ей, и пала она, прежде всего, по причине неизбывности военного давления на все без исключения ее рубежи на протяжении столетий². Запад, нанеший Византии предательский удар в 1204 г., виновен в ее гибели более, нежели турки.

Наконец, мысль о том, что христианство было главной силой, погубившей Римскую империю, сама по себе не нова. Так полагал еще в XVIII веке Эдуард Гиббон. В последнее время, однако, в мировой историографии античности утвердилось мнение, что большую роль здесь сыграло внешнее давление и внутрисоциальные проблемы³.

Возвращаясь же ко времени Диоклетиана, к последнему великому гонению Римской империи на христианство, нельзя не заключить, что конечный его результат оказался обратным тому, на который рассчитывала римская власть. Гонение это было сильнейшим за все время соприкосновения дряхлеющей античной и зарождающейся христианской цивилизации, его предпринял действительно великий император, победоносно до этого сокрушивший всех внешних

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 262.

² Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X-XI вв. М., 1977. С. 256.

³ Историография античной истории. С. 270, 285.

и внутренних врагов империи. Столь великой и могучей Римская империя не была, пожалуй, со времен Септимия Севера (193–211 гг.). И именно поэтому поражение диоклетианова гонения на христианство неизбежно означало грядущее торжество церкви Христовой над Юпитером Капитолийским.

Вот что написал об этих трагических временах известный церковный историк протоиерей Александр Шмеман:

«Конец века проходит под знаком усиливавшегося гонения. Империя гибнет, все ее здание колеблется под страшным напором германцев с севера, готов и персов с востока. В эти смутные годы, когда, естественно, нужно найти виновников стольких несчастий, ненависть против христиан заечь не трудно. Эдикт следует за эдиктом, и по всей Империи имена мучеников увеличивают церковные "мартирологи". Но никогда, кажется, не достигало гонение такого напряжения, как при Диоклетиане (303), — буквально накануне обращения Константина. От этого гонения дошло до нас самое большое число мучеников. Как будто в последний раз перед победой, являет церковь всю силу, всю красоту, все вдохновение мученичества, то, чем жила она все эти первые века своей истории. Силу свидетельства о Царстве Христовом, которой одной, в конечном итоге, и победила»¹.

Гонение на христиан, предпринятое в конце правления императора Диоклетиана, стало концом той самой духовной свободы в Римской империи, которая так восхищала Эрнеста Ренана. Прекращение гонений при преемниках Диоклетиана на деле открыло Церкви дорогу к завоеванию господствующего положения в духовной жизни римского мира. Константин Великий и его сыновья сделали христианство государственной религией, христиане же при этом отнюдь не великодушно отнеслись к побежденному язычеству. Ранее гонимые быстро превратились в гонителей. «Cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania» — «Да прекратится суеверие, да будет уничтожено безумие жертвоприношений» — гласил указ императора Константа, сына Константина Великого.

Заключение

В 305 г., справив в Риме триумф, в котором была проведена плененная семья персидского царя Нарсеса, Диоклетиан исполнил то, что клятвенно обещал римскому народу 20 лет назад. 1 мая 305 г., в полном соответствии с введенным им положением о двадцатилетнем правлении августов, о коем было официально объявлено 1 апреля 285 г., Диоклетиан сложил с себя власть, принудив к этому и Максимиана. «Мужественно поступил он, ибо единственный из всех правителей после основания римского государства добровольно покинул столь высокий пост и ушел в частную жизнь. И так, сделал он то, чего никогда не было от сотворения людей, добровольно ушел в частную жизнь. Был причислен к богам», — писал Евтропий¹.

«Он хорошо понимал угрожающие опасности, и когда увидел, что сама судьба готовит внутренние бедствия и как бы крушение римского государства, он отпраздновал двадцатилетие своей власти и, будучи в добром здравии, сложил с себя заботу об управлении государством. К этому же решению он с трудом склонил и Геркулия (Максимиана), который был у власти на год меньше. И хотя люди судят об этом по-разному, и правду нам узнать невозможно, нам все же кажется, что его возвращение к частной жизни и отказ от честолюбия свидетельствует о выдающемся характере этого человека», — это слова Аврелия Виктора².

Можно, конечно, упрекнуть Евтропия в неточности, напомнив, что в 79 г. до н.э. Луций Корнелий Сулла также добровольно сложил с себя властные полномочия³. Сулла даже, как известно, заявил о своей готовности дать любому отчет о своей деятельности на посту диктатора... Но, думается, сопоставление с Диоклетианом здесь совершенно несправедливо по отношению к последнему. Сулла прекрасно знал, что десять тысяч освобожденных им рабов — новоявленных Корнелиев — истребят в Риме всех, кто посмеет покуситься на их отставного благо-

¹ Прот. Александр Шмеман. *Исторический путь православия*. С. 99.

¹ *Евтропий*. XXVIII.

² *Аврелий Виктор*. XXXIX, 48.

³ *Римские историки IV в.* С. 329, прим. 258.

детеля. А к этому должно добавить сто тысяч ветеранов сулланских войн, боготворивших своего полководца и, помимо прочего, получивших земельные владения в Италии. Кроме того, Сулла действительно был смертельно болен и на своей вилле, удалившись от дел, прожил чуть более года.

Диоклетиан же действительно стал частным лицом тогда, когда мог бы по здоровью еще не один год находиться у власти, да и такого страху на римлян, как Сулла, он вовсе не нагнал... В этом смысле Диоклетиан в римской истории остается фигурой уникальной. И потому нельзя здесь не согласиться с Евтропием и Аврелием Виктором, увидевшими в добровольном отречении от власти Диоклетиана прежде всего величие его души.

После добровольного отречения от власти Диоклетиана и вынужденного — Максимиана августами, естественно, становились недавние цезари — Галерий и Констанций Хлор. Старшим августом, преемником Диоклетиана должен был стать Галерий. С ним-то предварительно и решался вопрос о будущих помощниках вновь объявленных августов — цезарях. В изложении Лактанция этот разговор выглядит так:

«— Следует назвать цезарями, — сказал Галерий, — таких людей, которые находились бы в моей власти, боялись бы, ничего не делали бы без моего повеления.

— Итак, кого же мы сделаем цезарями? — спросил Диоклетиан.

— Севера (будущий Флавий Север II. — *И. К.*).

— Этого танцора, пьяницу и пропойцу, обратившего ночь в день, а день в ночь?!

— Он достоин быть цезарем, потому что доказал свою верность воинам, и я отправил его к Максимиану Геркулию, чтобы тот облек его в пурпур.

— Пусть будет так. Кого ты предлагаешь второго?

— Этого, — сказал Галерий, показывая на Дазу, молодого полуварара, которому он недавно приказал называться Максимином...

— Кто этот человек, которого ты мне предлагаешь?

— Мой родственник.

Диоклетиан со вздохом произнес:

— Не таких ты мне даешь людей, которым можно верить защиту государства. Я согласен. Смотри ты, которому предстоит взять управление в свои руки. Я потрудился достаточно и позаботился, чтобы под моей властью государство пребывало в сохранности. Если случится что-либо плохое, вина будет не моя»¹.

Старый август был, конечно же, прав. Выбор Галерия должно признать крайне неудачным. Исходя исключительно из принципа личной

преданности, пренебрегая личными достоинствами, вернее сказать, полным их отсутствием у кандидатов в цезари, Галерий буквально провоцировал грядущую смуту в империи, тем более что не мог он не знать и при всей своей недалекости не понимать, что молодые, честолюбивые сыновья одного прежнего августа — Максенций и новоявленного Констанция Хлора — Константин, безусловно, рассчитывают на посты цезарей и, не обретя таковых из-за упорства Галерия, непременно станут бороться за императорский пурпур с помощью военной силы, благо такой опыт римским честолюбцам, приближенным к престолу, век предыдущий оставил богатейший.

То, как Лактанций описывает сцену инаугурации новых цезарей, уже не оставляет сомнений в неизбежности грядущих потрясений:

«Созывается сходка воинов, на которой старик Диоклетиан со слезами заявляет, что он немощен, хочет покоя после трудов, передает власть в более сильные руки и избирает других цезарей. Все ждут, кого он назовет. Тогда он неожиданно объявляет цезарями Севера и Максимиана Дазу. Все ошеломлены... Константин, сын августа Констанция Хлора, стоит рядом, выше других. Воины переговариваются между собой, не изменено ли имя Константину, как вдруг Галерий, на виду у всех, отведя руку назад, из-за своей спины выводит Дазу, с которого уже снята обычная одежда. Все изумляются — кто он? откуда? Никто, однако, не осмеливается выразить неудовольствие, так как все пребывают в замешательстве в связи с переменой власти. Диоклетиан, сняв с себя порфиру, надевает ее на Дазу и снова становится Диоклом»¹.

Мрачное предчувствие Диоклетиана в канун отречения от власти, о котором писал Аврелий Виктор, предсказание грядущих бед, сделанное самим августом в разговоре с Галерием, приводимом Лактанцием, причем здесь Диоклетиан заранее снимал с себя вину за будущие плохие события в государстве, все это представляется вполне естественным в действительной ситуации 305 г. Триумф, увенчавший победу семилетней, к стати, давности, не мог скрыть нарастающих сложностей в делах империи. «Эдикт о ценах» не достиг своей цели, приведя, в основном, к противоположным результатам, преследование христианства отнюдь не укрепило империю, даже нарушило единство действий четырех императоров, поскольку Констанций Хлор явно саботировал его в своих провинциях. Наконец, Диоклетиан не мог не предчувствовать, что одно из важнейших его детищ — в плане политическом, несомненно, важнейшее и любимое детище — тетрархия может успешно существовать и действовать при одном-единственном условии: если ее возглавляет Диоклетиан. Увы, трагическое противоречие « между идеальным государственным

¹ Лактанций. О смерти гонителей, XVIII.

¹ Там же.

устройством и жалким несовершенством человека»¹ существовало во все времена и просто образцово проявилось после 1 мая 305 г.

Любимец Галерия Флавий Север II в апреле 307 г. был вынужден покончить жизнь самоубийством, трагически закончил жизнь — то ли отравление, то ли самоубийство — другой его избранник — Максимиан Даза в 313 г. Зато Константин и Максенций, коими Галерий пренебрег, довольно быстро провозгласили себя цезарями (306 г.), а через год были уже августами. Старик Максимиан, вопреки предостережениям Диоклетиана, вздумал вернуться к власти... В итоге в 307 г. в империи оказалось пять одновременных августов — Галерий на Востоке, на Западе — Флавий Север, Максенций, Максимиан и Константин. Старшинство Галерия было совершенно формальным, и сам он выглядел жалкой пародией на своего славного предшественника Диоклетиана.

Разгоревшаяся между новоявленными августами междоусобная война длилась до 324 г., когда, наконец, сокрушив Лициния (последний выдвигенец Галерия, стал цезарем на Востоке в 308 г.), Константин вновь объединил империю. Справедливо полагая важнейшей причиной многолетней смуты (306-324 гг.) крайне неудачную систему тетрархии, Константин не стал ее восстанавливать, ограничившись лишь возведением в сан цезарей своих сыновей Константина, Константа и Констанция. Август может быть только один.

Трагически сложилась судьба обоих августов предшествующего правления. При этом особого внимания достойно то обстоятельство, что при диаметрально противоположном поведении Максимиан и Диоклетиан пришли к сходному концу.

Геркулий Максимиан, вновь провозгласив себя августом в 307 г., попытался отнять власть в Риме у своего сына Максенция, но в деле этом отнюдь не преуспел и вынужден был покинуть и Рим, и Италию. Тогда он направился в Далмацию к Диоклетиану, где в своем дворце близ Салоны (Сплита) и проживал недавний властитель империи. Максимиан, заручившись поддержкой Галерия, возможно, осознавшего свою явную слабость в роли старшего августа, обратился к Диоклетиану с просьбой вернуться к власти. Ответ Диоклетиана, прославивший его никак не менее, чем преобразование Принципата в Доминат, привел Аврелий Виктор в своих «Извлечениях о жизни и нравах римских императоров»: «Когда Геркулий и Галерий звали его (Диоклетиана) вернуться к власти, он, точно отстраняясь от какой-то чумы, ответил им: "О, если бы вы могли посмотреть на выращенные

моими руками в Салоне овощи, вы бы сказали, что (мне) этого никогда не следовало бы делать"»¹.

В 308 г. Максимиан был вынужден вновь сложить с себя полномочия августа, кои он так неудачно пытался вернуть. Теперь он нашел приют у Константина. Однако неугомонность, терзавшая Максимиана, похоже, больше старческих недугов, толкнула его на попытку отобрать власть у Константина, бывшего к тому же его зятем. Тот безжалостно подавил мятеж тестя. Максимиан либо покончил с собой, либо был убит воинами Константина, овладевшими в 310 г. его последним оплотом — Массилией (совр. Марсель).

Пока был жив Галерий, Диоклетиан благополучно жил в Салоне, а его жена и дочь — в Никомедии. Валерия, дочь Приски и Диоклетиана, с 293 г. была женою Галерия. Однако, когда весной 311 г. Галерий скончался, Приска и Валерия оказались во власти Максимиана Дазы, того самого молодого полуварвара, на которого шесть лет назад Диоклетиан лично возложил императорскую порфиру. Даза, замороженный красотой и богатством Валерии, оставил свою жену и потребовал от дочери Диоклетиана вступления в брак, но она гордо отказала ему. Тогда Максимиан Даза велел конфисковать имущество вдовы Галерия, подверг истязаниям близких ей людей, а саму ее вместе с матерью приказал взять под стражу.

Валерию, Приску и Кандидиана — незаконного сына Галерия, усыновленного Валерией, — держали под стражей в какой-то сирийской деревушке (Максимиан Даза правил в Египте и Сирии). Диоклетиан просил напрасно благодетельствованного им варвара вернуть ему жену и дочь, но просьба его осталась без внимания. Это означало, что с утратой политической власти Диоклетиан не мог рассчитывать хотя бы на сохранение нравственного авторитета. Теперь у стареющего отставного императора не могло остаться иллюзий, как на самом деле к нему относятся те, кого он сам привел к высшей власти.

Впрочем, собственные судьбы неблагодарных его преемников также были трагичны. В августе 313 г. разгромленный Лицинием. Максимиан Даза то ли сам покончил с собой, то ли был убит. Владыкой Востока стал Лициний. При нем Валерия, Приска и Кандидиан оказались вновь в Никомедии, где поначалу Лициний принял мать и дочь Диоклетиана так, как должно было принимать людей высочайшего сана. Вскоре, однако, заподозрив ни в чем не повинного Кандидиана в императорских амбициях (если даже тот и не имел амбиций, то само его происхождение давало право мнительному Лицинию предполагать таковые — каждый ведь по себе об окружающих судит), Лициний велел его убить.

¹ *Солженицын А. И. В круге первом. М., 1990. С. 11.*

¹ *[Аврелий Виктор]. Извл., XXXIV, 6.*

Валерия и Приска бежали из ставшей для них смертельно опасной Никомедии и почти пятнадцать месяцев странствовали, переодевшись простолюдинками, но скрыться от людей Лициния им, к несчастью, не удалось. В Фессалонике они были схвачены и обезглавлены, а тела их выброшены в море.

Сам Диоклетиан не дождался страшного конца жены и дочери. Его жизнь трагически завершилась несколько ранее. Константин и Лициний, сокрушив своих последних соперников (Константин Максенция на Западе, а Лициний Максимиана Дазу на Востоке), стали соправителями Римской империи. Один лишь Диоклетиан, пусть и смиренно живший в Салоне, все-таки оставался для победоносных августов назойливой тенью прошлого. Лициний лично был Диоклетиану обязан — его в 308 г. цезарем назначил Галерий уже после отречения старого августа, но по его совету. Этого благодетеля Лициний, похоже, и не мог простить. Константин же наверняка не мог простить Диоклетиану того, что тот в 305 г. не сделал его цезарем при Констанции Хлоре, а возвеличил никчемных Севера и Дазу.

Поначалу Константин и Лициний решили выманить Диоклетиана из его убежища внешне радушным приглашением в Медиолан на свадебный пир — соправители решили породниться, и сводная сестра Константина Флавия Юлия Констанция выходила замуж за Лициния.

Диоклетиан вежливо отказался, сославшись на то, что из-за старости не имеет сил участвовать в празднестве, за что и приносил обоим императорам свои извинения. Тут же немедленно и выяснилось, что же на самом деле скрывалось за приглашением Диоклетиана в Медиолан на свадебный пир. Константин и Лициний направили старому августу (ему уже исполнилось 68 лет) угрожающее письмо, в котором обвиняли Диоклетиана, что тот ранее благоволил к Максенцию, а затем к Максимиану Дазе. Это, думается, была заведомая ложь. Диоклетиан подчеркнуто сторонился политики уже 8 лет. С самого своего отречения он не дал ни малейшего повода усомниться в искренности своего ухода в частную жизнь. Да и как он мог быть покровителем Максимиана Дазы, если тот так отослался к его жене и дочери? Хамское пренебрежение Дазы к смиренной просьбе Диоклетиана отпустить Валерию и Приску в Салону лучше всего характеризует истинные их отношения. Таковые, очевидно, не волновали Константина с Лицинием. Они искали повод для расправы. И нашли его. Диоклетиан все понял. «Как стало достаточно (всем) известно, он покончил с жизнью добровольно из чувства страха... Подозревая, что ему готовится позорная насильственная смерть, он, как говорят, принял яд»¹.

¹ [Аврелий Виктор]. Извл., XXXIX, 7.

Что оставила эпоха Диоклетиана потомкам? Надо сказать, что сам император делал все возможное, чтобы память о его царствовании не угасала. «Наступило время мира в империи. Четыре государя спокойно распоряжались делами из своих четырех столиц: Никомедии, Медиолана, Сирмиума и Аугусты Треверов. Резиденции эти в короткое время укрепились и дворцами, и цирками, и колоннадами»¹. Возможно, память о знаменитых словах Августа, гордившегося тем, что принял он Рим кирпичным, а оставил мраморным, Диоклетиан стремился оставить после себя как можно больше монументальных сооружений. По словам Лактанция, ему была присуща «некая безграничная страсть к строительству, ложившаяся немалой тяжестью на провинции, так как с них он требовал всех рабочих, ремесленников и телеги — все то, что необходимо для возведения зданий. Здесь строились базилики, цирк, монетный двор, там — арсенал, дворцы для жены и дочери. Внезапно значительная часть горожан принуждена сняться со своих мест: все переселяются с женами и детьми, как будто город захвачен врагами. А когда эти здания построены за счет разорения провинций, то он заявляет, что они не так построены и пусть они будут построены иначе. Все должно быть разрушено и изменено. Так он постоянно безумствовал, стремясь уподобить Никомедию Риму»².

Эпоха «солдатских императоров», военный кризис Римской империи в III в. неблагоприятно отразились на развитии римской архитектуры. За пятьдесят кризисных лет в провинциях угасло монументальное строительство, сократилось оно и в самом Риме. Это отразилось и на качестве подготовки архитекторов и высококвалифицированных мастеров. Известно, что когда при Диоклетиане, главным образом, в столице и других крупных городах монументальное строительство было возрождено, то явственно ощущался недостаток архитекторов, квалифицированных строителей, ремесленников. Константину Великому пришлось даже учредить специальные государственные стипендии на их подготовку³.

В то же время незадолго до начала правления Диоклетиана, в правление Аврелиана (270-275 гг.) и Проба (276-282 гг.) столица империи Рим последний раз в своей древней истории, ввиду того, что даже она не могла теперь чувствовать себя в безопасности от внешних врагов, получила новые крепостные стены. Рим был обведен длинной и прочной кирпичной стеной с зубцами и башнями, красивыми и массивными воротами, некоторые из которых целы и ныне. Длина стены — около

¹ Вегнер Вильгельм. Рим. Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Т. I—II. Минск, 2002. Т. II. С. 369.

² Лактанций. О смерти гонителей, VII.

³ Cod. Theod. XIII. IV. 1.

18 километров, высота — 15 метров, толщина — 4,3 метра. Стена была снабжена 383 башнями и 17 воротами. Впервые за всю историю города Рима в его крепостную черту помимо семи исторических холмов — Авентина, Виминала, Квиринала, Капитолия, Палатина, Целия и Эсквилина, расположенных на левом берегу Тибра, был включен и холм Яникул на правом берегу реки. Он стал сильнейшим бастионом, прикрывавшим переправу через Тибр.

Эта стена, традиционно именуемая «стеной Аврелиана» по имени императора, ее заложившего, стала последней великой стройкой Римской империи.

Никомедию уподобить Риму не удалось, да и главная гордость императорской резиденции — великолепный дворец — стала объектом загадочных поджогов, дававших повод к гонению на христиан. Но и древнюю столицу Диоклетиан не оставил своим вниманием. Там были сооружены грандиозные термы, превзошедшие размерами (380x370 м) и великолепием прославленные термы Каракаллы. Строительство их заняло 8 лет (298-306 гг.). Питаясь водой от акведука Марция, они одновременно вмещали 3000 человек — термы Каракаллы только 1600 человек. Расположение основных помещений повторяло композицию терм Каракаллы, на продольной оси располагались кальдарий (жаркая баня), тепидарий (теплая баня), парадная базилика (перестроена Микеланджело в церковь) и большой бассейн фригидария (прохладная баня). Архитектура громадных, лишенных теперь облицовки и украшений терм Диоклетиана исполнена трагической мощи¹. Площадь, которую занимали термы Диоклетиана, самые громадные и роскошные из всех известных нам терм императорского Рима, была столь велика, что ныне на их месте и отчасти в их стенах располагаются большой собор Св. Марии с Ангелами, две городские площади, монастырь и Национальный музей города Рима.

Грандиозным сооружением был дворец Диоклетиана в Салоне (совр. Сплит в Хорватии), где император и провел свои последние годы. Недалеко от Салона в г. Пуле на Адриатике до сих пор сохранились величественные остатки амфитеатра, триумфальных ворот и нескольких храмов времени правления Диоклетиана. В самом Салоне император построил громадный дворец в виде укрепленного постоянного лагеря. Военное происхождение главного августа, его опора на армию, военно-бюрократический характер власти сказались и на архитектурных пристрастиях.

Дворец был 600 футов длиной и 500 футов шириною. Стены с трех сторон были снабжены массивными башнями с бойницами. Две поперечные улицы делили этот лагерь на четыре квартала. Два задних

квартала — помещение дворцовой гвардии. Два передних — храмы, площади и собственно императорский дворец были обращены к заливу. Как пишет Г. И. Соколов, «во всем облике этого комплекса, в неприступности ограды, мощности башен, четкости планировки выступили черты нового художественного осмысления архитектурного образа — обнаженность и резкость форм, свойственные поздней античности. В верхних частях башен имелись окна, а стены со стороны моря, куда выходил дворец, завершались арочными пролетами, смягчавшими суровый характер сооружения».

Колоннада и арочные перекрытия перистилия вели к императорским покоям и служили продолжением главной улицы в южной части дворца. Богато был декорирован перекрытый полуциркулярным сводом храм Юпитера, ориентированный входом на восток и представляющий собою простиль на высоком цоколе с подземной криптой. Для строительства применялись белый камень, кирпич, гипс, проконесский цветной мрамор. Грубые поверхности покрывались мозаиками, штукатуркой, мраморными плитками. Использовались приемы, распространявшиеся позднее в архитектуре византийской: кладка стен, сочетавшая камень и кирпич, а при возведении купольных конструкций веерообразная укладка кирпича. Строители стремились придать великолепие зданиям дворца. Однако мастерство декора в годы Позднего Рима угасало...

В то же время эпоха Диоклетиана в римской архитектуре резко усилила тяготение к крупным планам и купольным перекрытиям. В Фессалониках, бывших резиденцией цезаря Галерия, велось по примеру, данному Диоклетианом в Никомедии, бурное строительство, где купольная архитектура получила немалое развитие. Так, купол большой залы ротонды в Фессалониках имел диаметр 24,15 м. Триумфальная арка с изображением тетрархов — Диоклетиана, Максимиана, Галерия и Констанция Хлора, воздвигнутая в честь победы над персами, сильно отличалась от римских. В основе ее лежал четкий четырехфасадный план, близкий плану римской арки Януса, но центральное пространство арки тетрархов перекрывалось купольным сводом, а не крестовым².

Этому новому стилю суждено было не только пережить Западный Рим, но и получить свое наивысшее развитие уже в Византии.

Археологические раскопки на Сицилии после II Мировой войны позволили обнаружить один из интереснейших памятников римской архитектуры и искусства времени правления Диоклетиана. В 1950 г. в центральной малонаселенной части Сицилии, близ деревушки Пьяцца

¹ Культура Древнего Рима. Т. 1. С. 420.

¹ Культура Древнего Рима. Т. 1. С. 421.
² Там же. С. 422.

Армерина, были открыты и раскопаны развалины огромного роскошного дворцового комплекса. Это оказались руины загородной резиденции соправителя Диоклетиана Максимиана. Стены громадных дворцовых помещений сохранились плохо, но мозаичные полы в большей части зал дошли до нашего времени почти без повреждений. Наиболее интересны мозаичные картины, изображающие охоту. На одной из них дан, как предполагают исследователи, портрет самого Максимиана. Не говоря о замечательном мастерстве художников в изображении пейзажа и животных, для историков ценно воспроизведение одежды и вооружения охотников и наблюдающего за охотой их господина¹.

Оставил архитектурную память о себе и младший соправитель Максимиана Констанций Хлор. В Париже в Латинском квартале на бульваре Сен Мишель близ славной Сорбонны сохранились остатки помещений дворца, построенного в конце III в. для Констанция Хлора в его резиденции в Паризиях (Лютеция Паризиев — современный Париж). До настоящего времени уцелело два помещения дворцовых терм — фригидарий (холодная баня) и тепидарий (теплая баня). Поскольку от дворца не сохранилось больше ничего, здание сейчас носит странное название — дворец Терм².

К сожалению, не сохранился тронный зал дворца Констанция Хлора, где в 360 г. был провозглашен августом знаменитый Юлиан Отступник, последний римский император, бросивший вызов христианству.

В 1485-90 гг. уцелевшие залы терм были включены в Отель Клюни — парижскую резиденцию настоятелей бенедиктинского аббатства Клюни. В настоящее время в Отеле Клюни находится Музей средневекового искусства³.

«Необходимо подчеркнуть, что в отличие от литературы и теологии эпохи поздней Римской империи, которые не вызывают нынче повышенного интереса, искусство этого периода оценено современниками очень высоко, а его история является предметом открытых дискуссий. В скульптуре и живописи классический реализм уступил место формалистическому подходу, для которого равновесие и стиль более важны, чем правдоподобие, а смелое использование ярких красок предпочтительнее утонченных цветов и оттенков. В архитектуре довольно строгим правилам классических течений, которые уже в некоторой степени были разрушены стилем барокко, ставшим популярным во II веке, пришли на смену дуги и закрученные формы, а скульптурные изваяния сменились изображениями, навеянными

образами иконографии и выполненными главным образом в виде мраморной облицовки и мозаики»¹.

С эпохи Диоклетиана начинает угасать римская скульптура. По мнению немецкого антиковеда Г. Хафнера, это в первую очередь связано с тем, что «даже властители потеряли свою индивидуальность, они стали символами власти»². Нивелирующий все и вся режим Домината отразился в первую очередь на искусстве. Наиболее ярко это проявлялось на примере памятников тетрархам, которые по повелению Диоклетиана устанавливались по всей империи. До нашего времени дошло только два из них: один находится в Риме в библиотеке Ватикана, другой в Венеции, где его использовали для украшения фронтальной части собора св. Марка (в 1204 г. венецианцы вывезли его из Константинополя).

Изображения тетрархов совершенно лишены выраженных индивидуальных черт. «Тетрархи всячески демонстрировали "полное согласие", поэтому изображение их одинаковой одежды на памятниках, то, что они стояли, обнявшись, было направлено на подчеркивание гармонии их взглядов, на то, что они являются лишь олицетворением гармонии их взглядов, на то, что они являются лишь олицетворением власти... Грубые черты фигур, их подчеркнутое внешнее сходство свидетельствует о небольшом интересе к художественной форме. Эти кукольные фигуры нельзя считать портретами»³.

Скульптуры, находящиеся в Венеции, выполнены более искусно, нежели те, что сохранились в Риме. Но и там «невозможно индивидуально различить ни одного из изображенных и соответственно назвать их»⁴.

Скульптурный портрет самого Диоклетиана сохранился до настоящего времени. Бюст, изображающий основателя Домината, находится ныне в экспозиции Национального музея в Стамбуле. Он изображает немолодого человека с бородой, правильными чертами лица, с уверенным, не без суровости, взглядом. Мало похож на него другой скульптурный портрет великого реформатора, хранящийся в Латеранском музее в Риме. Этот мраморный бюст изображает безбородого человека с короткой прической — облик, более типичный для республиканского, нежели для позднего Рима. Рот несколько необычно искривлен справа налево, что придает лицу своеобразное ироническое выражение. Взгляд же устремлен ввысь, как бы поверх голов зрителей.

¹ Бокщанин А. Г. *Источниковедение Древнего Рима*. С. 80.

² Федорова Е. В. *Париж. Века и люди*. М., 2000. С. 10-12.

³ Там же. С. 80-81.

¹ Джонс А. Х. М. *Гибель античного мира*. С. 517-518.

² Хафнер Г. *Выдающиеся портреты античности*. С. 126.

³ Там же. С. 128.

⁴ Там же.

Впрочем, на монетах Диоклетиан изображен ближе к тому облику, каковой являет собою стамбульский, а не латеранский бюст. На монетах Диоклетиан — человек с аккуратной короткой прической и аккуратно же постриженной, но окладистой бородой и усами.

В любом случае, все эти изображения передают облик человека достойного, незаурядного. Диоклетиан, собственно, таковым и был.

Новое направление в римском портрете, непосредственно связанное с эпохой Диоклетиана, ярко воплотилось в знаменитой гемме — парном портрете Диоклетиана и Максимиана, хранящейся в Вашингтоне. Выполненная на халцедоне камья также воплощала важнейшую тему эпохи — «согласие августов». Изображение августов-соправителей Диоклетиана и Максимиана сопровождалось их именами, вырезанными на золотой оправе камня.

«В экспрессивных и лаконичных портретах подчеркнуты сила, мощь, энергия, славно гарантирующие солидность и устойчивость политического режима. Это подчеркивание мощи в ущерб другим чертам сложного реального образа человека приводит в портретах IV века к полной иератической застылости и абстракции. В реальном противоречивом характере отбираются лишь те черты, которые должны были прокламировать неустранимую смелость, сверхчеловеческую силу, мудрость и боговдохновенность правителя. Так убедительные человеческие характеристики сменяются абстрактными и символическими портретами — иконами», — пишет о камее, изображающей Диоклетиана и Максимиана, крупнейший специалист по геммам античного мира О. Я. Неверов¹.

А ведь в предшествующую правлению Диоклетиана эпоху «солдатских императоров» римский скульптурный портрет — высший этап развития античного портрета — переживал величайший расцвет. Мастера III века были способны на сложнейшие психологические портретные характеристики, с замечательной точностью передающие индивидуальные особенности изображаемых личностей². Так эпоха Диоклетиана открыла новую страницу в истории античного искусства. Не лучшую.

Если говорить о развитии культуры духовной, то здесь, разумеется, эпоха Диоклетиана никак не выглядит блистательной. Это не только не «золотой век» эпохи Августа или «серебряный век» эпохи Антонинов (96-193 гг.), но даже не время Северов. Из сколь-либо известных произведений позднеантичной литературы ко времени Диоклетиана относительно уверенно можно отнести только роман «Эфиопика» Гелиодора, происходившего из г. Эмессы в Финикии. Великие хри-

стианские писатели Евсевий и Лактанций жили во время Диоклетиана и весьма подробно описали его, но уже после ухода от власти. Из деятелей христианства, живших в эпоху Диоклетиана можно также назвать Ариобия (ок. 253/260 — ок. 327 гг.), автора известного труда «Против язычников» (предположительно до 311 г.¹, возможно, еще в царствование Диоклетиана в ответ на его репрессии).

Современниками Диоклетиана были епископ Кордовский Осий (256-356 гг.), ставший впоследствии специальным посланником Константина Великого в Александрии для умиротворения арианской ереси, а также сам знаменитый основатель крупнейшей христианской ереси Арий (ок. 260-336 гг.)².

С правлением Диоклетиана совпала молодость знаменитого Гая Мария Викторина Афра (ок. 280 — ок. 363 гг.), выдающегося античного ритора, перешедшего на старости лет (около 355 г.) в христианство и давшего первый образец латинского синтеза неоплатонизма с христианством. Викторин — первый философ западного христианства. Правда, в эпоху Диоклетиана он был молодым язычником и занимал, глубоко изучая античные науки, явно антихристианские позиции.

Ко времени Диоклетиана относятся сочинения Ямвлиха «О мистериях» и изложение учения Пифагора.

Ямвлих (240/245 — ок. 325) был представителем сирийского неоплатонизма. В своей философской теории он пытался сформулировать два важных открытия. Во-первых, Ямвлих внес ясность в учение о первоединстве (на эту тему до него писали Плотин и Порфирий). Он впервые различил непознаваемое и познаваемое в первоединстве при помощи специальной диалектики, для чего он привлек старинное учение о диалектике пифагорейцев и Платона. Во-вторых, в своей теоретической философии Ямвлих поставил проблему Ума. Ямвлих внес в Ум саму категорию жизни, так что Ум у него, с одной стороны, есть участвующее бытие, а с другой стороны, это участвующая в умственном предмете умственная лее жизнь³.

К наиболее известным писателям и мыслителям эпохи диоклетианова царствования относится Порфирий из г. Тира в Финикии (232-304 гг.). Порфирий был философ-неоплатоник, подобно своему учителю Плотину (204-270 гг.). Учение учителя Порфирия традиционно считается «лебединой песней греческой философии», концом античного мирозерцания, предвестником средневековой схоластики⁴. Сам Порфирий не был оригинальным мыслителем, а

¹ Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983. С. 134-135.

² Там же. С. 132.

¹ Казаков М. М. Христианизация Римской империи в IV в. С. 19.

² Там же. С. 19.

³ Лосев А. Ф. История античной философии. С. 122-124.

⁴ Радциг С. И. История древнегреческой литературы. С. 516.

скорее популяризатором взглядов Плотина. Как писатель Порфирий весьма плодovit. Его перу принадлежат: «Жизнеописание Плотина», «Жизнеописание Пифагора», «Основы учения о мыслимом», «О воздержании от мясной пищи», «О пещере нимф в Одиссее» и ряд других сочинений. Наиболее же значительным произведением Порфирия, как раз созвучным последним годам правления Диоклетиана, озаменованным великим гонением на христианскую церковь, стал трактат «Против христиан». Очевидно, очень убедительный, ибо в 435 г. по повелению восточноримского императора Феодосия II это сочинение Порфирия было предано огню. Данное событие можно причислить к первым проявлениям средневековой нетерпимости к языческому наследию античности. В целом же, по справедливому замечанию А. Г. Бокщанина, «временная стабилизация государственной и общественной системы в IV в. (созданная Диоклетианом система Домината. — *И. К.*) создала благоприятные условия для последней вспышки античной культуры»¹.

К последнему подъему античную культуру стимулировало усиливающееся христианство. Под влиянием такого опасного соперничества античная литература мобилизует все свои силы и переживает кратковременный, но и последний подъем. Диоклетиан создал для него политические условия, но нивелирующая великую индивидуальность идеология Домината, неудача гонений на христиан, немало способствовавшая усилению Церкви и занятию ею первенствующего положения в Риме IV в., обрекали античную культуру лишь на борьбу за свое сохранение, в которой она уже не могла победить.

Эволюция государственного сознания утверждающегося Домината, в центре которой окончательно занял место «*Dominus et Deus*», неизбежно вдохновляют религиозное движение греко-римского мира в сторону монотеизма. «Все главные духовные и умственные течения эпохи — провозглашают Единое Начало, Одного Высшего Небесного Бога»².

Судьбы государственных преобразований Диоклетиана противоречивы. Не оправдала себя система тетрархии, рухнувшая после его ухода от власти, потерпели крах гонения на христиан, явно неудачным оказался Эдикт о ценах.

В то же время многим реформам Диоклетиана была уготована долгая, многовековая жизнь. Система налогообложения, введенная им, благополучно пережила Римскую империю и многие столетия сохранялась в преемнице Рима — Византии. Само государственное устройство Поздней Империи стало основой государственного устрой-

ства Византийской империи и во многом просуществовало до самого конца Второго Рима, пережив своего создателя на одиннадцать с половиною столетий. Во всяком случае, вплоть до VII в., когда в Византии складывается феодальный строй, когда вновь в одних руках в провинциях сосредотачивается военная и гражданская власть (стратиги), а основой формирования войска становится местное население (стратиоты), военно-политическая система Диоклетиана существовала без особо радикальных изменений.

Едва ли верно хронологически ограничивать исторические последствия реформ Диоклетиана, создавших политическую систему Домината, концом Западной Римской империи — 476 г.¹ Преобразования Диоклетиана куда более успешно прижились как раз в Восточной Римской империи — Византии, где продолжали быть важнейшим фактором ее развития в политической, социальной и экономической сферах еще многие и многие столетия.

Какой еще реформатор в мировой истории может похвалиться такой долговременностью своих преобразований?

Кстати, и перенос Диоклетианом императорской резиденции на Восток оказался весьма дальновидным. Это позволило Восточно-Римской империи спокойно пережить потерю Запада, ставшего угасающей периферией *Rex Romana*, Восток же и сохранил на тысячелетие вперед имя Вечного Города. Византия, условно так именуемая в исторической литературе, до последнего дня своего сохраняла название Римской державы, пусть и возобладали в ней греческий язык.

К самому Диоклетиану как преобразователю подходят характеристики и новатора, и консерватора. Ведь по его замыслу, что достаточно очевидно, новая система вводилась для того, чтобы восстановить и укрепить мощь явно одряхлевшей Римской империи. Религиозная политика Диоклетиана — наиболее яркое свидетельство его консерватизма. Однако, что и естественно, наиболее живучими оказались его новаторские меры. Самыми же долговечными оказались преобразования Диоклетиана в социально-экономической жизни империи. Диоклетиан внес большой вклад в дело становления и укрепления системы, при которой корпорации, объединявшие людей по роду занятий, становились наследственными. Он же прикрепил сельское население к земле. Корпоративность, прикрепление к земле — это, как известно, основные черты цивилизации средневековой Европы.

Поэтому правление Диоклетиана и должно считаться закатом античного мира и одновременно эпохой, когда забрезжила заря Средневековья.

¹ Бокщанин А. Г. *Источниковедение древнего Рима*. С. 123.

² Прот. Александр Шмеман. *Исторический путь православия*. С. 102.

¹ Stein E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. I (284-476).

Хронология

23 февраля 293 г.	303	-	правление Каравзия в Британии;	Диоклетиана	о	закрывает	всех	церквей,	изъ-
ятии и сожжении Священного Писания, 288 г.		-	запрет война империи с алеманнами на Рейне;						религиозных собраний христиан и отстранение их от всех государственных должностей;
289 г.		-	война империи с сарматами на Дунае;						
289-290 гг.		-	всеобщая перепись населения империи;		1 мая 305 г.				- официальное отречение Диоклетиана и Максимиана от власти. Новыми августи становятся Галерий (старший август) и Констанций Хлор. Цезарями — Флавий Север II и Максимин Даза. Диоклетиан удаляется на покой в Салону на Адриатике (современный Сплит в Хорватии);
291 г.		-	война с сарматами на Дунае;						
292 г.		-	война с карпами и бастарнами на Дунае, истребление маркоманов;						
293 г.		-	рескрипт Диоклетиана, в котором император разрешает требовать обратно имение, если оно продано слишком дешево;		306 г.				- завершение строительства терм Диоклетиана в Риме;
293 г.		-	убийство Каравзия Аллектом, Британия по-прежнему во власти мятежников;		307 г.				- Максимиан и Галерий зовут Диоклетиана вновь вернуться к власти. По сообщению Аврелия
293-296 гг.		-	правление Аллекта в Британии;						

245 г.	-	год рождения Диоклетиана (Диокла);
17 ноября 284 г.	-	на солдатской сходке в г. Никомедии начальник дворцовых войск Диокл провозглашен императором. Его новое официальное имя Цезарь Гай Аврелий Валерий Диоклетиан;
1 апреля 285 г.	-	Диоклетиан берет себе в соправители Максимиана и дает ему титул цезаря;
1 апреля 286 г.	-	Максимиан провозглашен августом и получил в управление Запад;
286 г.	-	начало денежной реформы, выпуск полновесной золотой монеты;
286 г.	-	подавление Максимианом мятежа багаудов в Галлии;
287 г.	-	полководец Каравзий поднимает мятеж и захватывает Британию;

1 марта 293 г.	-	Диоклетиан и Максимиан избрали себе соправителей и преемников в ранге цезарей — Галерия и Констанция Хлора;
295 г.	-	начало кодификационной работы, осуществляемой частными лицами Григорианом и Гермогеном;
296 г.	-	восстановление римского господства в Британии;
296 г.	-	Диоклетиан подавляет мятеж Ахилла в Египте;
296 г.	-	Констанций Хлор отражает вторжение германских племен из-за Рейна;
296 г.	-	начало войны Рима с Персией. Поражение римских войск в битве между Каллиником и Каррами;
297-298 гг.	-	окончательное замирение Египта, отражение нашествия блеммиев;
297-298 гг.	-	Максимиан подавляет мятежи в Северной Африке и отражает вторжение мавров;
298 г.	-	начало строительства в Риме терм Диоклетиана;
298 г.	-	победоносное завершение войны Римской империи с Персией. Возвращение Армении под покровительство Рима, присоединение пяти провинций в Месопотамии;
301 г.	-	принятие Арменией христианства при царе Тиридате III;
301 г.	-	Эдикт Диоклетиана о ценах;
301 г.	-	закрывает все религиозные собрания христиан и отстранение их от всех государственных должностей;
1 мая 305 г.	-	официальное отречение Диоклетиана и Максимиана от власти. Новыми августи становятся Галерий (старший август) и Констанций Хлор. Цезарями — Флавий Север II и Максимин Даза. Диоклетиан удаляется на покой в Салону на Адриатике (современный Сплит в Хорватии);
306 г.	-	завершение строительства терм Диоклетиана в Риме;
307 г.	-	Максимиан и Галерий зовут Диоклетиана вновь вернуться к власти. По сообщению Аврелия

- Виктора, Диоклетиан, «точно отстраняясь от какой-то чумы, ответил им: "О, если бы вы могли посмотреть на овощи, выращенные моими руками в Салоне, вы бы сказали, что мне этого никогда не надо делать"»;
- 30 апреля 308 г. - по совету Диоклетиана Галерий провозглашает цезарем Лициния;
- 311 г. - Указ Галерия о прекращении преследования христиан;
- 312 г. - Диоклетиан просит Максимиана Дазу отпустить в Салону свою жену Приску и дочь Валерию, но получает отказ;
- 313 г. - Константин и Лициний посылают Диоклетиану приглашение на свадебный пир (сводная сестра Константина Флавия Юлия Констанция выходит замуж за Лициния). Диоклетиан отказывается, ссылаясь на старость. Следует новое угрожающее письмо из Медиолана от Константина с Лицинием, которые обвиняют бывшего императора в благоволении к их противникам — ранее к Максимилиану, теперь к Максимилиану (Аврелий Виктор);
- 3 декабря 313 г. - смерть (самоубийство?) Диоклетиана в Салоне.

Биографический словарь

- Аврелиан (214-275 гг.) из Дакки (271 г.), завоевал Пальмирское царство Зиновии, восстановив господство Рима на Востоке.
- Аврелий Виктор - последний представитель биографической историографии истории Рима. Жил в IV в., уроженец Карфагена, автор сочинений «О цезарях», «О происхождении римского народа», «О знаменитых людях города Рима», «Извлечения о жизни и нравах римских императоров».
- Александр Север (209-235 гг.) - римский император (222-235 гг.), последний представитель династии Северов, при нем сенаторское сословие значительно теряет влияние — сенаторские легаты в провинциях заменяются представителями всаднического сословия, за правителями провинций остается только гражданское управление, командование войсками устанавливается особо.
- Аллект - мятежный правитель Британии в 293-296 гг., преемник Каравзия. Был побежден Констанцием Хлором.
- Аманд - предводитель мятежа багаудов в Галлии 283-286 гг.
- Аммиан Марцеллин (330-400 гг.) - последний великий историк Римской империи, уроженец Антиохии, происходил из знатной греческой семьи, автор «Деяний» (Resgestae), обычно называемых «Историей», труд его состоял из 31 книги и охватывал эпоху от воцарения Нервы (96 г.) до гибели императора Валента (378 г.) в битве под Адрианополем, где римляне были разгромлены готами; до нас дошли только книги XIV-XXXI, содержащие рассказ о событиях от 352 до 378 г.; считал себя продолжателем Тацита; особую ценность его «Истории» придает то, что

- он был непосредственным свидетелем большинства описанных событий.
- Апр** - тесть императора Нумериана (283-284 гг.), префект претория, тайно убил Нумериана, рассчитывая, очевидно, захватить власть, но на солдатской сходке близ Никомедии в Вифинии был убит Диоклом, который после этого и был провозглашен императором под именем Диоклетиана.
- Ахилл (Ахилей)** - предводитель мятежа в Египте (296 г.), был побежден Диоклетианом и убит.
- Валериан** - римский император (253-260 гг.), совершил неудачный поход против персов, был разгромлен царем Шапуром иод Эдессой, попал в плен, в плену был вынужден прислуживать царю-победителю — величайшее унижение достоинства римского императора в истории.
- Валерий Лициниан Лициний** (265-325 гг.) - римский император, с 11 ноября 308 г. август — получил титул от Галерия по совету Диоклетиана. Управлял Рецией и Паннонией — придунайскими провинциями в 308-313 гг. С 313 г. август Востока, управлял империей совместно с Константином I, царившим на Западе. В 324 г. разгромлен Константином и в 325 г. убит.
- Валерия** (?-314 г.) - дочь Диоклетиана, с 293 г. — супруга Галерия, после его смерти отвергла притязания Максимиана Дазы, вместе со своей матерью Приской подверглась преследованиям, убита по приказу Лициния.
- Галерий** (250-311 гг.) - римский император, цезарь при Диоклетиане в 293-305 гг., победил персов в войне 296-298 гг., старший август в 305-311 гг., ненавистник христиан, но в 311 г. издал указ, прекращающий гонения на церковь. Был женат на дочери Диоклетиана Валерии.
- Галлиен** (218-268 гг.) - римский император (260-268 гг.), при нем кризисный распад Римской империи достиг предела, сам император известен дружбой с великим философом Плотинем и попыткой военных реформ.
- Гермоген** - римский юрист эпохи Диоклетиана, продолжил кодификационную работу Григориана, составив дополнительный свод конституций, выпущенных в 291-295 гг.
- Гордиан III** (226-244 гг.) - римский император (238-244 гг.), совершал в 242 г. победоносный поход против персов.
- Григориан** - римский юрист эпохи Диоклетиана, составил сборник императорских конституций от времени Адриана (117-138 гг.) до 291 г.
- Деций** (201-151 гг.) - римский император (249-251 гг.), издал указ, обязавший жителей империи подтвердить свою лояльность к власти путем специальной присяги — и жертвоприношениями, после чего властями каждому совершившему эти действия гражданину выдавалось специальное удостоверение. Христиане не могли совершать жертвоприношения и принимать присягу императору как Богу. Потому их массовый отказ от исполнения указа Деция толкнул императора на жестокое гонение против христиан, которое оказалось непродолжительным, ибо вскоре после гибели Деция в войне с готами было прекращено. В 257 г. Валериан (253-260 гг.) возобновил гонения на христиан, но они уже не имели большой силы и быстро прекратились.
- Домициан I** (Тит Флавий Домициан) (52-96 гг.) - римский император (81-96 гг.), последний отбросил республиканскую внешность Принципата, открыто стал именовать себя *Dominus et Deus* — господин и бог.
- Евсевий Кесарийский** (Памфил) (260-340 гг.) - выдающийся римский церковный историк, автор «Всеобщей истории», в которой изложена история разных народов в ее связи с библейской историей, в «Церковной истории» составил первую историю христианства от его возникновения до 323 г., в «Евангельском приуготовлении» доказывал, что вся история человечества до христианства была только подготовкой к его утверждению.
- Евтропий** - римский историк второй половины IV в., принимал участие в походе Юлиана Отступника (361-363 гг.) против персов в 362 г., позже служил при дворе императора Валента II (364-378 гг.) личным секретарем монарха, по его же указанию написал «Краткую римскую историю», охватывающую историю Рима от возникновения города до смерти императора Иовиана (364 г.).
- Зиновия** (Зенобия) вторая жена царя Пальмиры Одената. После смерти в 267 г. объявила Пальмиру независи-

- мым царством. Завоевала Сирию, Египет, Малую Азию. Была разгромлена Аврелианом (273 г.). Умерла в римском плену.
- Зосим** - последний великий языческий римский историк (вторая половина V в.), автор «Новой истории» из шести книг, описывающих Римскую империю от Августа до 410 г., горячий сторонник древней римской религии, положительно оценивал Диоклетиана.
- Кандидиан (?-313 г.)** - сын Галерия, пасынок Валерии, после смерти отца находился при Приске и Валерии, вместе с ними прибыл ко дворцу Лициния. В 313 г. убит по приказанию Лициния.
- Кар** - римский император с сентября 282 г. по июль 283 г. Победил германцев и сарматов на Дунае, персов в Месопотамии. Погиб в походе от удара молнии.
- Каравзий** - мятежный правитель Британии в 287-293 гг. Убит своим же соратником Аллектом.
- Каракалла (Марк Аврелий Антонин) (187-217 гг.)** - римский император (211-217 гг.), старший сын Септимия Севера, прославился постройкой в терм, эдиктом 212 г., даровав гражданство практически всему свободному населению империи, эдиктом 217 г., уравнявшим восточные культы с римскими.
- Карин** - соправитель императора Кара, в 282-283 гг. цезарь Запада. После гибели Кара и Нумериана оспаривал императорский престол у Диоклетиана, был разбит и погиб (283-285 гг.).
- Констанций I Хлор** - уроженец Иллирии, соправитель Августа Максимиана в звании цезаря (293-305 гг.), управлял Галлией и Британией. В 295-306 гг.) август Запада. Отец Константина I Великого.
- Клавдий II Готский** - римский император (268-270 гг.), прославился победой над готами при Наиссе (совр. Ниш в Сербии).
- Константин I Великий (23 февраля²⁷² г. — 22 мая 337 г.)** - римский император, сын Констанция I Хлора, при Диоклетиане служил в армии, в 306 г. после смерти отца провозгласил себя августом, 28 октября овладел Римом, победив Максенция. С 312 г. - старший август, управлял Западом, оставив Восток Лицинию. С 324 г. — единоличный правитель империи. В 330 г. основал новую столицу империи Константинополь. Перед смертью принял христианство.
- Лактанций** - «христианский Цицерон», выдающийся христианский писатель первой половины IV в., автор «Божественных установлений» в семи книгах, трактатов «О творчестве Божьем», «О гневе Божьем». Важнейшее историческое произведение: «De mortibus persecutorum» — «О смерти гонителей», описывающее бесславные кончины императоров — гонителей христиан от Нерона до Максимиана.
- Либаний (315-383 гг.)** - уроженец Антиохии, знаменитый ритор, руководил школой риторики, деятельно поддерживал императора Юлиана (361-363 гг.) в его попытке реставрации язычества, автор большого числа речей, декламаций, писем, подробно освещавших общественную и культурную жизнь эпохи.
- Максенций** - сын Максимиана, женат на дочери Галерия Максимилиана. В 306 г. провозглашен цезарем на Западе, с 307 г. август. Правил в Риме. В 312 г. побежден Константином I и погиб в бою.
- Максимиан (250-310 гг.)** - римский император, с 286 г. соправитель Диоклетиана. С 293 г. август Запада. В 305 г. вместе с Диоклетианом отрекся от престола, но в 208 г. сделал попытку вернуться к власти, потерпел неудачу и в 310 г. покончил жизнь самоубийством.
- Максимин Даза** - племянник Галерия. В 305-309 гг. — цезарь Востока, с 309 по 311 гг. — август. Был побежден Лицинием и погиб.
- Марк Аврелий (121-180 гг.)** - римский император (161-180 гг.). Философ-стоик. Крайне враждебно относился к христианству, жестоко преследовал христиан, издав законы, направленные против них и ставшие правовой основой преследования христиан и в последующую эпоху. Вел многочисленные войны с германскими племенами маркоманов и квадов, нанес сокрушительное поражение Парфии. В Риме до настоящего времени сохранилась конная статуя Марка Аврелия.
- Нарсес** - персидский царь (293-302 гг.), в 296-298 гг. воевал с Римом, был побежден Галерием.

	Нумериан	-	римский император с лета 283 по осень 284 г. Убит префектом претория Апром.
Шапур	Плотин (204-270 гг.)	-	уроженец города Ликополя в Египте, крупнейший античный философ-неоплатоник, главное произведение, записанное с его слов учеником Порфирием — «Эннеады», т. е. «девятки», представляющие собою сборник в шести частях, в котором статьи расположены девятками. Содержат «Эннеад» — учение о мире и его управлении, нравственности, душе, разуме, красоте.
Элиан гаудов	Порфирий	-	уроженец города Тира в Финикии, ученик Плотина, развивал взгляды своего учителя. Сочинения: «Жизнеописание Плотина», «Жизнеописание Пифагора», «Основы учения о мыслимом», «О воздержании от мясной пищи» и др. Важнейшее сочинение Порфирия «Против христиан» известно только по полемике христианских писателей против него, поскольку было сожжено в 435 г. по распоряжению восточно-римского императора Феодосия П.
ра, ством искусства и философии.	Приска	-	жена Диоклетиана, оставалась в Никомедии после оставления Диоклетианом власти, подверглась преследованиям со стороны Максимиана Дазы, убита по приказанию Лициния.
о вал учение пифагорейцев.	Проб (232- 282 гг.)	-	римский император в 276-282 гг. Много сделал для восстановления единства империи. Убит мятежниками, которых заставлял осушать придунайские болота.
	Север II	-	любимец Галерия. С 305 по 306 г. цезарь Запада, с 306 по 307 г. — август. Погиб в борьбе за власть с Максенцием, сыном Максимиана.
	Септимий Север (146-211 гг.)	-	римский император (193-211 гг.), основатель династии Северов (193-217, 218-235 гг.), победоносно завершил войну с Парфией (199 г.), укрепил римские рубежи на Рейне, Дунае и Британии, сенат при нем еще более теряет свое значение — законодательные постановления сената <i>senatus consulta</i> заменяются императорскими обращениями к сенату <i>oratio</i> , таким образом, сохраняя формально законодательную власть, сенат лишается возможности ее осуществлять. Септимий Север узаконил новую титулатуру императора — <i>Dominus</i> — господин.

	Тацит	-	потомок историка Публия Корнелия Тацита, последний римский император, избранный сенатом (275-276 гг.).
	Тетрик	-	римский наместник в Аквитании. В 271 г. провозгласил себя императором. В 274 г. разгромлен Аврелианом, был им прощен и остался на административных должностях.
	Юлиан Апостат (Отступник) (331-363 гг.)	-	римский император (361-362 гг.), сделал последнюю попытку восстановить в Римской империи языческий культ, автор ряда посланий, памфлетов, сатир, основные из которых направлены против христианства и в защиту язычества, погиб в бою с персами, согласно христианской легенде перед смертью произнес слова: «Ты победил, Галлелинин!».
	Юлия Домна (? - 217 гг.)	-	римская императрица, супруга Септимия Севера, прославилась покровительством искусства и философии.
	Ямвлих (240/45 - ок. 325 гг.)	-	уроженец Сирии. Позднеантичный философ, представитель неоплатонизма. Развивал учение пифагорейцев.

Словарь

ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

- Алеманны** - германское племя, обитавшее в верховьях Рейна и Дуная. Его название стало исторической основой современного французского наименования немцев: Allemand.
- Бастарны** - племя, предположительно фракийского происхождения, обитавшее в первые века новой эры в Нижнем Подунавье.
- Блеммии** - кочевые племена, обитавшие в регионе между Красным морем и Нилом. Большинство подчинялись Эфиопии, в правление Диоклетиана на время захватили часть Египта.
- Даки** - самые северные из фракийских племен, обитавшие в КарпатоДунайском регионе. В 107 г. были покорены римлянами при императоре Траяне, в 271 г. император Аврелиан был вынужден вывести легионы из Дакии под натиском готов и сарматов. Значительная часть населения Дакии вслед за римскими войсками переселилась на южный, правый берег Дуная, где образовалась одноименная провинция. Из правобережной Дакии происходил император Галерий. Романизованные даки являются предками современных восточных романцев.
- ДалматинЦЫ** - племена иллирийского происхождения, обитавшие на западе Балкан по побережью Адриатического моря. Далматинцем по происхождению был Диоклетиан.
- Готы** - германские племена, выходцы из Скандинавии, в III-IV вв. обитали в Северном Причерноморье.
- Иллирийцы** - многочисленные племена, родственные фракийцам, обитавшие в центральных и западных областях Балкан. Из числа иллирийцев вышли многие римские императоры: Аврелиан, Проб, Констанций Хлор, Константин Великий... Потомками нероманизированных иллирийцев считаются современные албанцы.
- Карпы** - фракийское племя, обитавшее в Восточном Прикарпатье в регионе между Карпатами и рекой Прут. От их наименования и произошло название Карпатские горы.
- Лингоны** - галльское племя, обитавшее в Центральной Галлии по соседству с секванами.
- Мавры** - население северо-западных областей Африки, предки берберов.
- Маркоманы** - германское племя, обитавшее во II-III вв. на Среднем Дунае. В 169-175 и 177-180 гг. римляне в правление Марка Аврелия вели тяжелые войны с маркоманами, в ходе которых вторжения варваров достигали Северной Италии. При Диоклетиане во время войны на дунайской границе империи маркоманы были перебиты римлянами согласно сообщению Аврелия Виктора.
- Парфяне** - ираноязычные кочевники, уроженцы Закаспия. Исторический центр прародины парфян г. Ниса находился в 20 км от совр. Ашхабада. В середине III в. до н.э. создали самостоятельное государство под руководством династии Аршакидов. В эпоху своего расцвета (I в. до н.э. — I в. н.э.) Парфия простиралась от Сирии до Индии и на равных соперничала с Римом. Парфянская держава рухнула в 224 г. и на ее развалинах образовалось Новоиерсидское царство — держава Сасанидов.
- Пентаполитанцы** - обитатели Киренаики, кирены, проживавшие в области Пентаполис — Пятиградье, одной из североафриканских римских провинций.
- Персы** - иранцы, основное население Сасанидской державы, Новоперсидского царства, сменившего в Месопотамии и Иране Парфянское царство с 224 г. Просуществовало до середины VII в., когда было завоевано арабами.
- Саксы** - германские племена, обитавшие на Нижнем Рейне и Эльбе.
- Сарматы** - ираноязычные кочевники, господствовавшие в первых веках новой эры в Северном Причерноморье.
- Секваны** - галльское племя, обитавшее в Центральной Галлии по берегам реки Секвана (Сена).
- Франки** - общее название германских племен, не имевших постоянных мест обитания и постоянно передвигавшихся; слово «франк» сопоставимое wngang «бродяга» или «свободный». Античные писатели относили к категории франков племена бруктеров, хамавов, апсвариев, хаттов, салиев, сикамбров, тенктеров, марсов и др.; по сути дела — это остатки племен, которые, не располагая внушительной численностью и особой силой, перешли на положение бродячих воинов-разбойников (см.: Федорова Е. В. Париж. Века и люди. С. 13). Впоследствии в конце V в. составили мощное межплеменное объединение, положившее при короле Хлодвиге начало могучей державе раннего средневековья — Королевству франков.

Рекомендуемая литература

Источники:

Аврелий Виктор. О цезарях / Пер. В. Соколова // Римские историки IV в. М., 1997. С. 77-123.

Властители древнего Рима (Scriptores historiae Augustae) / Пер. С. Кондратьева; под ред. А. Доватура. М., 1992.

Евсевий. Церковная история / Евсевий Памфил. Сочинения. Изд. 2-е. СПб., 1858. Т. I-III.

Евтропий. Краткая история от основания Города / Пер. А. Донченко // Римские историки IV в. С. 5-76.

Лактанций. О смертях преследователей / Пер. В. Тюленева. СПб., 1998.

Bruns C. G. (ed.) Fontes iuris Romani antiqui. Pars I. Leges et negotia. Tubingae, 1909.

Zosimus. Historia nova / Ed. L. Mendelson, Lipsae, 1887.

Исследования:

Архангельский С. Указ Диоклетиана о таксах. Н.Новгород, 1928.

Виллемс П. Римское государственное право / Пер. с французского. Вып. 1-2. М., 1888-1890.

Гримм Э. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 1-2. СПб., 1902-1903.

Джонс А. Х. М. Гибель античного мира / Пер. с англ. Ростов н/Д, 1997.

Крист Карл. История времен римских императоров. Ростов н/Д, 1997.

Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. СПб., 1904; Издание М., 1991.

Драгоманов М. Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого // Киевского университета известия. 1865. № 2.

Казаков М. М. Христианизация Римской империи в IV в. Смоленск, 2002.

Нетушил Н. В. Очерк римских государственных древностей. Вып. I—III. Харьков, 1894, 1897, 1902.

Ковалев С. И., Штаерман Е. М. Очерки истории Древнего Рима. М., 1956.

Покровский И. А. История римского права. СПб., 1918.

Машкин Н.А. История Древнего Рима. М., 1956.

Ростовцев М. И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899.

Федорова Е. В. Люди императорского Рима. М., 1990.

The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1939. Vol. XII, Chapt. IX, X, XI and XIX, by prof. W. Ensslin.

Van Berchem D. L'armée de Diokletian et la reforme constantinienne. Paris, 1952.

Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. I-III. Oxford, 1964.

Gibbon Edward. The history of the Decline and Fall of the Roman Empire. Ed. J.B. Bury. London, 1898-1900.

Grant Michael. The Climax of Rome. The final achievements of the Ancient world. A. D. 161-337. Boston-Toronto, 1968.

Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bde I-III. Leipzig, 1876-1888.

Mommsen Th. Über das Edict Diocletians «De pretiis rerum venalium». — Gesammelte Schriften, II. Berlin, 1905.

Seston W. Dioclétien et la Tetrarchie. Paris, 1946.

Stade K. Der Politiker Diocletian und die letzte große Christenverfolgung. Berlin, 1926.

Stein E. Histoire du Bas-Empire. Vol. I. (284-476). Paris, 1959.

Petit P., Remondon R. La crise de l'Empire Romain de Marc Aurelius à Anasthasius. Paris, 1964.

Petit Paul. Histoire de l'Empire Romain. Paris, 1974.

Hafner Hermann. Prominente der Antike. 337 Porträts in Wort und Bild. Dusseldorf-Wien, Econ Verlag, 1981.

Deaujeu J. La religion romain a l'époque de l'Empire. Paris, 1955.

Wlosok D. Römischer Kaiserkult. Darmstadt, 1978.

Burckhardt J. Zeitalter Constantins des Großen. Basel, 1853.

Rostovtzeff M. Economical and social history of Roman Empire. Oxford, 1926.

Niebuhr G. B. Die Vorträge über Römische Geschichte. 3. Bd. Bonn, 1831.

Hunziker O. Diocletianus und seine Nachfolger. — Untersuchungen zur Römischen Kaisergeschichte. Band II. Leipzig, 1868.

Preuß T. Kaiser Diocletian und seine Zeit. Leipzig, 1869.

Barnes T. D. The New Empire: Diocletian and Constantine. Cambridge, Mass., 1982.

Cameron A. The Later Roman Empire, A. D. 284-430. Cambridge, Mass. Harvard University press. 1993.

Williams S. Diocletian and the Roman recovery. London, 1985.

Summary

The reign of emperor Diocletian is one of the important and critical periods in the history of Rome. Henceforth there is too little in common with the Empire of I—II centuries A.D. in it. Principate gave place to Dominate. Just as Augustus had laid the foundation of the State system existing up to a last quarter of III century A.D., Diocletian, having succeeded in transformation of the decrepit principate and in strengthening of external power of the Empire, created the State system, that lasted until the very fall of Rome and became a base of the State system of Byzantine in the East.

The time, preceding Diocletian's accession to the emperor throne, was extremely difficult for Rome. The Empire had lost its integrity, the external power of the State sharply weakened, powerful social movements constantly shook many provinces. All Gallia was involved with a grandiose revolt of the bagauds. New states were formed on short term. Palmira being a little town and the capital of an insignificant state earlier, turned with amazing speed to a centre of the huge empire, which captured a large part of east provinces of Rome.

The external wars that sharply undermined prestige of the central authorities and scattered the myth about invincibility of Roman weapon, had brought hardest defeats to the Romans. In 251 A.D. Roman Army suffered a terrible defeat in a battle with the Goths at Abritte, where emperor Decius was also killed. In 260 A.D. Persian king Shapur had broken the Romans and captured emperor Valerian. For the first time Rome felt such disgrace. The captive emperor was forced to be a servant of the king — winner. Such cruel failures promoted reinforcement of social struggle of oppressed classes and that frightened big land — owners in provinces very much. From the second half of III century A.D. they began to search for an alliance with Roman government and to rally around of it. The rallying of main forces of the slave — holding class allowed to restore the unity of Roman State.

Emperor Claudius the Second put a shattering defeat to the Goths in the battle at Naissus in 269, Emperor Aurelian (270-275 A.D.) destroyed

the Palmyrian and Gallian empires, Emperor Probus (276-282 A.D.) expelled the Franks from Gallia and successfully waged on the Moors in Africa.

At the first years of reign of Diocletian (284-305 A.D.) the integrity of the Empire was finally established. Maximian, the fellow — governor of Diocletian, suppressed the social movements in Gallia and Northern Africa, Diocletian himself quelled the revolt in Egypt, the Domination of Rome was restored in Britain. The successful wars with the Persians, the Franks, the Allemanni lifted the foreign — policy authority of Rome impossible to fix these success without complete transformation of all state organism.

The events of II century A.D. testified about deep changes in the economic and social life of the Empire. The change of political organization was inevitable. Only amplification of the state authority, based on a powerful army and a refined bureaucratic machinery of the State, could prevent recurrence of the events of middle of III century A.D.

The task of complete transformation of political organization of the Roman society also was carried out by Emperor Diocletian.

First of all Diocletian decided to create a new system of the imperial authority. He established the constant institute of co-governors. At first — diarchy, when the Empire is operated by two emperors one in the east, other on the west, and then — tetrarchy, when together with two senior emperors — Augustus — appear the younger ones — Caesars. With Augustus Diocletian the Caesar was Galerius, with Augustus Maximian — Constantius Chlorus. In the first, and, by the way, in the last time in the history of Rome Diocletian attempted to set up an absolutely precise system of succession to the throne — two Augustus would be replaced by Caesars, which becoming Augustus select new Caesars for themselves. Also there was established a temporary terminator of government of Augustus — 20 years. The status of the emperor finally changed too. Henceforth the ruler of Rome was not princeps — the first in Senate, but he was dominus now — the Master. Dominus et Deus — Master and Lord — it is an official title of Roman emperors in the epoch of Dominate. For strengthening prestige of the imperial authority Diocletian sets up imperial ceremonial at his court, borrowed it from Sassanian Persia.

Under Diocletian, in connection with establishment of Tetrarchy, the administrative reform of the Empire was conducted too. The extensive territories are fixed for each of the tetrarchies: for Diocletian — Thracia, Asia Minor, Syria, Mesopotamia, Egypt; for Maximian — Italy, and Northern Africa; for Galerius — Greece, Macedonia, Illiria;

for Constantius Chlorus — Gallia, Britain and Spain. The number of provinces is doubled — now there are 100 of them. Italy loses its special status, turning on an ordinary area of the Empire. Rome, keeping the status of the capital, loses its role as a residence of the Emperor. The Roman Senate forfeits the status of supreme body of the Empire, turning to a council on administration of Rome-city. The centre of the Empire moves to the east.

Diocletian establishes the new tax system, that survived the Rome and was preserved in Byzantine. An attachment farmers to land and citizens to residence becomes its consequence. The finance is reformed the monetary system renovates. However the grandiose attempt of Diocletian to set up the rigid state control over prices and incomes of the population had failed. The last great prosecution of the christians finished with the failure too. The Diocletian's favourite child — Tetrarchy — also couldn't survive his reign.

At the same time the political system as a whole, the principal of taxation, the attachment of estates — all of this outlived Diocletian for many centuries.

In 305 A.D., after celebrating the triumph in Rome, where the capture family of Persian king Narses was led through, Diocletian in perfect accordance with his own statute about 20-years term of administrating of Augustus, resigned and forced Maximian to do the same.

He moved off in Salon — city in his native Dalmatia, where he lived up to his decease in 313. He didn't interfere with political business anymore. Galerius and Constantius Chlorus became new Augustus. The Diocletian's position passed to Galerius.

The importance of the Diocletian's state reforms consists, first of all in establishment of the new political system, that was included in the history of Rome under the name of Dominate. The Roman state becomes an unlimited absolute monarchy.

It was the epoch of last revival of former glory of the Roman Army, the occurrence of the new management system and the creation of the new machinery of the State. At the same time Diocletian was last, who tried to keep in inviolability the ancient religion of Rome, fighting with Christianity very cruelly. He is the last great oppressor of the christians.

The reign of Diocletian is some kind of critical time, when the new political system was established, but not all elements of the old one was rejected.

The long reformatory activity of Diocletian testifies, that he was a person of outstanding energy, state wit and military talent.

Содержание

Введение	5
Эволюция императорской власти в эпоху принципата	23
Новая система императорской власти	32
Государственное управление при Диоклетиане	47
1. Центральный государственный аппарат	47
2. Законодательство и право	52
3. Административное управление	56
Экономическая политика Диоклетиана	64
1. Финансы и налоговая политика	64
2. Эдикт о ценах	74
Военная реформа Диоклетиана	79
Религиозная политика Диоклетиана	84
Заключение	111
Хронология	126
Биографический словарь	129
Словарь этнических наименований	136
Рекомендуемая литература	138
Summary	140